

ЭВОЛЮЦИЯ

Анастасия Топчий

18+

Анастасия Топчий

Эволюция

«Автор»

2026

Топчий А.

Эволюция / А. Топчий — «Автор», 2026

ДИСКЛЕЙМЕР: НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эксперимент по созданию сверхчеловека вышел из-под контроля, и теперь человечеству грозит вымирание. Пока детектив Рис разбирается в ситуации, невольный участник игры Ник пытается спасти свою сестру из лап безумных ученых. Удастся ли героям сплотиться и положить конец жестоким испытаниям, превращающим людей в монстров? «Эволюция» является непрямым продолжением романа «Край», рассказывающим подробнее об истории кровавой игры международных масштабов.

© Топчий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЭВОЛЮЦИЯ	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	65
Глава 10	78
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анастасия Топчий

Эволюция

ЭВОЛЮЦИЯ

Ученые всегда стремились прыгнуть выше своей головы и создать нечто, что могло бы перевернуть мир. Один из них решил перешагнуть всех и форсированно перевести человечество на новую ступень эволюции, создать новый мир и стать для него богом. Но эксперимент привел к разрушительным последствиям, и теперь вместо нового мира человечеству грозит вымирание.

Глава 1

— Вместо того чтобы целыми днями играть в видео-игры, мог бы сходить с сестрой в парк аттракционов, — причитала мама, наворачивая вокруг меня круги.

— Я не целыми днями играю, мам, — раздраженно отмахивался я. — Во-первых, по будням я усердно работаю, как порядочный гражданин...

Я чертыхнулся, когда из-за болтовни провалил миссию, и теперь вынужден был начинать уровень заново.

— Искать работу — не значит работать, — резко ответила мать. — Никогда бы не подумала, что мой сын вырастет таким безалаберным!

— А можно было бы понять по тройкам в первом классе, — пробубнил я, нервно нажимая на кнопки джойстика. — А во-вторых, ну какие аттракционы? Мне двадцать два, я уже вырос из этого, и с мелкой просто умру от скуки!

— Не называй меня мелкой! — раздался детский голосок, после чего сестренка вклеила мне легкий подзатыльник.

— Мама, она дерется! — не отрываясь от монитора, пожаловался я.

— Никита, мне очень жаль говорить это, — мама выдернула у меня из рук пульт управления и посмотрела прямо в глаза. — Ты бессовестный лентяй. Отец в твои годы уже устроился на хорошую работу, женился и родил тебя. Он не побоялся брать на себя ответственность!

— Отец, отец, — передразнил я. — И где он сейчас, мой отец?!

— Я здесь!!! — с кухни долетел грозный бас главы семейства.

— Я думал, ты за хлебом ушел, — всхлипнул я, раздосадованный неудачей с драматическим моментом.

— Хватит корчить из себя клоуна, — упрекнула мама.

— Не печалься так, ма, — я улыбнулся своей контрольной улыбкой. — Со второго раза у вас получилось вырастить милого ребеночка! Так что обо мне можете не беспокоиться.

— Как я могу о тебе не беспокоиться, бестолочь, — мама сдалась и вернула джойстик.

— Мне уже двенадцать! — завелась Алиса и топнула ножкой.

Я обернулся и расплылся в довольной ухмылке, которую сестренка не оценила по достоинству. Она набросилась на меня с такой яростью, словно боролась насмерть. Благо, силенок ей хватало только на щикотку.

Алиса и правда оказалась удачным творением: милая красавица со светлой шевелюрой, ямками на щеках и большими оленьими глазками. Характер у нее был бойкий, обостренный гормональными всплесками, которые являлись неотъемлемой частью пубертатного периода, но проявлялся он только в те моменты, когда возникала необходимость постоять за себя. А я давно привык к роли лодыря, хотя когда-то отлично понимал, чем хотел заниматься, и имел все возможности для успешного достижения желаемого. Но, согласно канонам в классических трагедиях, у меня нашлись причины от этого отказаться.

Алиса перестала меня колотить и теперь попросту повисла на моей шее.

— Никитка, ну пойдем в парк аттракционов, — упрашивала она. — Ты же знаешь, без взрослых меня не отпустят.

— Лисочка, попроси своего любимого папочку, — устало отпирался я. — Мне лень, честно.

— Никита! Тогда поиграй со мной в настольные игры. Дома.

— Ты режешь меня без ножа, — протянул я и улегся на диване перед телевизором.

— Ты мой брат и обязан уделять мне хоть какое-то внимание, — Алиса помолчала и хитро добавила. — Как мне тебя уговорить?

— Ты еще не в том финансовом положении, чтобы меня уговаривать, — хихикнул я, стараясь, чтобы меня не услышали родители.

Зазвонил мобильник, прерывая заново растущую истерику сестры. Его дисплей был чересчур покорежен, чтобы я мог увидеть имя абонента. Мы с доисторическим сименсом прошли сквозь огонь и воду, в прямом смысле этого слова: он и тонул на пляже, и горел в костре... Однажды он вывалился из кармана, когда я гнал на мотоцикле. Теперь это была раритетная модель, представленная куском черной расплавленной пластмассы. Ни за что не променяю его на бездушную звонилку без индивидуальности.

— Кит! — прозвучал хриловатый голос моего лучшего друга Ваню. — Поехали!

— Куда тебя опять несет, Зайцев? — не без любопытства откликнулся я.

— На экскурсию в Америку!

— Ты спятил, дружище, — рассмеялся я. — Это слишком далеко и не слишком интересно.

— Как это не интересно? Ты что, не прочитал книгу, которую я дал тебе два месяца назад?

— Ваню, я и «читать» — не самое лучшее сочетание...

— Ну и дурак, — брякнул друг. — Автор после написания романа сошел с ума, а это уже залог качества. Там такое рубилово, тебе и не снилось.

— Где, в психушке?

— Да в книге, — гаркнул Зайцев. — Поехали, такого аттракциона ты больше нигде не встретишь.

— Аттракциона, говоришь, — я бросил взгляд на сестру, которая пристально наблюдала за мной. — Когда выдвигаемся?

— Сегодня. Вещей особо не бери, мы поедем на три дня. Ко вторнику вернемся.

— Ты сумасшедший, друг мой, — весело произнес я. — Бери билеты на троих, с нами едет моя сестра.

Алиса удивилась и радостно пискнула. Я схватил ее за локоть, чтобы она преждевременно не побежала к родителям.

— Кит, это совсем плохая идея. Какое может быть веселье, если с нами будет малолетнее палево? — простонал Ваню.

— Не беспокойся об этом, — заверил я. — Бери с собой сколько нужно своего «веселья».

— Как скажешь, — неуверенно ответил Зайцев. — До связи.

Я бросил телефон на стол и склонился перед сестренкой, чтобы быть с ней на уровне глаз.

— Лисочка, мы едем вместе на условиях, которые ты мне подпишешь в официальном соглашении между братом и сестрой, — как можно строже проговорил я. — Что бы ни случилось во время поездки, ты не станешь рассказывать об этом маме с папой.

— А если меня спросят? — пролепетала сестра.

— Если это будет касаться меня и Вани, скажешь, чтобы спрашивали у меня.

— Мне не сложно хранить секреты, — девочка хитро подмигнула.

— И еще одно условие, — добавил я. — Ты сама сейчас пойдешь к родителям и будешь упрашивать их отпустить нас, хорошо?

Не успел я договорить, как Алиса рванула на кухню выполнять свою непростую миссию. У нее всегда это получалось лучше, чем у меня.

— А что, поближе аттракционов найти нельзя? — пыхла мать, размахивая полотенцем. — Парк Горького вам чем не нравится?

— Но мама! — пищала сестренка. — Мы на экскурсию!

— Я не вижу никакой проблемы, — рассуждал отец. — Только пропустит школу в понедельник. Но Алиса — умный ребенок, для нее это ничем не грозит. Наоборот, она расширит свой кругозор.

После отцовских рассуждений мама поутихла, но нервничать не перестала.

— Нужно все обдумать, — вздохнула она. — К таким вещам не стоит подходить безрас- судно.

— Я же еду с братом, мама, — настаивала Лисочка. — Он уже взрослый.

— Он только в паспорте взрослый, — с сожалением пробормотала мать и уставилась на мужа, намекая, что последнее слово оставила за ним.

— Да пускай едут уже куда-нибудь! — всплеснул руками тот. — Один бездельник сидит целыми днями дома и продавливает диван, а вторая слоняется по углам и ноет, что ей скучно.

— Спасибо, папочка! — воскликнула сестра и чмокнула отца в щеку.

— А старшой-то наш где? — мама выглянула в коридор.

Я уже стоял у дверей с собранным рюкзаком, улыбаясь, как Чеширский Кот. Мама зака- тила глаза и последний раз глянула на мужа, в надежде, что он все-таки передумает. Но Алиса излучала столько радости, что теперь передумать было невозможно.

— Я отправлю тебя в клетку к бомжам, если Алиса вернется хоть с одной царапиной, понял? — прошипела мама на полном серьезе.

Она работала в полицейском участке, и, благодаря ей, за свою недолгую жизнь я четыре раза успел побывать в обезьяннике в воспитательных целях.

— Понял, ма, — протянул я.

— И Ване своему то же самое скажи, — более низко произнесла мама и погрозила паль- цем.

Она знала, что мой прокуренный до мозга костей дружок — не самая лучшая компания для маленькой девочки.

— Все будет хорошо, я обещаю, — искренне заверил я, торжественно положив руку на грудь.

Мама заботливо пригладила мои растрепанные кудри.

— Всегда бы так, — пробормотала она и направилась в комнату, чтобы помочь дочери собрать вещи и необходимые документы.

— В психиатрическую больницу, пожалуйста, — сказал Ваню таксисту.

— Мне послышалось, что мы вместо аэропорта собрались ехать в психиатрическую боль- ницу! — усмехнулся я.

— Тебе не послышалось, — озадаченно шепнула Алиса.

— Хочу поведать одного человека перед тем, как поехать, — раздраженно сказал Зай- цев, как будто мы должны были догадаться сами.

— Только не говори, что это касается той книги, — недоумевал я.

Друг нервно зыркнул на меня и промолчал.

Лисочка прижалась ко мне, чувствуя нескрываемую неприязнь со стороны Зайцева. У нее были на то причины, ведь парень действительно выглядел не очень дружелюбно, особенно когда раздраженно щурился, прямо как сейчас. Он был похож на тень: черные сальные волосы, преимущественно черная одежда, бледная кожа, темные круги под глазами. Но на самом деле он был веселым и даже немного сумасшедшим, особенно когда находился среди своих хороших знакомых.

Вопреки всем моим ожиданиям, московская психиатрическая больница внешне не отли- чалась от других больниц: такая же серая, такая же простая и ничем не примечательная. Когда мы назвали имя Мирославы Вольной, автора злополучной книги, о которой все всемя гово- рил друг, нас стали подозрительно осматривать, как преступников. Невинный взгляд Лисочки снова спас положение, и нам разрешили навестить пациентку, несмотря на то, что мы были для нее посторонними людьми.

— К ней никто не приходит, — оправдывалась медсестра, любуясь на Алису. — Теперь ей хоть повеселее станет.

Дверь в палату открылась, и перед нами предстали белые крашенные стены и металлическая койка, на которой смиренно лежала молодая женщина и пялилась в одну точку на потолке. Изъяны, вызванные долгими слезами, усталостью и истощением, портили ее когда-то привлекательное лицо. Когда мы вошли, она никак не отреагировала, но как только медсестра ушла, пациентка заговорила.

— Эдди? — чуть заикаясь, произнесла она и вздрогнула.

— Нет-нет, не он, — осторожно произнес Ваню и подошел к пациентке.

Вольная расслабилась и слегка улыбнулась. Она оторвалась от излюбленной точки на потолке и начала рассматривать парня.

— Марик, — любовно пропела она и пустила мелкую слезинку.

— Нас зовут Никита, Алиса и Иван, — представил нас Зайцев. — Мы прочли вашу книгу и хотели бы узнать, какова в ней доля истины.

Взгляд пациентки тут же ужесточился. Она села на кровати и пристально смотрела на нас, словно намеревалась прожечь в нас дырки. Лисочка спряталась за моей спиной, и я слышал, как учащенно она дышала. Я уже не считал, что брать ее с собой было хорошей идеей.

— Все, что я написала — чистой воды правда, — медленно проговорила Мирослава. — Все, кроме конца.

— Там вы умираете, — кивнул Ваню.

— Не в этом дело, — прошипела Вольная, раздраженная тем, что ее перебили. — Мы остались с Эдди вдвоем и должны были убить друг друга...

Повисло гробовое молчание. Мне казалось, что я слышал чьи-то мысли: такие тяжелые, мрачные, гнилые. Мирослава не торопилась рассказывать, и никто из нас не осмеливался ее подгонять.

— Они не знали, что со мной делать, — наконец-то продолжила она. — Они должны были забрать меня на второй этап. Но мой разум к тому времени сильно ослаб.

— Второй этап? — уточнил Зайцев.

— А к чему ты думаешь нас готовили? Я должна была попасть в общество нового поколения, должна была стать основой для нового витка эволюции. Но я здесь!

Вольная дико улыбнулась, оголяя все тридцать два пожелтевших зуба, но когда она заметила прячущуюся за мной Алису, улыбка тут же исчезла с ее лица.

— Пришли посмотреть на меня, как на мартышку в зоопарке?! — женщина внезапно впала в ярость и вскочила на ноги, пугая сестренку еще больше.

— Мы лишь хотели удостовериться! — уверял Ваню, подняв руки вверх в знак примирения. — Хотели удостовериться, что летим в Парадайз Вэллей не просто так!

Мирослава замерла, как каменная статуя, и лишь ее правый глаз нервно дернулся при напоминании о злополучном месте на севере штата Невада.

— Вам пришли конверты? — полупшепотом вымолвила Вольная.

— Нет, — пожал я плечами, впервые подав голос.

— Мы хотим просто посмотреть, что там происходит, — пояснил друг. — Может, встретим нынешних участников, поможем им чем-нибудь.

— Думаешь, это смешно?! — снова завопила пациентка и прыгнула на Зайцева.

В палату мигом вбежала бригада медбратьев и схватила взбунтовавшуюся женщину.

— Не лезьте туда! — кричала та. — Вы все погибните! Все!!!

Мирославе сделали укол, после чего она почти мгновенно уснула. Нас попросили удалиться.

— Никита, — тихонько позвала Алиса.

— Если не хочешь, можешь не ехать, — прервал я сестру.

— Нет! Теперь я очень хочу! — воскликнула та и попрыгала на улицу, оставив меня и Ваню позади.

— Не думаю, что можно доверять человеку, который перепутал тебя с персонажем из собственной книги, — пробубнил я.

Я заметил, как у друга изменилось настроение. Внезапно он стал серьезным, глубоко задумавшись о чем-то. Но заметив мое напряжение, он снова нацепил на себя безмятежный облик.

— Расслабься, — засмеялся Зайцев и похлопал меня по плечу. — Это было неудачное вступление к нашему долгому путешествию. Не воспринимай его всерьез.

— Я просто не понимаю, зачем мы вообще сюда приехали, — возмутился я.

— Мне нужно было ее навестить, — нетерпеливо отвечал Ваню. Очевидно, ему не хотелось обсуждать эту тему.

— Мы на самолет опоздаем! — крикнула Алиса.

— Нам и правда стоит поторопиться, — подтвердил Зайцев, сверившись с наручными часами.

Я кивнул и побежал за сестрой, чтобы не упустить восторженного ребенка из виду.

Зайцев смотрел мне вслед и оттягивал карман куртки, нервно покусывая губу.

— Шоу начинается, — буркнул он себе под нос, так, чтобы никто его не услышал.

— Мы уже в самолете, мама, — бормотал я в телефон, пробираясь к своему посадочному месту сквозь беспокойную толпу пассажиров. — Если бы я не взял паспорт и доверенность, нас бы сюда не пустили, так что я ничего не забыл, мама!.. Да все в порядке с твоей Алисой!

— Я сяду у окошка! — пролепетала сестра и пролезла вперед.

— Это называется «иллюминатор», — поправил я и вздохнул. — Я тоже люблю тебя, мама. Увидимся во вторник. Положись на меня.

Я отключил мобильник и рухнул в кресло между Алисой и Ваней. Из рюкзака заманчиво торчала книга Мирославы Вольной, и я задумчиво сверлил ее взглядом.

— Сколько я тебе должен? — шепнул я Зайцеву.

— Ничего ты мне не должен, — фыркнул Ваню. — Ты же знаешь, сколько я получаю ежемесячно от псевдо-родителей. Мне так много не надо.

Друг продемонстрировал меланхоличную улыбку, которая была мне хорошо знакома. Она всегда возникала на его бледном лице, если речь заходила о родителях. Когда ему было шестнадцать, Ваню бросили на произвол судьбы в однокомнатной квартирке на окраине города. С тех пор отец высылал ему некоторую сумму денег, чтобы неблагополучный сын не возвращался в семью и не показывал плохой пример двум прилежным братьям.

Я увлекся книгой и не заметил, как мы взлетели. Чем дальше я читал, тем мрачнее становилось мое настроение.

Книга называлась «Край». В ней повествовалось о создании идеального мира с новыми людьми, в которых закладывалось отсутствие таких черт, как жестокость или комплекс власти. Проблема заключалась в том, что для создания людей с совершенными генами приходилось искать подопытных. На них ставили психологические эксперименты, заставляли страдать морально и физически; заставляли их бороться за свою жизнь с остальными участниками эксперимента. А когда в живых оставался кто-то один, ему давали выбор: остаться или заменить себя на группу новых испытуемых. Считалось, что если победитель выбирал первое, он обладал подходящим для утопии генотипом. Если же он выбирал второй вариант, человек бесследно пропадал, а тем, на кого указал победитель, присылали приглашительные конверты с правилами отборочного этапа. Кандидатов ввязывали в эксперимент любыми путями.

Если все это происходит на самом деле, думал я, то наш мир сошел с ума. Хотя в глубине души мне импонировала идея нового мира, потому что я искренне хотел бы, чтобы челове-

ство жило без обмана и войн. Когда-то ради спасения народа Иисус пожертвовал собой, так почему бы снова не принести эту жертву?

Я захлопнул книгу и откинулся в кресле.

— Ну как? — развеял мои мысли Ваню, заметив, что я закончил читать.

— Ничего не понял, — признался я и бросил книгу обратно в рюкзак.

— Для этого мы и едем, — подбодрил меня друг. — Чтобы понять. Ты принял таблетки?

— А ты? — съехидничал я и рефлексивно потрогал карман куртки, где покоился мутный пластиковый пузырек крепкого успокоительного средства. — Принял, черт возьми, Ваню. Принял.

Глава 2

Шумно. Детектив Рис МакКаунти работал здесь уже двадцать лет и до сих пор не мог привыкнуть к ужасному шуму: жужжание системных блоков, шуршание бумажных листов, треск shreddera, шипение кофе-машины, пустая болтовня сотрудников... Поэтому он не любил находиться в офисе и большую часть суток старался проводить лично на расследованиях и допросах.

МакКаунти было всего сорок, но годы ночных дежурств и хронический стресс оставили на его лице глубокие морщины, состарив еще на десять лет. Волосы тронула благородная седина, но она не помогала добиваться уважения ни у начальства, ни среди преступников. Рис считал, что полицейскому вообще ничто не может помочь, только его собственные ум и руки. Он всегда оправдывался, что много и долго работает лишь потому, что все делает сам — другим доверять было нельзя. Последнее касалось и его жены, с которой он недавно развелся.

— Я больше не хочу засыпать одна, — возмутилась она. — И мне надоело отвечать на вопрос нашего сына «А где папа?»!

Эти жалобы начались года три назад, с тех пор, как коллега и хороший друг МакКаунти Пол Паттерсон исчез. Он уехал в отпуск в штат Невада по какой-то подозрительной рекламной акции. Уехал и не вернулся. Сверху, из Департамента, спустили запрет на возбуждение дела и расследование этого случая, но Рис не хотел отступать. Из-за отсутствия доступа к нужной информации слишком много времени ушло впустую. Времени, которое должно было быть потрачено на семью.

Теперь детектив, лохматый и небритый, в мятой рубашке, бесцельно стоял у принтера и задавался вопросом: зачем он пришел в офис? В Нью-Джерси было много мест для посещения, а он пришел именно сюда. Ведь раньше этого можно было избежать.

— Заходи! — крикнула полная секретарша шефа и указала на большую черную дверь.

«Точно, меня же вызвали», — вспомнил МакКаунти. Чутье ему подсказывало, что медаль ему выдавать не собирались. Мужчина неохотно поплелся к начальнику, игнорируя раздраженный взгляд вредной секретарши.

— Присаживайся, — шеф гостеприимно поманил рукой детектива.

— Я постою, — буркнул Рис, будучи не в настроении разводить долгие дискуссии.

— Что ж, — шеф облокотился на спинку своего кресла, стараясь не смотреть в сторону подчиненного. — У меня для тебя плохие новости, Рис.

МакКаунти вяло улыбнулся, в очередной раз убедившись в своей правоте.

— Меня увольняют?

— «Увольняют» — не подходящее слово, — поморщился начальник. — Я *предлагаю* тебе уйти. Не бесплатно, конечно. Бухгалтерия выплатит тебе три полных оклада, а в дальнейшем ты будешь ежемесячно получать государственную пенсию.

— Предлагаете? — детектив повел бровью. — То есть, я могу отказаться?

— Настоятельно рекомендую, — жестко поправил шеф и снова смягчился. — В скором времени я уйду, поэтому в штате грядут перемены. Некоторых наших сотрудников просто-напросто сократят, и я знаю, что ты в их числе. Но ты всегда был на хорошем счету...

— Раньше, — договорил Рис и усмехнулся. — А теперь, когда я попытался докопаться до чего-то действительно важного, от меня торопятся избавиться.

— Пол Паттерсон не важнее остальных потерпевших, — процедил сквозь зубы шеф. — Ты будешь подписывать договор или дождешься, когда тебя уволят?

МакКаунти осунулся и взял авторучку.

— Мне нужно выплачивать сыну алименты, — пробубнил детектив и поставил закорючку, не прочитав предложенные бумаги.

— Молодец, — одобрительно кивнул начальник. — Что теперь будешь делать, Рис?

МакКаунти молча вышел из кабинета, оставив вопрос без ответа. Ему тяжело было признать, что работа стала единственным смыслом его жизни, и он не собирался строить планов на пенсию. Возможно, он даже не рассчитывал до нее дожить.

— Я знаю, что мой пистолет выстрелит еще один раз, — говорил детектив самому себе. — Надеюсь только, что не в мою же голову.

Каролина Фридман давилась брокколи и угрюмо смотрела в окно. Как бы ей сейчас хотелось съесть бигмак или хотя бы колбасу, но она уже оформила пожизненный договор со своим желудком, что будет питаться только здоровой пищей. Ей было уже за тридцать, а она до сих пор была одна – какая здесь могла быть колбаса.

Одежда неряшливо болталась на ее исхудавшем теле. Купить новую не хватало времени, ведь у независимых журналистов дел невпроворот. Приходилось бегать за мало-мальски интересными инцидентами, все время ощущая, как жизнь проходит мимо нее.

Чтобы редакции понравилась статья внештатного журналиста, она обязана быть сшита из самых горячих и любопытных новостей. Поэтому Фридман предпочитала выслеживать полицейских, следить за их работой и предоставлять выводы и сводки популярным газетам еще официальных заявлений. Детективом, которому она часто садилась на хвост, был Рис МакКаунти: умный и трудолюбивый мужчина средних лет. Каролина знала о нем все, вплоть до времени, когда тот чистил зубы перед сном. Мало того, что Рис брался только за самые запутанные преступления, так он еще и представлял собой простую цель для преследования. Во-первых, он всю грязную работу делал сам, поэтому отвлекаться на других экспертов не приходилось; а во-вторых, детектив постоянно был настолько загружен, что не замечал слежки.

Но в последнее время МакКаунти перестал быть активным и целеустремленным, потому что его партнер Пол Паттерсон пропал при загадочных обстоятельствах на севере Невады. Сколько бы Рис ни бился за право расследовать это исчезновение, на свои попытки он получал отказ.

«А теперь его вообще уволили», — вздохнула Каролина, наблюдая, как Рис, сидящий за столиком напротив нее, ковыряет кусок торта в своей тарелке. Это кафе было не самым лучшим местом в Нью-Джерси — ничего странного, что людей воротило от вида приготовленной здесь пищи. Но на этот раз дело было не в ней.

«Он что-то задумал», — вычислила Фридман. Но нельзя знать наверняка, что творится у человека в голове. Перед журналисткой стоял выбор: либо преследовать детектива по пятам и, в случае неудачи, написать тухляк за доллар в малоизвестную газету, либо найти себе иную цель. Каролина очень не любила рисковать, но ведь речь шла о МакКаунти, который еще ни разу ее не подводил. Поэтому сейчас она тряслась от невероятной дилеммы, не находя себе места. Она отодвинула от себя тарелку проклятых брокколи, оставила официанту изрядно потрепанную купюру и поспешно покинула кафе. Внутри нее разыгрался нешуточный спор между сердечными порывами и жестокой реальностью.

«Я никогда не успеваю тратить заработанные деньги. Почему бы не спустить один гононар на развлечение? — говорил демон на левом плече. — Если Рис после увольнения будет страдать ерундой, я потеряю и время, и деньги, — протестовал ангел на правом.

Пора перестать сходить с ума, — рявкнула на обоих Каролина. — Поем у мамы, похожу пешком, ничего со мной не случится. Устрою небольшие приключения на свою похудевшую задницу».

По возвращении домой МакКаунти достал чемоданы и начал закидывать в них все, что как-либо касалось его работы: тетради и книги, письменные принадлежности, приборы ноч-

ного видения и для снятия впечатков, просроченные удостоверения, рабочую одежду, — все, что у него не конфисковали из фальшивого уважения.

Закончив, мужчина небрежно схватил их в обе руки и вышел на улицу, бесцеремонно толкнув дверь ногой.

«Уже собрался!», — запаниковала Каролина. В нелепых круглых очках, делающих ее похожей на стрекозу, она выглядывала из-за угла соседнего дома. «Как он может так быстро адаптироваться к ситуации? Три часа назад его вышвырнули из участка, а у него уже есть дальнейший план действий! И все потому, что он ел в кафе тортик?!»

МакКаунти подошел к пустым мусорным бакам, двумя стремительными рывками опустил в них свой багаж и демонстративно отряхнул ладони.

— Мне от вас больше ничего не надо! — крикнул Рис на всю улицу и скрылся в доме.

От изумления Фридман открыла рот.

— Он ничего не придумал, просто злится, — разочарованно произнесла она вслух. — Нужно подтолкнуть его к продолжению расследования исчезновения Пола Паттерсона. Очевидно, что теперь никто не сможет ему это запретить. В конце концов, от этого зависит мой гонорар.

Журналистка уселась прямо на газоне и достала из сумки ноутбук.

— Посмотрим: Парадайз Вэллей, эксперимент...

На экран выскочили тысячи результатов поиска, среди которых были описание и история городка, фотографии, не внушающие доверия газетные вырезки и прочий «мусор», как называла Каролина лишнюю информацию. Но на одиннадцатой странице, когда ноги женщины уже затекли, а терпение закончилось, она наткнулась на тематический русский сайт, посвященный книге некой Мирославы Вольной.

— А вот это любопытно, — пробормотала Фридман и кликнула по ссылке.

Мирослава Вольная была центральной героиней сюжета, на протяжении которого нещадно калечили людей. Также одним из персонажей был Эдвард Хэккер, хорошо знакомый мировому сообществу. Этот человек когда-то взломал компьютер самого президента. Давненько о хакере ничего не было слышно. Неужели потому, что он...

Женщина скользнула глазами по аннотации и отзывам читателей. По ее спине пробежал холодок. Книга описывала как раз тот эксперимент, о котором никто не хотел говорить.

— А вдруг...! — от перевозбуждения голос Каролины сорвался на писк. Она оглянулась по сторонам, удостоверившись, что на нее никто не смотрит.

Фридман обратила внимание на вкладку под интригующим названием «разыскиваются» и кликнула по ней. На открывшейся странице отобразилось много объявлений о пропавших людях. Среди них была подсвечена группа из шестерых бывших одноклассников, которые отправились в Америку из России и не вернулись. В статье говорилось о том, что седьмой в этой компании была Мирослава Вольная, и существует теория, что девушка заманила друзей в ловушку и убила их. Государственные уполномоченные расследовать преступление не стали.

На этой странице была опубликована фотография Паттерсона.

— Нужно отправить информацию МакКаунти. Пусть сам решает, как ею воспользоваться. А я буду следовать за ним и освещать факты.

Мобильник Риса издал резкий пронзительный звук. Мужчина дернулся от неожиданности и с раздражением взял его в руку.

«Проверь e-mail», гласило входящее сообщение с неизвестного номера.

— Наверное, хотят сказать, что в знак уважения и за особые заслуги мне выделили элитную картонную коробку с видом на канализацию, — ворчал мужчина, садясь за компьютер.

Письмо в почтовом ящике содержало отрывок какой-то наскоро переведенной статьи. К нему было прикреплено несколько фотографий.

— Пол?!

Бывший детектив закашлялся, почувствовав внезапный приступ паники. Пересилив себя, он вернулся к тексту.

— Серия похожих исчезновений, и никто не поднял шума? Как будто весь мир сговорился...

Снова затрещал мобильник, но на этот раз на экране отобразилось имя одного из бывших коллег МакКаунти.

— Ты очень вовремя, — сказал Рис, не расплыясь на приветствия.

— Ты оставил у меня в кабинете свою кружку с сердечками, — ответил скрипучим голосом паренек Ларри.

Ларри работал системным администратором, и у него был доступ ко всем базам данных страны, что всегда существенно ускоряло идентификацию подозреваемых для детектива.

— Забудь про кружку, — резко отреагировал МакКаунти. — Мне нужно, чтобы ты пробил один номер.

— Меня только что уволили, Рис, — виновато произнес Ларри. — Буквально пять минут назад мне заблокировали пропуск. Я больше не смогу ничем помочь. Могу только занести кружку...

— Да выброси ее уже, — вздохнул МакКаунти и отключился.

Он схватил со стола пачку дешевых сигарет и вышел на крыльцо. Сел на ступеньки и задумчиво закурил, как всегда делал, когда ему нужно было принять важное решение. Мужчина оглядывал улицу в поисках знака или подсказки от судьбы, что ему надо было делать дальше. Он заметил только, что какая-то женщина сидела на соседском газоне — ей не поздоровится, если не успеет скрыться до прихода хозяина. Старик, что жил на том участке, прогонял со двора даже птиц. Знать бы, почему эта незнакомка заняла чужую территорию.

«Ни единой души. Только женщина. Почему она не на работе? Очень сложно догадаться самому, лучше спросить.

Почему Мирослава Вольная вернулась после эксперимента, а Пол — нет? Нужно спросить, иначе я сойду с ума, так и не раскрыв дело Паттерсона. Нужно лететь в Москву».

Рис поднялся, выбросил бычок и набрал номер кассы авиабилетов.

— Я хочу забронировать билет в Москву. Да, в Россию. Сегодня. Спасибо.

— Гонорар на крючке, — тихонько пропела Каролина, встала с земли и отряхнулась. — Свалить бы отсюда поскорее, пока старик меня не заметил. В прошлый раз он грозился зарядить в меня солью из ружья.

Глава 3

— Никита, а почему Ваня всегда с тобой? — прошептала мне на ухо Алиса, когда в самолете приглушили свет, чтобы пассажиры могли вздремнуть во время длительного перелета.

— Он мой друг, — недоуменно ответил я. — Друзья должны проводить время вместе.

— Но он же плохой, — еще тише произнесла сестра и мельком взглянула на спящего Зайцева, проверяя, не услышал ли он ее.

— Нет-нет, вовсе он не плохой, — заверил я девочку. — Просто люди бывают разными.

— Раньше, когда вы не были друзьями, ты был добрым и заботливым. А теперь ты тоже плохой, — заявила Лисочка.

— Вот это новость, — усмехнулся я и приобнял сестренку за плечи. — Понимаешь, когда люди много общаются, они приобретают друг от друга некоторые черты. Возможно, я действительно стал чуточку грубоватым и несдержанным, но и Ваня стал из-за меня меняться, в лучшую сторону.

— Мама называет тебя идиотом и бездельником, — не унималась девочка. — Но я помню, что ты был самым лучшим братом на свете. И Ваня тогда был твоим злейшим врагом. Почему вы теперь друзья?

Я проглотил подступивший к горлу ком и отвернулся.

— Есть вещи, которые трудно объяснить, Алиса, — ответил я и глубоко вздохнул.

В голове хаотично металась воспоминания пятилетней давности. Я столько раз хоронил их в своем подсознании, но они никогда не покидали меня навсегда. Земля, лопата, грязная одежда...

— Где Рита? Это что, кровь?!

— Это был несчастный случай... самооборона...

Зайцев вжался в стену и дрожал, как осиновый лист, с ужасом разглядывая свои окропленные кровью ладони. Как же я его ненавижу. Я был похож на разъяренного быка в тот момент. Я схватил Ваню за воротник грязной рубашки и принялся душить, продолжая неистово кричать.

— Что ты с ней сделал, ублюдок?!

— Ты не понимаешь! — вопил парень. — У нее был нож!

— Что ты такое несешь!!!

Расширенные от наркотика зрачки взбешивали меня еще больше. Я избивал парня что было сил, не боясь забить до смерти. Избивал, пока в окне не промелькнуло отражение чего-то металлического. Я резко обернулся и увидел, как Рита занесла надо мной тесак.

— Что ты делаешь? — голос предательски дрогнул, я отступил на шаг назад.

— Я должна, — в бреду повторяла девушка. — Я должна сделать это...

В следующую секунду Рита прыгнула вперед, собираясь порубить меня, но Ваня подставил ей подножку, и та упала, ударившись головой об угол кофейного столика. И больше не вставала.

— Нужно избавиться от тела...

— Никита, Никита! — Алиса вернула меня в реальность, одернув за рукав льняной рубашки.

Я оглянулся по сторонам, вспоминая, где нахожусь. Салон самолета снова был ярко освещен, бортпроводницы забирали у пассажиров пледы, люди сутились и собирали свои вещи.

— Мы приземляемся! Смотри, как внизу красиво!

Я толкнул в бок сопящего друга. Тот проснулся и в негодовании уставился на меня.

— Мы почти на месте, — кратко сообщил я и отвернулся к иллюминатору.

— Только не задерживайтесь, нас долго ждать не будут, — предупредил Зайцев и зевнул.

Нас действительно ждали. Подозрительный мужчина в черной кожаной куртке, старых вытертых джинсах и с трехдневной щетиной на лице. Он стоял, облокотившись на один из двух харлеев, и спокойно курил, дожидаясь нас.

Я потупился, чтобы не встречаться с ним взглядами, и со злости сжал кулаки, потому что понял, зачем он здесь. Ваня позаботился о своем здоровье и заказал увеселительных веществ. Мое презрение к ним и их распространителям уже давно вышло на уровень фобии. Вот только в моем кармане лежал препарат для коррекции мыслей и поведения, и сейчас меня от наркоманов отличала только бумажка с рецептом от психиатра.

— Мы поедем на мотоциклах! — восторженно воскликнула Алиса и тут же пристроилась на красный, который, по всей видимости, предназначался мне.

Зайцев всегда предпочитал черный цвет.

— Если не поклянешься, что мама об этом не узнает, побежишь за нами следом, — как можно строже проговорил я.

— Клянусь, — торжественно произнесла девочка, приложив ладошку к груди.

— Вы играете с огнем, — обмолвился тип в кожанке, говоря как можно тише. — В городе никого нет. Вам никто не поможет. За вами никто не придет. И никто не будет вас искать.

— Ну, в городе мы пробудем всего несколько часов, — нетерпеливо отмахнулся Ваню, пряча врученный ему пакет за пазухой.

— Что он говорит? — прошептала сестра.

Она не очень хорошо знала английский.

— Желает нам приятного времени препровождения, — пробормотал я, скрывая тревогу.

Внутри меня зародилась уверенность, что этот мужчина знал гораздо больше, чем мог рассказать. Знал что-то плохое, что было не просто легендой или вымыслом. И сейчас с Ваню они разговаривали на каком-то своем тайном языке, стараясь себя не выдать.

— *Они что-то знают, Ваня, знают...*

— *Успокойся, они уже заливают бетон. Через полгода здесь построят магазин, и тогда уже точно никто не узнает о Рите. Никто не найдет ее тело. Успокойся... успокойся...*

— Ки-и-ит, Ки-и-ит, — Зайцев махал перед моим носом руками, пытаясь привлечь к себе внимание. — Дружище, на тебе лица нет.

— Неприятные мысли, — буркнул я и сел перед Лисочкой на красный харлей. Сестра обхватила меня руками.

— Я позвоню в полицию, если вы не вернетесь вовремя, — предупредил курьер, печально посмотрев на девочку.

— Как это любезно с твоей стороны, — с раздражением оскалился я.

— Зря ты так, — вздохнул тот. — Мой брат пропал без вести, и я знаю, о чем говорю.

— Не груби, Кит, — согласился Ваню. — Лишнее беспокойство нам не помешает. Мы же собираемся вернуться вовремя, правда? Поэтому мы ничего не потеряем, если один хороший человек о нас побеспокоится.

— Для тебя все хорошие, — фыркнул я. — Нам пора.

— В шлемы встроены радиоприемники, — напоследок сообщил мужчина. — Они настроены на нужную частоту. Можете переговариваться во время поездки.

— Опять слушать его болтовню, — друг махнул в мою сторону с наигранным разочарованием.

— Не так уж и много я болтаю! — возразил я и завел мотоцикл.

— Да твой язык можно три раза узлом завязать! — расхохотался Ваня и тронулся с места.

Я дал другу немного форы, чтобы не толкаться байками на дороге, и поехал за ним.

Темнело. Я мечтал о душе и чашке горячего кофе, и никакое восхищение ревом новенького харлея не могло перебить это желание.

— Ты точно знаешь, куда ехать? — спросил я Зайцева спустя полчаса езды.

— Начинается, — протянул парень. — У меня GPS-навигатор, ты доверяешь ему?

— Я не доверяю пациентке психиатрической больницы, — приснул я.

— Может, ты перестанешь уже повторять одно и то же? — внезапно на связь вышла сестра. — Не будь трусом и возьми себя в руки!

— Не понял, кто тут вылез, — сурово пробасил я, жалея, что не мог бросить руль и дать сестренке в лоб.

— Алиса, ты растешь в моих глазах, — одобрил Ваню. — Давай дружить?

— Еще чего, — деловито ответила сестра и сжала меня сильнее прежнего.

Она боялась его, но все равно делала вид, что сможет дать ему отпор. Все равно, что котенок, шипящий на взрослого добермана.

— Тормози, мы приехали, — объявил, наконец, парень и перестроился в правую полосу для того, чтобы свернуть на парковочное место у неприятного на вид мотеля.

— Мы здесь не одни, — с облегчением выдохнул я, когда снял шлем.

Одноэтажное здание мотеля было закопченным, похожим на огромную доменную печь. В ста метрах от него виднелось вполне сносное место с яркой приветственной вывеской «Welcome in Murray's place», и от мысли, что ночевать нам предстояло не там, становилось совсем уныло.

Щуплый очкарик, стоявший за стойкой администратора, одарил нас любопытным взглядом. Его маленькие бровки в удивлении подскочили вверх, глазки нервно забегали, а на лбу проступили капельки пота.

— Можно забронировать номер? — неуверенно обратился я по-английски.

— Две комнаты свободны, — заикаясь, ответил паренек.

— Ну... мы берем тогда, — так же заикаясь, согласился я.

— Интересно, а сестра Мирославы еще жива? — пробормотал Зайцев свои мысли вслух, протягивая администратору деньги за жильё.

У того дернулся мускул на лице, и теперь он старательно пытался во что бы то ни стало не смотреть на Ваню.

— Эй, ты нас понимаешь! — возмутился я, перейдя на русский.

— Чувак, ты чего? — встряхнул меня друг, потрепав за плечо.

— Они же работают на мировом уровне! Не удивительно, что этот психопат знает русский!

— Он? Психопат? Алиса одним ударом отправит в нокаут этого бедолагу! Ты становишься параноиком, брат. Съешь таблеточку.

— Ты прав, — несколько подумав, я сдался. — Я стал очень нервным. И у меня складывается впечатление, что ты втянул меня в передрагу.

— Пошли, Никита! — сестра потянула меня за локоть. — Я хочу есть и спать!

— Да идем уже, мелкая, — отмахнулся я.

— Я не мелкая!

— А пицишь как мелкая!

Ваню не обращал внимания на нашу перепалку, а просто молча плелся по неосвещенному коридору, осматривая каждый угол на своем пути. Вероятно, он и впрямь помешался на эксперименте, как конченый фанатик. Мне оставалось лишь надеяться, что он окончательно не свихнется, когда мы прибудем в Парадайз Вэллей.

Наши комнаты располагались в самом конце коридора. Ванная находилась прямо между нами, и я счел это за удачу. Мне бы не хотелось проходить в замотанном полотенце мимо дверей незнакомых людей.

— Я боюсь идти туда, — скривила гримасу Лисочка, встав на пороге душевой.

— Алиса, ты же девочка, тебе обязательно нужно мыться. Мама сказала мне это раз пятьсот перед отъездом.

— А вдруг здесь установлены скрытые камеры, — продолжала упираться сестра.

— Тебе так кажется только потому, что ты в незнакомом месте.

— Или, что еще хуже, здесь есть потайная дверь, и, как только я разденусь, не пойми откуда выскочит маньяк и...

— Так, все, я устал слушать весь этот бред. Давай договоримся: ты моешься, а я подпираю дверь и жду. Если что-то случится, я войду и спасу тебя.

— Если ты уйдешь, я восстану из мертвых и буду преследовать тебя до конца твоих дней!
— пригрозила сестренка.

Одарив меня хищным взглядом, Алиса уединилась в страшной комнате с побитой плиткой, ржавчиной и неприятным запахом тысячи бывавших здесь мыльниц.

Пока Алиса мылась, я познакомился с соседом из первого номера. Это был дружелюбный старик, который вышел на пенсию и теперь путешествует по стране со своей женой. После разговора с ним мне стало легче. По крайней мере, я уверился в мысли, что на сестру никто не нападет в душе. Потому что прокручивая в уме ее выдумки, они мне начали казаться вполне возможными.

Внезапно раздался крик, прервавшийся звуком тупого удара. Я переполошился и незамедлительно ворвался в душную комнату. В ванне в неестественной позе без сознания лежала Алиса.

«Поскользнулась», — подумал я, обмотал сестренку в полотенце и отнес в номер.

— Что произошло? — озабоченно произнес Зайцев, выйдя в коридор. — Я слышал стук. У вас все в порядке?

— В порядке, — коротко отозвался я и положил Алису на кровать.

— А это что? — друг бесцеремонно присел около полуголой девочки, из-за чего я смутился и занервничал.

— Вань, не трогай ее, пожалуйста, — пробубнил я.

— Да ты только посмотри! — парень с тревогой и восхищением одновременно указал на тоненькую лодыжку.

Я склонился над кроварью и начал осматривать ногу Алисы. На том месте, куда указывал Ваню, оказался свежий синяк фигурной формы.

— Как будто кто-то очень сильно сжал, — неосознанно заключил я.

Зайцев, широко распахнув глаза, смотрел на меня, словно обрадованный огромной конфетой ребенок.

— Не-е-ет, — протянул я и махнул рукой, прогоняя дурные мысли. — Она поскользнулась и упала. Хорошо, что обошлось без крови.

— Какой еще крови? — прокряхтела сестра, придя в сознание.

— Тебя тошнит? — задал я дежурный вопрос для проверки симптомов сотрясения мозга.

— Нет, — ответила она. — Только голова кружится. И мне почудилось, что...

— Что? — нетерпеливо перебил ее Ваня.

— А ты что тут делаешь?! — завопила Лисочка и вскочила с кровати, прижимая к себе полотенце. — Он что, видел меня голой?!

— Успокойся, — я жестом призвал к тишине. — Правда, Вань, иди к себе. Мы готовимся ко сну.

— У меня чуть сердце в пятки не ушло от ваших визгов, — раздраженно произнес парень и направился к выходу. — Вы оба с приветом.

— Спокойной ночи, Ваню, — я захлопнул за другом дверь и вернулся к сестре.

Не то, что бы я хотел что-то разъяснить или выяснить, как она себя чувствует. Я смотрел на нее просто так, будто пялился в телевизор. И даже больше: я бы с удовольствием нажал кнопку «mute», потому что подсознательно совершенно не желал слышать то, что она говорила.

— Там кто-то был, Никита, — шептала она. — Я уверена, что кто-то схватил меня. Но там ведь никого не могло быть, правда? Ты же никого не впускал, Никита? Никого?

— Давай так, — я старался говорить как можно спокойнее и увереннее. — Ты залезешь под одеяло и будешь ждать меня. А я пойду, добуду кипятка и разведу тебе горячий шоколад. Ты ведь любишь горячий шоколад. Ты выпьешь его и обо всем забудешь.

Не дожидаясь реакции сестры, я шмыгнул в коридор и направился в фойе, обставленное старыми потрепанными креслами, черно-белым телевизором и кулером с водой.

«Она вошла внутрь, я был в коридоре. Я говорил с дедом, но не сдвинулся ни на шаг. Никто не входил и не выходил. Но тогда это означает, что *кто-то* же находился в ванной, и он до сих пор там».

Я достал пластиковый стаканчик и наполнил его теплой водой. Я продолжал делать вид, что ничего не произошло, потому что знал, что администратор украдкой наблюдал за мной. Еще я знал, что он понимал русский язык, и никто не смог бы убедить меня в обратном.

— Эй, друг, я не понял, ты придешь ко мне или нет? — Зайцев появился будто из ниоткуда и напугал меня так, что я пролил содержимое стаканчика на пол. Пришлось заполнять его заново.

— Нужно расслабиться, — рассеянно кивнул я. — Помоюсь и приду.

— А что с Алисой?

— Я уже сказал: упала, ударилась.

— И что, никакой мистики? — разочарованно пробормотал Ваню.

— Извини, — я пожал плечами.

Лучше было не обсуждать, что произошло с сестренкой. Иначе, он помешается на этой мысли и начнет страдать галлюцинациями, от чего никому не будет хорошо.

В номере я приготовил Алисе напиток, как и обещал. Но она нырнула под одеяло с головой, как маленький ребенок, и отказывалась высовываться наружу. Когда аромат шоколада разлился по всей комнате, она сдалась.

— Почему ты не закрыл дверь? — тревожно допытывалась девочка.

— Я наблюдаю за ванной, — пояснил я.

— Так ты веришь, что я не случайно поскользнулась?

Если бы я согласился, она бы постоянно думала об этом. Поэтому я решил отрицать случившееся, чтобы сестра немного успокоилась.

— Я просто смотрю, чтобы туда никто не зашел. Я тоже собираюсь помыться.

— Нет, не ходи туда!

— Шутишь? Я потный и липкий, мне необходим душ.

— А что, если ты тоже... поскользнешься? — со слезами выпалила сестренка.

Я сел на край ее кровати и натянуто улыбнулся.

— Я все время буду петь. Ты прекрасно будешь слышать меня через стенку. Если я замолчу, значит, что-то случилось. Ты побежишь к Ване, он выломает дверь и спасет меня. Договорились?

— Договорились, — неуверенно пробормотала Алиса.

Я поцеловал ее в макушку, невольно бросив взгляд на синяк в виде отпечатка ладони, и ушел.

В ванной я проверил щеколду на прочность. «Зайцев выбьет, — решил я. — А для защиты от престарелых бабушек и дедушек этого будет достаточно».

Санузел навивал страх и тревогу не столько отсутствием ремонта, сколько своим неудачным интерьером: пространства было слишком много, а ванна, такая крошечная и ненадежная,

располагалась ровно по центру помещения. Трудно было представить настолько бездарного дизайнера, но мы находились в «стране возможностей», а возможности у всех, как говорится, разные.

Я начал петь. Алиса наверняка уже пожалела об этом условии, ведь пел я действительно плохо. Медведь мне не просто на ухо наступил, а изрядно на нем потоптался. Оставалось только надеяться, что кроме ближайших комнат меня никто не слышал.

Сперва я приступил к осмотру стен на наличие скрытых камер или проходов. С каждой минутой я все больше чувствовал себя идиотом, так как ничего не находил, а Алисины истерики становились похожими на воображение малолетки. И как я только мог в это поверить?

И все же петь я не переставал.

Когда я вышел из ванной, сестра уже спала, поэтому я, бросив полотенце на свою койку, с чистыми совестью и ногами пошел в гости к Зайцеву.

— Познакомился с нашими соседями? — с порога спросил он, отметив неприязненное выражение на моем лице.

За стеной кто-то откровенно громко занимался сексом. По звукам было похоже, будто на пружинах скачет пара бегемотов.

— Не завидуй, здесь порно снимают, — объяснил друг. — Там такая страшная тетка, сделанная из латекса и силикона, и пузатый мужик. Сто пудов, она имитирует.

— А ты, я смотрю, спец по распознаванию имитаций, — усмехнулся я и рухнул на пол рядом с Ваней.

Комнату окутал плотный туман раскуренной самокрутки. Мне было достаточно его вдохнуть, чтобы напряженные до этой минуты мышцы расслабились. Но у Зайцева были на меня другие планы.

— Затянься, я должен сказать тебе кое-что, — прокряхтел он и протянул сигарету.

Я решил не спорить и сделал длинную затяжку, максимально заполнив легкие горьковатым дымом.

— Мне кажется, — продолжил Ваню. — Рита участвовала в эксперименте.

— Каком эксперименте? — одурманено уточнил я.

— Не тупи, брат. Она была в Парадайз Вэллей.

— Не знаю, почему, но ты просто хочешь так думать, — с претензией заявил я.

— Она вела себя странно. Рита начала приходить ко мне, потому что не могла справиться со стрессом.

— У нее не было никакого стресса!

— Чувак, прости, но с тобой она всегда встречалась только под кайфом. Она не хотела показывать тебе, что ее что-то беспокоит... кажется, она любила тебя, Кит.

— Зачем ты мне это говоришь? — прошептал я. Холодная слеза незаметно стекла по моей щеке, и я закрыл глаза, чтобы не дать волю остальным.

— Если она вернулась, значит, выиграла. Но в таком случае ее должны были забрать. Почему ее отпустили? Не могу перестать думать об этом.

— Не отпустили, — низко произнес я и сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. — Она сбежала.

— В смысле? Хочешь сказать, что... я прав?

— Я не знаю, Вань. Я ничего о ней не знал. Она запретила спрашивать о ее прошлом, а я и не хотел. Мы просто были счастливы. Счастливы до тех пор, пока ты окончательно не затравил ее этой дрянью.

— Я подозревал, что ты винишь меня, — ухмыльнулся Зайцев. — И, наверное, отчасти ты прав. Но если бы не я, она бы сошла с ума гораздо раньше. И поубивала бы всех, включая тебя. Она была бомбой замедленного действия.

— Прекращай, — гаркнул я. — Если ты тащишь меня в Парадайз Вэллей только для того, чтобы оправдаться за смерть Риты, то ты — долбаный ублюдок, и я тебя ненавижу.

— Прости, — протянул Зайцев и надолго замолчал. Через двадцать минут тишины, перед тем, как мы заснули, он едва слышно произнес: — А я сначала думал, что мои родители наняли ее убить меня. Потому что за день до этого я тайком подсматривал, как мои братишки играют во дворе...

Глава 4

Бывший детектив МакКаунти летел в самолете до штата Мэн прямым рейсом из Москвы. Он постоянно прокручивал в голове визит к Мирославе Вольной в психиатрической больнице.
«Время смерти: тринадцать часов, двадцать восемь минут».

Сегодня утром девушка была спокойной и тихой, что было ей совсем не свойственно. Когда Рис вошел в палату, она сидела на кровати, обняв колени, и тихо плакала. Сложилось впечатление, что и моргала она как-то тихо, редко, как при замедленной съемке. Мира была истощена, кости просвечивались сквозь тонкую бледно-синюю кожу. Вокруг глаз образовались черные круги от изнеможения.

«Я больше не могу». Эту фразу пациентка повторяла целый день.

— Новые игроки уже отправились в Парадайз Вэллей, детектив, — медленно и низко говорила Вольная. — Лучше им там и помереть, потому что жить с тем, что они испытывают, невыносимо больно. Я больше не могу.

Остановка сердца. Время смерти: тринадцать часов, двадцать восемь минут.

Каролина Фридман потягивала сок из неудобного стаканчика и наблюдала, как мучается МакКаунти. Она подошла к нему совсем близко: вот он, сидит рядом с ней, у окна, смотрит на проплывающие снизу облака и размышляет. Что сказала ему Мирослава Вольная? Журналистку разрывало на части от любопытства. Она не могла себе простить, что детектив знает больше, чем она.

Самолет попал в зону турбулентности, и сок Каролины расплескался по сторонам. Детектив недовольно пробурчал что-то себе под нос, растирая ладонями мокрые штаны. Фридман покраснела от стыда и, не зная, что предпринять, тоже принялась наглаживать образовавшееся от сока пятно.

— Простите меня, — прошептала женщина, ее голос дрожал от смущения.

— С кем не бывает, — из вежливости пробормотал МакКаунти.

Он искоса посмотрел на неуклюжую соседку и внезапно расплылся в добродушной улыбке. Наверное, его позабавили круглые очки, сдвинутые набекрень, или ошеломленный взгляд, который пытался скрыться под густыми бровями...

Каролина не могла решить, насмехается ли над ней МакКаунти или умиляется, но в любом случае она усердно продолжала растирать его колени.

— Я уже начал дымиться, — посмеялся Рис.

— В смысле? — журналистка отпрянула и, бросив взгляд на изрядно измятые брюки, покраснела еще больше. — Простите.

МакКаунти отметил, что как только он отвлекся от мысли о работе, ему стало не по себе. Воздух словно очистился, все вокруг посветлело, и жизнь приобретала нечто обыденное. Эта растрепанная, кудрявая, как баран, мадам заставила его улыбаться.

— А знаете, мне даже понравилось. Проливайте свой сок на здоровье, — пошутил мужчина.

Каролина вздохнула.

— Не очень вежливо говорить подобное незнакомкам.

— Прошу прощения за мои манеры. Кажется, я забыл, как общаться с людьми. Вы летите отдыхать?

Журналистка решила, что попутчицей быть. Намного удобнее, чем все время ходить хвостиком за детективом. Так почему бы не выложить ему хотя бы половину правды?

— Я лечу работать, — уверенно произнесла она. — Я пишу статью об исчезновениях в Парадайз Вэллей. Вы что-нибудь слышали об этом месте?

Мужчина изменился в лице, и теперь оно выражало одновременно удивление и тревогу.

— Рис МакКаунти, — представился тот. — Детектив полиции США. *Расследую* исчезновения в Парадайз Вэллей. Вот так встреча!

«Да, просто невероятная», — с сарказмом подумала журналистка.

— Каролина Фридман, — кивнула она, продолжая строить из себя серьезную бизнес-леди. — Тогда вам будет крайне полезно мое сопровождение. Мне много известно о местных экспериментах. Я также хорошо изучила книгу, посвященную проекту «Эмили Блэк». Информации в ней не много, но все же...

— Простите, «проект»?

— Парадайз Вэллей — это часть проекта под названием «Эмили Блэк». Он направлен на изучение человеческой природы с целью вывести наш вид на новый эволюционный уровень.

Каролина заискивающе повела бровью. После небольшой паузы Рис очнулся и спросил:

— А кто организатор проекта?

Журналистка пожала плечами.

— Известно лишь об одном из них. Русская мигрантка, Джулия Вольная. Она переехала в Америку, выучилась на психолога. Вероятно, она достигла больших высот, раз ее включили в проект в качестве организатора. В родной стране она числится без вести пропавшей.

— Пока вы не заговорили, производили впечатление несерьезного человека, — внезапно сменил тему детектив.

— Серьезность в моей работе — главное, — гордо констатировала журналистка, неожиданно даже для самой себя. Она сняла круглые очки, посчитав, что на данный момент они были не к месту, и встала. — Я отлучусь на пару минут.

Без очков Фридман почти ничего не видела, все вокруг слилось для нее в одно красочное пятно. Но она знала, что Рис наблюдает за ней, и она просто не имела права ударить в грязь лицом.

Женщина медленно, но верно продвигалась по салону самолета. На миг ей даже показалось, что она справится с поставленной задачей, пока не врезалась в тележку, на которой стюардесса развозила напитки. Пытаясь разойтись, Каролина неудачно поставила ногу, прямо под колесо злополучной тележки, и отдала себе палец. Она дернулась и, потеряв равновесие, упала прямиком на сидящего в проходе дедушку. Послышался сдержанный смех пассажиров. Среди них был и МакКаунти.

«Провал», — подумала Фридман и обреченно нацепила очки обратно на нос.

Когда журналистка скрылась в туалетной кабинке, Рис перестал смеяться.

«Она, конечно, милая, но держит меня за дурака, — рассуждал он, снова уткнувшись в иллюминатор. — Лететь в одном самолете из России до штата Мэн с американцем, который тоже направляется вовсе не в Мэн, а в Неваду, — на совпадение вовсе не смахивает. Вероятно, это она прислала мне наводку по электронной почте. Интересно».

— Последние две комнаты свободны, — прокаркал администратор.

— А посмотреть их можно? — уточнил МакКаунти, пытаясь скрыть свою неприязнь к придорожным мотелям. Он был уверен, что если бы гости знали, сколько в подобных местах происходит преступлений, они бы и на край дивана не присели.

— В смысле? — недоумевал паренек.

— Хотим осмотреться, чего непонятного? — нетерпеливо встряла Каролина.

— Не волнуйтесь, миссис Фридман, — призвал бывший детектив.

— Мисс, — стыдливо поправила журналистка.

Рис улыбнулся.

— Извините, мисс Фридман, — исправился тот и обратился к администратору. — Мы хотим знать, за какие условия отдаем деньги. Вам ведь знаком закон о правах потребителя, не так ли?

Паренек ничего не смог сделать, кроме как рассеянно кивнуть и протянуть паре два ключа с ярлычками из линолеума.

— Мальчики налево, девочки направо, — предложил МакКаунти Каролине, кивая на комнату, что находилась в конце коридора, справа от общей ванной.

Та пожала плечами и деловито выдернула ключ от левого номера из рук детектива. «Вот такая я дерзкая» хотела сказать она, но решила воздержаться от лишних реплик.

Номер был задымлен и не убран, и женщина не сразу смогла в него зайти. Рис заметил замешательство попутчицы и крикнул администратору через весь коридор:

— Кто здесь жил раньше?

— Русский, — фыркнула старушка, которая в это время выходила с чемоданом из первой комнаты. — И в вашей комнате тоже жил русский. Только там был мальчик приличный, с девчушкой все носился. А в той, куда заселяется мадам, какой-то наркоман. Не понравился он мне, не понравился...

Бабушка продолжала ворчать, скорее разговаривая сама с собой, чем с детективом.

— Нормальный паренек, что ты на него городишь, старуха? — в дверях предпоследней комнаты справа появилась жгучая брюнетка лет тридцати. Она была одета в полупрозрачный пеньюар, сквозь который различались контуры ее тела, смущая всех вокруг.

— А чем вам так приглянулся сосед? — спросила Фридман.

— Простой, не закомлексованный, угостил даму сигареткой... — начала перечислять брюнетка.

— Самокруткой, напичканной бог знает чем! — воскликнула бабушка. — Задымил весь коридор, я думала пожар! А ты сама проститутка придорожная, что с тобой о моральных ценностях разговаривать...

— О моральных ценностях я знаю больше, чем любой здесь присутствующий! — высокопарно отвечала брюнетка.

— Возможно, про этих русских говорила Мирослава, — на два тона ниже произнес Рис и многозначительно взглянул на Каролину.

— А что за девочка? — задумалась та.

— Не знаю. Может, одна из них, — МакКаунти кивнул на пререкающуюся парочку, намекая, что «девчушку» русский искатель приключений мог подцепить прямо здесь.

После этих слов, как по команде, журналистка и детектив разошлись в разные стороны.

«Не понимаю, что мы можем найти, — думала Каролина, осматривая помещение. — Они же провели здесь всего одну ночь, наверняка даже вещи не распаковывали».

«Странная комната», — пришел к выводу МакКаунти, присев на кровать, где всего несколько часов назад лежала Алиса. Нет, детективу этот номер совсем не нравился. Обычно в мотелях можно было заметить присутствие предыдущих жильцов, будь то надписи на тумбочках, оставленный ночник или прожженные сигаретами занавески. А эта комната была абсолютно пустой. Как будто в ней никогда не останавливались, никогда не жили. Как будто она вовсе не для того была предназначена.

— Вам чем-нибудь помочь? — с порога донесся хриловатый голос.

Это был молодой человек с белыми волосами, словно без пигмента, так же, как и кожа. На его остром лисьем лице хищно блестели глаза со светлыми ресницами, теряясь в длинной засаленной челке. Рис отметил в его речи легкий акцент неопределенного происхождения.

— Какую именно помощь вы предлагаете? — уточнил детектив.

— Я могу показать то, за чем вы сюда пришли. Если не ошибаюсь, место первого испытания интересует вас больше, чем грязные наволочки и пододеяльники.

Парень приблизился к МакКаунти и протянул ему левую руку в знак приветствия. Только сейчас Рис заметил, что правая выглядела неестественно: болталась при любом движении туловища. Она была полностью искусственной, от плеча до кончиков пальцев.

— Эдвард, — сухо произнес незнакомец.

— Рис МакКаунти, — настороженно представился мужчина. — Сколько вы уже в Америке, Эдвард?

— Живу здесь, сколько себя помню. А вы, видимо, уловили мой акцент. Я не сомневался в вашей компетенции, детектив.

— Разве я говорил, кем работаю?

— О, я услышал краем уха ваш разговор с миледи из комнаты напротив.

Рис хотел возразить, но Эдвард перебил его.

— Я повторю свое предложение: могу я вам чем-нибудь помочь?

— Безусловно, — после некоторого колебания согласился детектив.

— Это экскурсия, господин МакКаунти. Она обойдется вам в пятнадцать долларов.

— Наживаетесь на людских страданиях? — хохотнул Рис и протянул три десятидолларовые купюры за себя и за свою попутчицу.

— Живым людям нужно есть, — остро отреагировал Эдвард, словно Рис задел его за живое.

После странного диалога МакКаунти спокойно выдохнул. Сначала пугающий на вид калека казался ему подозрительным типом, но теперь он был почти убежден, что самообъявленный экскурсовод был всего лишь очередным эмигрантом, который любыми способами добывал себе на хлеб.

«Камера пыток», как называл ее Эдвард, располагалась в подвале, прямо под той пустой комнатой, которая так не понравилась Рису. В ней было темно и сыро. Вход был закрыт замысловатой дверью, похожую на те, что устанавливают в бункерах. Ее не представлялось возможности выбить или снять с петель, она не поддавалась бы взрыву динамита и не открывалась с помощью дверной ручки. Незаметно для МакКаунти и Фридман, Эд дернул рубильник на стене, и пол осветился тусклыми прожекторами, направленными на тяжелок металлическое кресло.

— Технически, — начал экскурсовод низким пугающим голосом. — Эта камера не самая страшная. Я бы сказал, одна из безобидных: здесь практически невозможно умереть.

— Было, — поправил Рис. — Здесь *было* практически невозможно умереть, не так ли?

Эдвард проигнорировал это уточнение.

— Здесь проводится самое первое испытание, целью которого является принятие испытуемыми ситуации.

— *Проводилось*, — пробубнил себе под нос детектив. Ему не нравилось ни это место, ни то, как о нем говорил альбинос.

Фридман с восторгом осматривала подвал. Он мог быть предназначен для защиты людей от стихийных бедствий или войны, но ужасы, некогда происходящие в нем, отрицали эту идею. Каролина поехала от мысли о том, как здесь кричали от боли и страха, пока наверху, ни о чем не подозревая, спали жильцы мотеля.

— Вас может заинтриговать тот факт, мисс Фридман, — обратился к женщине калека. — Что пять лет назад это испытание проходила русская журналистка. Она тоже приехала сюда за острым сюжетом.

— Кто вам сказал, зачем я приехала? — откликнулась та и повела бровью.

— Услышал, — Эдвард перевел взгляд на МакКаунти. — Краем уха.

— Где вы потеряли руку? — приступил к допросу Рис. Он начал выходить из себя из-за вызывающего поведения экскурсовода.

— Прощаю вашу нетактичность, — ухмыльнулся Эдвард, зная, что подливает масло в огонь. Затем продолжил. — Комната разделялась решеткой, напротив кресла был установлен аппарат с двадцатью пятью наточенными ножами, а в ногах...

— Я задал вопрос, — настаивал бывший детектив.

— ...а в ногах располагался механизм с рабочим названием «Мясорубка». Кнопка на его дне завершала испытание, — договорил Эд. — На меня напали уличные псы, господин МакКаунти, вследствие чего мне пришлось ампутировать руку. Заражение распространялось быстро, некроз невозможно было остановить никак иначе. Но вас ведь не устраивает этот ответ, правда?

— Оставьте это, Рис, — вмешалась Каролина и потянула мужчину за локоть к выходу. — Я считаю, нам нужно догнать русских.

Детектив промолчал, но последовал за Фридман, стараясь не выпускать из виду Эдварда. Они отъехали от мотеля спустя пять минут, не желая задерживаться в нем ни секунды.

— Зачем ты это сделал? — заикаясь, упрекнул Эдварда администратор. — *Они*не одобряют! *Они*накажут!

— Заткнись, идиот, — прорычал калека. — Наказывают таких вошек, как ты! А я — бог!

— Как нахохлился-то, божок лохматый, — за его спиной прогнусавила старуха из первого номера. — Не забывай, что если ты проколешься, сам будешь участвовать в эксперименте. Знаешь, кто нужен *нам*на этот раз? Уж точно не ты.

Альбинос проглотил подступивший к горлу ком.

— Выжил в прошлый раз, выживу и в этот, — сухо откликнулся он.

— Только помни, что голову запротезировать нельзя, — угрожающе проговорила бабулька и тут же вернулась обратно в образ безобидной постоялицы. — Дорогой, что ты копаешься? Нам уже пора выезжать!

Глава 5

В горле пересохло, и даже вода не могла избавить меня от этой неприятности. Печенье, которое мы купили втроедорога в аэропорту, никак не желало падать в желудок, предпочитая душить меня комом пережеванных крошек. Рев двигателя недавно столь желанного байка раздражал меня. От Алисы исходил невероятный жар, поэтому моя футболка неприятно налипла на вспотевшую спину. Узкая дорога сковывала, не давая совершить ни одного маневра. Автомобили на трассе двигались как сонные мухи...

— Харе стонать! — взорвался Ваня. — Твое нытье создает помехи на линии!

— Но я молчу, — проговорил я как можно внятнее. Язык едва ворочался.

— Я тоже слышу, как ты стонешь, — подтвердила Алиса.

Я хотел было возразить, но был так не уверен в себе, что поверил, что разговариваю вслух. Пока внезапно кое-что не насторожило и меня.

— Кто-то подключился на нашу волну, — произнес я тихо, чтобы не пропустить ни единого звука.

В помехах можно было различить голос рыдающей или воющей женщины. Такой голос никак нельзя было спутать с мужским или даже мальчишеским, что, несомненно, разозлило меня.

— Прием! — раздалось в рации. — Прием! Нам нужна помощь, ответьте! Вы слышите меня?

Я оглянулся, пытаюсь определить, откуда шел сигнал. Вокруг нас ехало несколько машин, но ни одна из них особо не выделялась.

— Это мотоциклист на черном харлее, я слышу вас, прием, — откликнулся Ваня. — Где вы?

— Мы едем прямо за вами, — отозвались в рации.

В зеркале заднего вида показался синий минивэн, не подающий никаких признаков аварии: колеса на месте, водитель ехал ровно, значит, со здоровьем у него все было в порядке. Фургон не горел и не разваливался, поэтому я представить себе не мог, какая помощь ему требовалась.

— Моя жена рождает! — взволнованно закричал водитель.

На секунду мне показалось, что я потерял управление, но смог вовремя взять себя в руки. Мы с Лисочкой продолжали ехать, несмотря на то, что меня изрядно трясло. Ладони стали потными и начали соскальзывать с руля, и мне пришлось сбавить скорость, поравнявшись с минивэном. Я убедился, что на заднем сидении действительно лежала роженица, корчившись от боли. Видимо, это ее стон мы слышали ранее.

— Я беременна, Никита...

— Кит, осторожно!!!

В моей голове развернулась страшное воспоминание, мгновенно завладев разумом. Мотоцикл закачало и выбросило на обочину. К счастью, мы не перевернулись, так как скорость была очень низкой. Зайцев продолжал ехать дальше и разговаривать с неизвестным водителем.

— Чем вам помочь?

— Нужно остановиться где-нибудь и перетащить ее на кровать! В этой местности нет ни одной больницы! Прошу, помогите нам!

— Никита, что с тобой? — Алиса гладила меня по спине, не слезая с харлея.

— Все в порядке, — соврал я. — Руль заклинило, но сейчас, вроде, все работает.

Я нормализовал дыхание и за минуту нагнал Ваню. Было сложно сосредоточиться на дороге, потому что глаза предательски слезились, отчего окружающая среда постепенно сливалась в единое пятно. Мне повезло, что трасса была прямой, а автомобилей на ней совсем мало.

— Чего ты такая дерганная? Я обидел тебя?

Срыв.

— Ты ничего не понимаешь!

— Объясни, и я помогу!

— Ты уже сделал все, что мог!

Срыв.

— Да что, черт возьми, происходит?

— Я беременна, Никита! Беременна...

Слезы. Слабость. Отчаяние.

— Ты... Почему? Почему ты плачешь? У нас ведь будет...

— У нас не будет, идиот! Я сделаю аборт!

— Что?! Ты сошла с ума! Я никогда не позволю тебе убить нашего ребенка!

Пустые глаза. Апатия.

— Я на наркотиках, Никита. Я не буду рожать.

Страх. Злость.

— Кто тебя посадил?

— Это не важно. Уйди, пожалуйста. Оставь меня одну.

Ярость. Перевернутый стол, разбитые тарелки.

— Я задал вопрос, кто продает тебе дурь?!

Истерика, сбитое дыхание, сорванное горло. Слипшиеся волосы, размытая тушь.

— Я боюсь тебя, не кричи больше...

Ярость. Разбросанная одежда. Осколки от зеркала на полу. Порезы.

— КТО?!!

— Где вы собираетесь остановиться? — голос Ваню плохо различался на фоне усилившихся помех.

— Сейчас будет мотель, он, вроде бы, заброшен. Думаю, нам стоит заехать туда.

Зайцев бросил взгляд на навигатор. Мотель, о котором говорил водитель, обозначался красной меткой.

— Вы уверены, что это подходящее место? — засомневался друг.

— У нас нет выбора! — взвыл водитель. — В машине рожать опасно, нужна кровать! И ведь ни одной больницы в округе, что за вздор?!

— Понял. Останавливаюсь.

Мы свернули на гравий, ведущий к мотелю, неряшливо бросили мотоциклы и помчались к минивэну. Алиса, растерявшись, все это время стояла в стороне. Увидев роженицу, которую мы с Ваню буквально выскабливали из автомобиля, она поняла, что вопросов лучше не задавать. Сестра держала открытой парадную дверь, чтобы мы смогли беспрепятственно внести женщину внутрь.

Было пыльно, душно и грязно. Я не сомневался, что рожать в машине было бы куда безопаснее, чем здесь, в антисанитарном помещении, но возразить ничего не мог. Крики боли, сливающиеся с сумеречной атмосферой заброшенного здания, давили на психику. Мы положили роженицу на диван в холле, и я бегал вокруг нее, как заведенный, не зная, что предпринять.

— Не могу на это смотреть! — пискнула Лисочка и осталась на улице.

Ее можно было понять.

— Схожу за полотенцами! — предупредил водитель и скрылся за порогом злополучного мотеля, громко хлопнув дверью.

— А я прошвырнусь по комнатам. Возможно, мне удастся найти пару подушек, — бросил Зайцев и тоже испарился, не дождавшись от меня разрешения.

— Не бросайте меня одного! — взмолил я, но мои слова заглушал вой рожаящей в муках женщины.

Внезапно я почувствовал, что больше не в силах удерживаться на ногах, и рухнул на колени. Женщина тут же схватила меня за руку и сжала так, что у меня хрустнули пальцы. От боли я стиснул зубы и попытался вырваться, но тщетно.

Я потянулся за своими таблетками в задний карман джинсов. Перед глазами продолжали мелькать размытые пятна, а тело сводило судорогами, и я понимал, что был на грани срыва. Крышку пластиковой баночки мне удалось открыть, но все содержимое рассыпалось на пол. Я начал лихорадочно собирать лекарство, но таблетки были настолько маленькими, что выскальзывали из немеющих пальцев.

И тут я заметил кое-что из ряда вон выходящее.

На полу практически не было пыли. Вся комната выглядела так, что в ней никого не было на протяжении продолжительного времени, но только не пол.

— Где Алиса? — прошептал я. Потерявшись в этой мысли, я больше не дрожал, не задыхался и ничего не слышал. Руку, которую сдавливала женщина, я больше не чувствовал.

— Ты чего расселся, придурок? — воскликнул невесть откуда взявшийся Ваня. — Тут ребенок уже лезет!

Друг упал в ногах у женщины, размахивая руками и панически повторяя «что делать». Я отстраненно наблюдал за ним.

— *Плод был уже мертвым, поэтому аборт был неизбежен. Вы все правильно сделали.*

— *Я не дала родиться новому монстру... не дала...*

— Кит, кажется, что-то идет не так!

Вокруг шеи младенца была обмотана пуповина.

Роженица перестала быть похожей на человека. Она выглядела скорее как животное. Погибающий в капкане зверь. Ее вопли сотрясали стены и разрывали наши с Ваню барабанные перепонки. Казалось, еще чуть-чуть, и мы бы совсем оглохли.

— Где Алиса? — повторил я.

— Заткнись, кретин! Заткнись и помоги мне!

— Но он мертв, — одними губами произнес я и снова осунулся, абстрагировавшись от происходящего.

— Что?! — взревел Зайцев. Он брезгливо пытался размотать пуповину двумя пальцами, но поняв, что подобными действиями ничего не добьется, он принялся обеими руками вытягивать ребенка из утробы матери, от чего та выла только громче.

— Не делай так, ей больно, — слабо одернул я парня. — Она должна сама.

— *Она должна сама захотеть вылечиться.*

— *Вы думаете, что поступаете гуманно, хотя это вовсе не так. Маргарита становится социально опасной. Если вы не отдадите ее под присмотр врачей, ее посадят в тюрьму. А там намного хуже, чем в больнице, поверьте мне.*

— *Я скорее найду того, кто продает ей вещества, чем сбегу ее в психушку.*

— *И что же вы сделаете, если найдете его?*

— *Когда. Когда найду его...*

Ребенок полностью появился на свет. Ваня осознавал, что младенец не плачет и не дышит, но все равно не оставлял надежды, что сейчас маленькое сердечко забьется.

— Околоплодные воды, — прошептал я, будто в трансе. — Если они не выйдут вслед за ребенком, она умрет.

Не знаю, сколько мы просидели так, под затухающим воем умирающей матери. Зайцев, пребывающий в состоянии глубокого шока, раскачивался взад-вперед, прижимая к груди мертвого младенца. Мой рот был чуть приоткрыт, словно я все время собирался что-то сказать, но не хватало воздуха.

— Почему мы не вызвали скорую? — нарушил молчание друг.

— Нас застали врасплох, — вяло ответил я. — Мы лишь делали то, что нам говорили.

— Почему мужик не вызвал?

Я промолчал. Ваню догадался сам.

— Он все это подстроил!

На последней фразе что-то внутри меня щелкнуло. Я ощущал, как по венам разливалось нечто горячее — прилив сил от закипающей ярости. Я вскочил на ноги и метнулся к парадной двери.

— Она заперта! — воскликнул я и начал барабанить по ней кулаками. — Алиса! Алиса, ты там? Ответь!

Но на улице никого не было. Я только что заметил, что все окна были наглухо заколочены деревянными досками, а тусклый свет исходил от старой лампочки, висевшей на проводах в центре комнаты.

Я достал мобильный телефон и набрал номер сестры. Пошли гудки: один, два, три... никто не отвечал. Я молил бога, что Алисе просто пришла в голову дурацкая идея напугать меня, но с каждым новым гудком надежда испарялась. Я перезвонил, и на этот раз мне кто-то ответил. Я слышал отдаленные голоса, но они явно обращались не ко мне.

— Куда вы меня везете? — плакала Лисочка.

— Ты сможешь нам создать новый мир, — звучал хриловатый мужской бас. Я сразу распознал в нем водителя минивэна. — Идеальный мир, в котором не будет ни войн, ни ненависти, ни разрушения. Мир, в котором твой брат будет прежним: добрым, заботливым и любящим. Ты же хочешь этого?

Связь прервалась, и теперь автоответчик оповещал меня, что абонент был отключен или находился вне зоны действия сети.

— Тварь, — простонал я. У меня закружилась голова и сперло дыхание. Я выронил телефон, потому что больше не мог управлять ни руками, ни всем телом — его опять свело судорогами.

— Ну нет, хватит на сегодня мертвецов, — взбодрился Ваню и подскочил ко мне, поймав меня на ходу. Он уложил меня на пол, подобрал пару разбросанных таблеток и затолкал их мне в глотку, рассчитывая, что хотя бы одну я проглочу.

Психиатр говорил о припадках, которые могут вызывать у меня сильнейший стресс, но мы с ним и представить не могли, что должно было со мной произойти, чтобы дойти до этой стадии. Когда я лежал в его мягком кожаном кресле в кабинете психотерапии, то и подумать не мог, что настанет день, когда я окажусь в чужой стране, мою сестру похитит маньяк, пропагандирующий идеальный мир, а сам я останусь подыхать в замкнутом пространстве с трупами мамы и ее младенца.

На этой высокой ноте я потерял сознание. Во сне я лежал в абсолютной темноте и молился, чтобы, когда я открыл глаза, я оказался бы дома.

Очень сильно болела спина. Я жмурился, потому что откуда-то сверху сыпался песок.

— Где мы? — спросил я то ли вслух, то ли про себя и попытался встать, но тело не слушалось.

— Мы провалились, — прохрипел Ваню.

Я полежал еще несколько минут, обдумывая слова друга и приходя в себя. Помещение, в котором мы находились, было сырым, грязным и очень темным. Все, что я различал — это едва дотягивающийся до нас свет тусклой лампочки. Она была намного выше, чем раньше.

Я приподнялся на локтях и огляделся. Нет, даже после того, как глаза привыкли к темноте, я по-прежнему ничего не мог рассмотреть. Я видел только разбитую физиономию Зай-

цева. Видимо, он повредил голову, и теперь от его левого виска к шее шла дорожка багровой крови.

— Исключено, — стал спорить я. — Пол был крепким, я обратил на это внимание.

— Под нами что-то взорвалось, — Ваню постучал по бетонному основанию, указывая на черный круг сажи. — Не знаю, как тот мужик сумел все подстроить.

— Заранее, — выдохнул я и начал по кусочкам складывать цельную картину происходящего. Она мне, откровенно говоря, не нравилась. — Наверху я заметил, что пол не был пыльным. Значит, в заброшенный мотель кто-то недавно приходил.

— Хочешь сказать, что рожаящая женщина — это...

— Часть уловки, — закончил я.

Зайцев начал истерически смеяться.

— Не могу в это поверить, — выдавил он с неким восхищением.

— Во что? — не понял я.

— Что эксперимент до сих пор продолжается! Просто невероятно!

— Ты спятил, друг, — бросил я, поднялся на ноги и стал бродить по подвалу, ощупывая стены. — Во-первых, в книге все было по-другому. А во-вторых, это нелегально.

— Тем, кто пишет законы, не обязательно их соблюдать, — отмахнулся Ваню, достал из нагрудного кармана самокрутку с зажигалкой и закурил.

Я промолчал. Еще секунду назад я был уверен в своих убеждениях, но теперь я чувствовал себя сломленным и ведомым, как кукла на веревочках.

— Они не могли знать, что мы сюда приедем, — задумчиво произнес я.

— Как сказать...

Реплика Зайцева долго оседала в моем подсознании. «Как сказать»? Что это такое? Что означали эти слова?

— Могу заверить наверняка, что они и не подозревали, что Алиса едет с нами. Поэтому ответственность за ее здоровье лежит полностью на тебе.

Я остановился. Мой правый глаз нервно задергался, и я чувствовал, как во мне закипает ярость.

— Позволь уточнить, — отчеканил я. — А на ком лежит ответственность за *мое* здоровье?

— Не делай поспешных выводов... — начал Зайцев, но я не дал ему договорить. Я налетел на него, сделав мощный удар в челюсть, и повалил его на лопатки.

— Сукин сын! Ты затащил меня в это дерьмо, зная, что я беру с собой сестру! — я орал так сильно, что на висках взбухли вены, а изо рта брызгала слюна, как у бешеного пса. — Когда ты перестанешь отнимать у меня все самое дорогое? Когда?!

— Слезь с меня, психованный ублюдок! — старался переорать меня Ваню. — Если тебе так важна причина, по которой мы находимся здесь, ищи ее в своей ненаглядной!

Я отпрянул и сделал несколько глубоких вдохов.

— Маргарита?

— Неужели ты думаешь, что ее, победителя забега в Парадайз Вэллей две тысячи пятнадцать, отпустят просто так?

— Ч..т... Почему? Почему она? Почему мы?

— Так легли карты, дружище, — уже спокойным тоном ответил друг. — Она ничего не соображала. Она сошла с ума так же, как и Мирослава Вольная. Рита просто ткнула в нас пальцем, и мы стали новыми крысами.

— Но почему ты согласился? И почему, черт возьми, я ничего об этом не знал?!

— У меня были основания ей не верить. Но когда я получил от нее конверт...

— Что?..

— ...и на твое имя тоже...

— Какого...?

Парень достал два конверта, которые все это время покоились у него во внутреннем кармане куртки. Вместо почтовых марок на них были напечатаны два слова: «банкир» и «секрет».

— Ключи от байков я получил при тебе...

— Я думал, ты сам их арендовал! — возмутился я.

— Ты что, дурак? — усмехнулся Зайцев. — Откуда у меня деньги, я же все на дурь трачу!

— Упоротая гнида! Что нам теперь делать?

— Нужно выбирать, — вымолвил друг. — Доедем до Парадайз Вэллей, найдем твою сестру и отчалим домой.

Я рассеянно кивнул и перевел дыхание.

— Что в конвертах? — бросил я, злясь на самого себя, что смирился с ситуацией.

— В них ничего нет, — медленно, растягивая гласные, отвечал Зайцев. — Кроме записки.

— И что же в ней написано?

— Уничтожить... «Эмили Блэк».

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись отчета №15.

«Тринадцатая серия операций по пересадке органов прошла успешно для 60% пациентов. Экземпляры под номерами 3, 5 и 9 второй день стабильны и спокойны. Их показатели в пределах нормы.

Экземпляры 2, 6 и 8 пребывают в постоянном состоянии шока и стресса. Их умственные способности подвергаются сомнению, и показатели жизнеспособности критически низкие. Если так пойдет и дальше, мы будем вынуждены их уничтожить.

Экземпляры 1, 4 и 7 поддаются мутации. Их физические данные отклоняются от нормы, поэтому за ними ведется круглосуточное наблюдение. Отдано распоряжение подготовить комнаты в красной зоне».

Примечание: «В лаборатории продолжают гибнуть люди. Сегодня в 03:48 доктор Алан Райт был найден в хирургическом отделении со скальпелем в правом глазу. Инструмент прошел череп насквозь, поэтому невозможно счесть это за самоубийство. Ни один человек, будь он здравомыслящий или шизофреник, не смог бы собственноручно проделать сквозную рану в голове. Он бы скорее умер от повреждения мозга или потерял сознание от болевого шока...

Мне становится страшно. Это уже пятнадцатый случай за последние полгода. Я подслушала, как директор говорил с кем-то об Эмили Блэк. Он говорил о человеке, а не об эксперименте, я уверена.

Неужели наши догадки подтвердились?

Среди лаборантов уже давно ходят слухи о призраке девочки. Именно он убивает нас один за другим. Лично я не верю в паранормальное, и подобные разговоры попросту выводят меня из себя. Но это жуткое убийство... Находиться в лаборатории стало небезопасно.

Доктор Катарина Смигт.

Конец записи».

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

— Кто-то убивает наших сотрудников, — констатировал директор. — Что несомненно вредит нашей работе. Почему с этим до сих пор не разобрались?

— Мы в замешательстве, — робко отвечал начальник отдела безопасности. — Видите ли, господин директор, записи с камер наблюдения неоднозначны. Вокруг жертв собирается черный дым...

— Что вы хотите сказать? Не отнимайте у меня время!

— Боюсь, что мы имеем дело с призраком.

— Вы в своем уме? Поддались на глупые сплетни об Эмили Блэк?

— Мы не знаем, как еще можно объяснить эти убийства. Они жестокие и грязные, и на пленке невозможно увидеть, кто их совершает.

Директор вздохнул и медленно опустился в свое массивное кожаное кресло.

— Слушайте внимательно. Я скажу всего один раз, и если мне когда-нибудь придется это повторить, я вас уволю к чертям собачьим. Девочки по имени Эмили Блэк не существует. В честь нее был наван проект, отдавая дань истории перерождения этого города — и не более того.

Единственное, что следует признать, это факт, что Парадайз Вэллей — аномальное место. Оно по-особому влияет на людей, что играет компании на руку, ведь с помощью этих «аномалий» мы получаем положительные результаты в эксперименте. И призраки здесь никак не замешаны.

Директор нахмурился и потер переносицу, собираясь с мыслями. Глава охраны побледнел. Он боялся потерять свою высокооплачиваемую должность.

— Пока не могу рассказать все, что мне известно по этому делу, — продолжал директор, возвращаясь к вопросу об убийствах. — Но дам вам подсказку. Сосредоточьтесь на том, чтобы обеспечить максимальную защиту сотрудникам, а не на том, чтобы поймать преступника.

Начбез кивнул и покинул кабинет.

— Как мне надоело убирать за ними мусор, — со злостью рыкнул директор. — Из-за их беспечности компания рискует быть рассекреченной. Надеюсь, к тому времени мы успеем завершить эксперимент.

Глава 6

Темнота была настолько густой, что я почти поверил в собственную слепоту. Конечно, я мог разглядеть силуэт сидящего передо мной Ваню, безрезультатно чиркающего зажигалкой, но, казалось, даже если бы закрыл глаза, я бы видел то же самое.

А закрывать глаза было очень страшно.

Мы так и не смогли выбраться из ужасного подпола, наполненного мышами или, что еще хуже, крысами. Крошечные коготки зацокали по бетонному полу обратно в тень, когда Зайцеву удалось высечь искру из старого зиппо.

— Ты что, лапаешь меня? — внезапно гаркнул он.

— Мы далеко друг от друга, идиот, — грубо ответил я. — Что за...

На плече друга лежала тонкая, почти прозрачная рука.

— Что с тобой?

— У тебя... у тебя что-то... — я не мог сформулировать мысль, поэтому просто водил ладонью по правому у плечу с открытым ртом.

Ваню поежился, встряхнулся и посмотрел направо. Рука пропала.

— Я схожу с ума, — шумно выдохнув, я сделал два неуклюжих шага назад, как будто меня слегка толкнули.

— Тот, кто закладывал взрывное устройство, как-то попал в подвал, — рассуждал Ваню. — Значит, отсюда должен быть выход.

— Я все ощупал! — взвыл я и замер на секунду. — Хотя постой, в том углу что-то было. Я указал на стену за Ваниной спиной.

— Но это точно не дверная ручка.

— А что? — заинтересовался друг.

— Металл. Какие-то винтики, пластины... что угодно, только не дверная ручка.

— Возможно, это все же дверь, — обреченно произнес парень. — Мы ведь находимся в мотеле, где проводился эксперимент. И это — дверь в камеру испытаний, которая открывается через панель управления или снаружи. Не наш вариант.

— И что же нам остается?

— Например, это...

Зайцев поднялся на ноги, отряхнулся и чересчур сильно выгнул спину. Он запрокинул голову и закричал:

— Эй! Кто-нибудь! Помогите! По-мо-ги-те!

— Если мы будем обыскивать каждый мотель на пути, то никогда их не догоним, — возмущалась Каролина, со скучающим видом пялясь в окно.

— Я не планировал задерживаться у каждого мотеля, мисс Фридман. Только там, где припаркованы два мотоцикла.

Журналистка выпучила глаза от изумления.

— С чего вы взяли, что русские едут не на машине?

Бывший детектив самодовольно улыбнулся, в очередной раз убеждаясь, что его отправили в отставку незаслуженно.

— Следы на парковке. Два одинаковых отпечатка шин пересекались, вместо того, чтобы быть параллельными друг другу (как это принято у автомобилей, вы знаете). Следовательно, недавно у мотеля парковалось два мотоцикла. Остается прикинуть, кто ночевал в этом мотеле: престарелая пара, порноактеры с оператором и русские. Старики вряд ли сели бы на байк. Или вы другого мнения?

Журналистка рассеянно покачала головой.

— Актерам передвигаться на мотоциклах было бы неудобно, потому что у них с собой аппаратура. Методом исключения остаются русские.

— Вы забыли про девушку, — заметила Каролина.

— Какую девушку?

— Которая находилась в ту ночь в комнате одного из парней.

— Ее можно было отместить сразу же. Вы вроде журналист, но такой невнимательный!

Женщина скрестила руки на груди и возмущенно надула щеки.

— Я не понимаю! — выпалила она.

— Мотоцикла было два, — с доброй насмешкой пояснил МакКаунти. — А девушка одна.

Если она и взяла один байк, то второй вероятно принадлежит русским.

— Мне только что пришло в голову, — задумчиво протянула Фридман после пары минут молчания. — Зачем мы вообще их преследуем?

— Вы что, не смотрите фильмы?

— Да как-то времени нет.

— Обычно, когда сумасшедшие обращают внимание на определенную деталь, а в данном случае Мирослава Вольная указала на новых игроков, направляющихся в Парадайз Вэллей, она является ключевой в сюжете.

Каролина озадаченно уставилась на детектива. Ее рот был чуть приоткрыт, как у аквариумной рыбки.

— Я шучу, мисс Фридман, — рассмеялся МакКаунти. — Но ответ на этот вопрос тоже очевиден. Они — единственная наша зацепка. Если вы считаете, что они полезны потому, что о них упомянула Мирослава, то это не так. Я бы вообще о них не вспомнил, если бы не показания старушки в первом мотеле.

— Значит, мы ищем их от безысходности?

Бывший детектив пожал плечами.

— Мы в любом случае движемся в нужном направлении. Показания ребят как минимум нам не навредят.

— Какой вопрос для вас более приоритетный? — перебила Каролина.

— Ну... кого нужно посадить, чтобы прекратить все это, если вы об «идеальных» целях.

— Нет, не об этом... — загадочно прошептала журналистка. — Знаете, что терзает меня сейчас больше всего?

— Что же?

— Каким образом организаторы продолжили отбор кандидатов на эксперимент после того, как Мирослава Вольная победила?

— В смысле? Так же, как и предыдущие разы: выбрали человека, которому позвонил последний оставшийся в живых, и еще шесть человек из его окружения.

— Складывается ощущение, что вы вообще ничего не знаете о проекте «Эмили Блэк», — деловито фыркнула Фридман, в отместку подчеркивая свою значимость в их союзе.

— Да, я не особо осведомлен, — признался Рис. — Ознакомился лишь с тем, что вы послали мне на электронную почту.

Женщина покраснела, осознав, что ее разоблачили.

— Но книгу вы не читали, — пробубнила она себе под нос.

— Я знаю только одно русское слово — «водка», и, боюсь, оно не поможет мне докопаться до истины.

— Как посмотреть... — протянула Каролина. — В любом случае, в книге есть кое-что, что привлечет ваше внимание. Видите ли, Мирослава считается победителем в Игре именно потому, что она никому *не позвонила*. И, кстати, на заметку: чтобы выиграть, не обязательно нужно быть последним выжившим. Люди убивали друг друга, потому что сходили с ума, но это не являлось условием Игры.

— Тогда ответ еще проще. Они же в первый раз с кого-то начали? Вот и после Вольной, когда цепочка оборвалась, организаторы всего лишь начали заново, выбрав жертв в случайном порядке.

— Простите за нетолерантный вопрос, но какой теории о зарождении жизни на Земле вы придерживаетесь?

МакКаунти задумчиво почесал затылок.

— Предпочитаю сваливать все на Большой Взрыв. А что?

Фридман покачала головой.

— Вам будет чрезвычайно трудно раскрыть это дело.

— Почему?

— Это же очевидно! — передразнила мужчину Каролина. — Эксперимент построен на гипотезах о божественном происхождении человека. Абсолютно весь! Если вам будет интересно, я расскажу свою версию, как был запущен проект и какие законы в нем преобладают.

— Валяйте, по радио все равно ничего толкового не транслируют.

Журналистка на мгновение обиделась от пренебрежительного отношения детектива, но, охваченная мыслью об эксперименте, она продолжила. — Целью проекта является создание Нового Мира, основанного на теории Божественного происхождения — это факт. Согласитесь, за всю историю религия была лучшим методом управления людьми.

— Допустим, — кивнул МакКаунти.

— Я взяла Христианство за основу дальнейшего повествования, но когда вы дослушаете до конца, поймете, что это не так уж и важно. Хотя бы потому, что *они собираются создать иную религию*.

Вспомним цитату из Библии: «...и создал он человека по подобию своему...». Эта фраза символизирует старт проекта, а точнее саму Игру, на которой отбираются люди, *достойные называться божественным идеалом*. Вы понимаете, о чем я?

— Выносливые, умные, бла-бла-бла.

— Верно, люди, лишённые недостатков. Как Иисус. Но это еще не все. Для того, чтобы сотворить подобие бога, нужен сам бог. Именно поэтому, я считаю, что *первую игру проходили организаторы*. И даже после них на эксперимент отбирались не случайные люди, как вы считаете. У каждого избранного должен был быть развит определенный «идеал»: у кого-то ум, у кого-то сила... Переводя в религиозную систему, команда состояла из покровителей или ангелов или святых, называйте, как хотите. А еще я полагаю, что *в каждой команде был предатель*. Это тоже отлично вписывается в библейский сюжет.

— Любопытная мысль.

— Не верю, что вы впечатлились. Теперь, возвращаясь к моему вопросу... Вы можете ответить, как организаторы продолжили эксперимент, *не нарушая собственных правил*?

— Вы идеализируете преступников. С чего вы взяли, что перед убийством они не останавливаются, а перед паршивыми правилами — да?

— Значит, вы все-таки не поняли, — вздохнула Каролина. — Они не могут нарушать свои же правила, потому что иначе разрушится вся идея. Это основа менеджмента любого открывающегося предприятия.

— Если в теории есть пробелы, на практике их тем более не избежать, — возразил Рис и замолчал.

Каролина знала, что он, наконец, всерьез задумался над проблемой, поэтому терпеливо дожидалась ответа.

— У вас есть предположение, мисс Фридман, но вы почему-то не хотите раскрыть мне все карты. Хотя подсказку все же дали.

Журналистка внимательно слушала, почти не моргая.

— «Чтобы выиграть, не обязательно нужно быть последним выжившим», так вы сказали. Отсюда напрашивается вопрос: кто может подтвердить, что Мирослава Вольная – *единственная, кто выжил в две тысячи одиннадцатом году?*

Каролина улыбнулась.

— Никто, — подтвердила она догадки детектива. — У книги две разные концовки, и у меня есть основания полагать, что они обе неверны. Можно предположить, что есть еще один выживший. И если о нем ничего не известно, то существует лишь два варианта развития событий: либо он мертв, либо он работает на организаторов. Тогда, после дисквалификации Вольной в психиатрическую больницу, право определения следующего игрока переходит к нему.

— Кто, по-вашему, мог выжить?

— Один из трех: Вероника Красная, Михаил Иванов или Эдуард Лидер. Если придерживаться версии, что кто-то из них стал организатором, то девушку можно сразу отместить, она тупая.

— Фу, как невежливо, — усмехнулся МакКаунти.

— Это самый быстрый способ объяснить, почему она не подходит, — пояснила Фридман. — Иванов отвечал за силу в команде, но в нем было также достаточно ума и жестокости. Тем не менее, в книге указано, что он ослеп в ходе своего испытания, а затем его убил Эдуард Лидер. Думаю, что так оно и было.

— Как вы сказали? Эдвард?

— Вы неправильно произносите.

— А какие-нибудь отличительные особенности у него есть?

— Он гений. Слышали об Эдварде Хэккере? Компьютерный взломщик, получивший мировую известность несколько лет назад? Это он и есть.

— Я не о том. Как он выглядит?

— Ну, он... альбинос, вроде.

— Бледный с белыми волосами? — уточнил Рис.

— Да, — подтвердила Каролина и тут же охнула. — О боже! Вы считаете, что тот экскурсовод из мотеля — Эдуард Лидер?

— Чего вы так удивляетесь? Это полностью ваша идея, поздравляю!

— Но он ведь помогал нам! — возмутилась женщина, не веря собственным ушам.

— Никто не знает, с какой целью, — процедил детектив. — Прежде всего, стоит проверить вашу теорию. А там уже будем плясать...

— Стойте! — вдруг воскликнула журналистка и указала пальцем на старое здание.

Мысли МакКаунти снова сбились. Он не успевал продохнуть между темами, которые так резко сменяла Каролина.

— Что вы увидели? — с легким раздражением спросил он и остановил машину на обочине.

— Мотоциклы. Они валяются. Их явно бросили в спешке.

— Странно, — пробормотал бывший детектив, выходя из машины

— Тихе! — шикнула Фридман, не закрыв дверь со своей стороны. — Вы слышите?

— Только как ветер завывает. Скоро будет дождь...

— Да нет же! — женщина подбежала к парадному входу мотеля и снова прислушалась.

— Кто-то кричит о помощи!

— Не могу больше, — прохрипел я, схватившись за горло. — Я охрип.

— Да что ж ты бабой не родился! — всплеснул руками Ваню. — Тебе больше нравится перспектива кормить крыс?

— Нас никто не услышит, — возразил я. — Мотель заброшен. С трассы нас не услышат. Зайцев опустил на корточки и стал натирать виски, стараясь не выходить из себя.

— Может, кто-нибудь поссать выйдет, я не знаю. Я всего лишь делаю то, что нам остается,
Кит.

— Эй, вы, там! С вами все в порядке? — раздалось откуда-то сверху. Кричала женщина.
Мы с Ваню одновременно подняли головы и начали всматриваться в дыру, образовавшуюся в результате взрыва. Над нами нависало два человеческих силуэта.

— Мы провалились! — радостно воскликнул друг.

— Принесу трос, — пробасил мужской голос, и одна фигура скрылась из виду.

Спустя минуту я уже карабкался по канату, впервые в жизни поблагодарив про себя школьного физрука, который заставлял меня тренировать слабые руки.

— Ты застрял? — подтрунивал я над другом.

— Я не умею, — прогнусавил тот.

— Как ты школу-то окончил?

— По физкультуре у меня была пятерка! — возмущенно крикнул Ваня. — За пятизвездочный коньяк.

— Обвяжи веревку вокруг себя, мы тебя вытянем, — по-русски произнесла спасавшая нас женщина.

В ответ на мой недоуменный взгляд она пояснила, но уже по-английски:

— Моя бабка из России, так что я немного разговариваю по-русски.

— Что здесь произошло? — начал допрашивать мужчина, кивая на труп роженицы, когда мы вытащили Ваню из подпола.

Я рассказал нашу историю, периодически обращаясь к Каролине за переводом.

— Значит, твою сестру похитили, — попытожил МакКаунти. Оказалось, он был детективом полиции США. Я несказанно обрадовался, что встретил его.

— А нас оставили здесь подышать, хотя мы официально участвуем в Игре.

— Что? — журналистка выпучила глаза. — Эксперимент до сих пор продолжается?

— А вы разве не за этим сюда приехали? — скептически прищурился Зайцев.

— Мы расследуем это дело, — ответил Рис. — Но были не в курсе, что Игра все еще проводится.

— А где остальные? — Фридман развела руками. — Команда должна состоять из семи человек, верно?

— Нас только двое, — пожал плечами друг и достал из переднего кармана рубашки самокрутку.

— У тебя глаукома? — недоверчиво бросил детектив.

— Нет, — честно ответил Ваню.

— Но это, определенно, дурь.

— Да.

— Ты знаешь, что наркотические вещества запрещены в большинстве штатах?

— На хранении у меня ничего не осталось. Это последняя.

— Смотри у меня, торчок хренов, — грозно зыркнул МакКаунти и отвернулся от парня. Когда мы вышли на улицу, детектив тоже закурил что-то крепкое и ароматное.

— Раз мы направляемся в один и тот же пункт назначения, было бы удобнее всем ехать на машине. Но вы, насколько я понимаю, не собираетесь бросать байки тут?

— В яблочко, — кивнул Ваню.

— Я предлагаю сначала перекусить, — вклинилась в разговор Каролина.

— Мы не можем надолго задерживаться где-либо, — возразил я. — Если мне необходимо пройти Игру, чтобы забрать Алису, то я, пожалуй, так и сделаю.

— Кажется, мы теперь в одной лодке, господин детектив, — окликнул мужчину Зайцев, не отрывая взгляда от лобового стекла его автомобиля.

Под стеклоочистителями лежало два конверта, идентичные тем, что Ваню получил от Риты.

— Это же... — начала было Фридман, но не смогла закончить предложение, так как у нее перехватило дыхание.

— Теперь нас четверо, — продолжая странно улыбаться, проинес друг. — Может быть выпоймете, что означает «уничтожить «Эмили Блэк»»?

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись в блокноте.

«Сегодня погибла доктор Катарина Смиidt. Она появилась у нас совсем недавно, значительно позже меня. Тем не менее ее очередь расплачиваться за грехи пришла раньше моей. Я часто представляю, каково было бы мне на ее месте...

Застрять в душевой кабине. Вода поднималась все выше, пока ноги не оторвались от пола. Катарина хватала ртом воздух, но когда уровень достиг потолка, она уже ничего не могла поделать. Глаза щипало от соленой воды, и ей пришлось их закрыть. Доктор оказалась в темноте, в невесомости. Последние силы ушли на то, чтобы колотить руками и ногами по стеклянной дверце. В какой-то момент без воздуха стало невозможно, сработал дыхательный рефлекс, и легкие наполнились водой. Вероятно, так все и было.

Засоренная труба и сломанный замок — нелепая случайность, нелепая смерть. Вот только душевые кабины не герметичны и не способны удерживать воду подобным образом.

Я несколько часов исследовала образец жидкости, в которой утонула Катарина, и не смогла определить ее происхождение. По составу она больше всего напоминала слезы.

Эмили плакала?

К нам привели маленькую девочку. Она прелестная, напомнила мне мою дочь: такие же светлые кудряшки, чуть вздернутый носик. Но она была так напугана! Ребенка заперли в комнате, которую я раньше не замечала. Не верится, что я была так погружена в работу...

Неправильно держать детей в четырех стенах без окон. Но я не в силах выпустить девочку, потому что боюсь делать что-либо, что может не понравиться Эмили.

Я больше не могу продолжать эксперимент. Сегодня я не пришла на плановый осмотр экземпляров и завтра тоже не приду. Не знаю, что сделает со мной директор, но все лучше, чем быть зверски убитой кем-то нематериальным.

Я чувствую угрозу даже от простого карандаша.

Доктор Элизабет Оунер».

ЗАКРЫТОЕ ЗДАНИЕ БЫВШЕГО СУПЕРМАРКЕТА

Эдвард уверенно шел в сторону заколоченного входа в магазин. В его единственной руке был лом, который он предусмотрительно прихватил с собой. Он сделал пару резких, неуклюжих движений, и досок как не бывало. Альбинос широким шагом вошел внутрь. «Фу, ну и вонь!». Он бросил взгляд на прикассовую зону и на выдохе выдал удивленный, вполне искренний смешок. На стуле, крепко прижав к себе ружье, сидело полностью разложившееся тело.

— Прости, мужик! — обратился к нему Эд. — Мы про тебя совсем забыли!

Это был смотритель супермаркета. Хотя особой роли в эксперименте он не играл, все же он был частью Игры. Как же про него могли забыть... и забить единственный возможный выход из магазина досками за ненадобностью. Надо же, отсюда даже не стали вывозить продукты: они так и лежали на полках идеальными рядами.

На улице шел проливной дождь, и крупные капли громко били по крыше. Хороший звук. Эдвард любил такую погоду. Конечно, быть мокрым — мерзко, но дождю не важно, что ты ненавидишь его за это. Зато он холодный, быстро остужает разгоряченную голову.

— Простудишься и сдохнешь где-нибудь в кустах. У Лаборатории сейчас нет времени на грипп.

За спиной альбиноса материализовалась женщина с огромным куполовидным зонтом. На ней было элегантное платье, на которое не попало ни одной капли влаги. Металлические пластины, охватившие ровно половину туловища, включая лицо, мешали насладиться красотой ее изящных линий. Это были протезы, которые помогали ей передвигаться после увечий, когда-то полученных на Игре.

— Почему ты носишь зонт в руках? — обратился к ней Эд. — Ты можешь закрепить его на любом из своих механических ребер.

— Еще один повод вспомнить, что я человек, — резко ответила гостя, и затем закрыла и встряхнула зонт. Следующим движением женщина откинула руку назад. Из спины тут же выдвинулась металлическая конструкция, напоминающая костную структуру крыла летучей мыши. Пальцы ловко выудили из нее тонкую сигарету и мундштук. — Хотя, черт возьми, это невероятно удобно.

— Зачем ты шла за мной, Джул?

— Для чего ты шел *сюда*, Эдди, — голос женщины смягчился. Она обошла парня, чтобы посмотреть ему в лицо. — Ради чего ты делаешь это? Помогаяшь участникам? Рассылаешь дурацкие конверты? Суешь палки в колеса директора? Ты же знаешь, чем это чревато.

Эдвард молчал, потупившись в пол.

— Зачем?! — срывая горло, проорала Джулия.

Ее крик прокатился по опустелому помещению, эхом отражаясь от стен. Могло почудиться, что из-за него зазвенели стеклянные банки на витринах.

— Я хочу, чтобы было как раньше, — едва слышно ответил Эдди.

Джул замерла. Она даже перестала дышать на какое-то время. По ее щеке медленно стекала капля дождя.

— Я слишком много сделал, — Лидер перешел на шепот. — Я сделал так много, но только сейчас понял, насколько это плохо. И теперь я хочу вернуть все вспять. Исправить, знаешь... сделать откат. Я думаю, что если повернуть эксперимент в обратном порядке, прийти к началу, то все можно исправить.

— Эдди, — ласково пропела Джул и коснулась щеки до нитки промокшего альбиноса. — Ты необычайно умен. Правда, твоим знаниям, казалось бы, нет границ. Но это не матрица. И администратор в ней не ты. Ты лишь часть программы, которая не может не подчиниться. Иначе тебя удалят... заменят...

— Но я хакер, — с угрозой прошипел молодой человек. — Мне плевать, чем занимается «администратор». Я взломаю его систему и сделаю все за него. Я стану богом его маленького мирка и сотру его с лица Земли, как подвластно богам. Как *положено* богам.

— О, Эдди, — Джулия выронила мундштук, обняла Эдварда и начала тихонько всхлипать. — Я прошу тебя, не делай этого. Просто подчинись. Просто подожди, и это дерьмо закончится.

— Когда Мира умерла, — продолжал Лидер, как помешанный. — Я вспомнил, что не этого хотел. В две тысячи одиннадцатом году, когда мы встретились в самолете, я все планировал иначе. Я хотел вернуться домой и... она не должна была умереть, Джул. Я пытался защитить ее, но она *видела во мне врага*. Она считала, что это я хочу убить ее. Но ты же знаешь...

— Знаю, — прошептала Джулия. — Ты сделал даже больше, чем мог, и твоей вины в ее смерти нет. Но сейчас ты разрушаешь сам себя. Играешь против монстра. Прекрати.

— Ни за что. Нужно открыть магазин. Повернуть развитие событий вспять, вернуться к истокам. Скажи мне, Джул, ты боишься снова проходить испытание? Потому что нам придется это сделать. Всем нам. Боишься?

— Я... — женщина запнулась и отвернулась от собеседника. — Я заслуживаю этого.

Эдвард приобнял ее за плечи и тихо прошептал:
— Я тоже боюсь.

Глава 7

— Не могу в это поверить, — лепетала Каролина, охваченная внутренней дрожью.

— Не принимайте близко к сердцу, мисс Фридман, — в который раз отзывался МакКаунти. — Наслаждайтесь природой!

«Да уж, природой». Каролина и раньше подозревала, что не везде в ее стране зелено, как в Нью-Джерси, но теперь ей пришлось наблюдать мертвые земли собственными глазами. Иссохшие деревья, разбитая дорога... и ведь кто-то здесь жил! Крошечные разваливающиеся домишки часто мелькали вдоль трассы. Некоторые из них на первый взгляд были непригодными для жизни, и тем не менее возле них копошились старики, перекладывая с места на место сухие ветки и занесенные ветром бумажки. Наверняка этот мусор они сжигали по вечерам, чтобы согреться.

— Опять эти ваши шуточки? — вспылила женщина, всплеснув руками. — Мы втянуты в эксперимент прямо посреди пути. Едем, не зная куда. От конвертов нет толку, в них не сказано ничего вразумительного!

— Почему же, там четко написано: «Уничтожить «Эмили Блэк»». Это, как никак, цель.

— Но «Эмили Блэк» — это проект, — напомнила журналистка. — Вероятно, подразумевалось «закрыть», а не «убить».

— Одно другому не мешает, — усмехнулся бывший детектив. — Случается, что для предотвращения чего-либо, нужно кого-нибудь убить. Вы уверены, что человека по имени Эмили Блэк не существует? Ведь эксперимент назван в ее честь.

— Был такой человек, — согласилась Каролина. — В девятнадцатом веке.

— Это печально, — вздохнул МакКаунти. — Тогда вопрос остается открытым. Как и тот, зачем организаторам понадобилась двенадцатилетняя девочка, которая не вписывалась в их планы.

— Возможно, они просто вывели ее из игры, как сделали когда-то с Мирославой.

— Но мы тоже не входили в планы. Однако нас не нейтрализовали.

— Она же ребенок, Рис! — упрекнула мужчину Фридман.

— Думаешь, это имеет значение? — произнес детектив и удивленно приподнял бровь.

— Мы уже перешли на «ты»?

Женщина покраснела и зарылась в густых волосах, чтобы скрыть свое преисполненное стыдом лицо. МакКаунти рассмеялся.

— Простите, — бросила Каролина и насупилась как ребенок.

— Я не против, — усмехнулся Рис. — Мне просто нравится над тобой подшучивать.

— Очень мило, — фыркнула журналистка и еще сильнее закуталась в локоны, на этот раз пряча смущенную улыбку. — Почему мы сбавили скорость?

— Потому что прибыли в следующую контрольную точку, — пояснил детектив и включил поворотник, чтобы предупредить попугчиков об остановке. — Ты же хотела перекусить. Вот тебе и супермаркет!

Мы ехали не слишком быстро, что выводило меня из себя. Сестренку похитили, а я должен был соблюдать чертovsky правила дорожного движения? Я то и дело норовил обогнать старенький «фокус» детектива, но от этого он не ехал быстрее. Я бы ни за что не стал ждать его, если бы он не был полицейским.

Наконец, на форде загорелся поворотник, и мы с Ваню начали сбавлять скорость. Но как бы я ни вертел головой, я не мог определить, куда мы прибыли.

— Магазин, — развел руками МакКаунти в ответ на наши возмущенные лица, когда мы спешили.

Все одновременно посмотрели на побитое временем здание с заколоченными окнами.

— Это тот самый круглосуточный супермаркет, построенный специально для игроков? — выдавил я, чувствуя, как сжимаются от волнения внутренние органы.

— Это *был* супермаркет, но теперь он выглядит заброшенным. Впрочем, это подтверждает мою теорию, — горделиво заявил Ваню.

— Какую теорию? — гаркнул детектив, пропуская в слова нотки ревности. Возможно, мужчина считал, что только он имел достаточно интеллекта и полномочий строить версии и догадки.

— Я считаю, что мы действительно участвуем в Игре, но как бы не на той ступени, на которой должны были. Я с самого начала заметил некоторые отклонения от сценария. Например, наша команда не полная: в начале проекта группа испытуемых набиралась постепенно. Только потом, когда концепция полностью сформировалась, в стартовой точке оказывалось сразу семь человек, полная команда. И еще много таких мелочей, вроде отсутствия в конвертах ключей от номеров в мотелях. А теперь еще и магазин закрыт, а ведь его не было до две тысячи одиннадцатого года. Из этого я сделал вывод, что эксперимент деградировал. Теоретически, если все будет продолжаться в том же духе, то он придет к своему началу.

Я заметил, как журналистка жадно наблюдала за губами Зайцева и едва сдерживалась, чтобы не перебить его.

— А что было в начале? — задумчиво спросил Рис.

— Я же говорила! — все-таки не удержалась Каролина. — Самый первый тест проходили организаторы!

— Это твоя версия, — отрезал детектив.

— Я согласен с мисс Фридман, — кивнул Зайцев. — Если организаторы хотят быть богами, им наверняка пришлось самим проходить испытания, чтобы установить планку, достойную их.

— Нам нельзя терять времени, моя сестра в опасности! — напомнил я, недоумевая от желания своих попутчиков чесать языками.

— Сначала нам нужно поесть, — возразил детектив. — Зайдем в магазин и проверим, остались ли там пригодные продукты.

— Но это ведь именно то, чего *они* хотят!

— Мы будем следовать правилам, пока не приблизимся к *ним* максимально, — резко ответил МакКаунти. — Кошка до последнего должна быть уверена, что поймает мышку.

— И что потом?

— Мышка направит на кошку пистолет.

Алиса сидела в холодном помещении с голыми стенами, отстраненно потупив взгляд в стол. Напротив нее расположилась доктор в белом халате и задавала ей обыкновенные вопросы о семье, хобби, любимом предмете в школе. Свет в комнате был очень ярким, и девочка не могла полностью открыть глаза.

— А какой твой любимый цвет? — продолжала психолог.

Алиса молчала. Хотя женщина выглядела добродушно, как бабулька, которая любит раздавать печенье соседским детишкам, девочка понимала, что она была чужой. Из тех, кто ее похитил, разлучил с Никитой.

— Ты скоро сможешь увидеть своего брата, — говорила психолог, будто читая детские мысли.

На эту реплику Лисочка отреагировала. Она нервно сжала свои маленькие кулачки и закусилась нижней губой.

— Я считаю, что нехорошо красть людей, — произнесла доктор Оунер.

— Зачем тогда вы меня украли? — с упреком отозвалась девочка.

Женщина улыбнулась. «Контакт налажен», — решила она.

— Это была не я. Я на твоей стороне.

— Вы пришли мне помочь?

— Да. И я хочу, чтобы ты тоже помогла мне.

— Чем?

— Предотвратить дальнейшие похищения и другие дурные поступки. Ты ведь хочешь, чтобы на свете не было плохих людей?

Алиса кивнула.

— А как ты относишься к супергероям?

— Ну... — девочка задумалась, вспоминая последние просмотренные ею фильмы о Бэтмене. — Они сильные и хорошие, всегда спасают мир.

— А ты знаешь, Алиса, что ты тоже супергерой?

Девочка не смогла скрыть возбуждения от услышанной новости.

— Да, Алиса, у тебя есть способности, с помощью которых и ты сможешь спасти целый мир!

— Но я не умею летать или поднимать тяжести, или читать мысли...

— Ты просто не знаешь, как активировать эти навыки. Но я могу тебе помочь. Для этого мы здесь с тобой.

— А что мне нужно делать?

— Ничего. Я просто отведу тебя в другую комнату и все сделаю сама. Ты мне доверяешь?

Алиса засомневалась и снова замолчала, опустив голову.

«Где Никита?», — думала девочка. Она уже так долго сидела в этой холодной комнате, а он до сих пор не пришел. Может, его тоже схватили? И на самом деле это *ему* нужна была помощь сестры?

«Если бы я была супергероем, я бы спасла его».

Доктор Оунер встала, так и не дождавшись ответа, и направилась к выходу.

— Посиди еще немного. Я вернусь позже, — бросила она через плечо и закрыла за собой дверь.

Атмосфера в магазине нагнетала мрачные мысли о безысходности. На одних витринах стояли банки с консервами, у которых еще не истек срок годности, а на других подсыхали пятна от разложившихся овощей и фруктов. Крысы бесстрашно бегали по полу и полкам и грызли сухие завтраки. Половина подвесных ламп на потолке вышла из строя, а другая работала с перебоями, отчего супермаркет погружался во тьму каждые две-три секунды. Тем не менее электричество было, а значит, нас приглашали внутрь.

Мы разошлись в разные стороны, чтобы осмотреться. Меня не покидало ощущение, что мы попали в очередную ловушку, отчего я неуверенно тербил карман с таблетками.

МакКаунти пошел в ближайший левый угол.

Проклятый мигающий свет мешал как следует разглядывать предметы. Как только глаз цеплялся за что-то необычное, темнота скрывала это, а когда лампы загорались снова, предмет исчезал из фокуса.

«Вряд ли мы что-нибудь найдем, — рассуждал про себя бывший детектив. — Вполне возможно, что нас преследует больной фанатик, который разбрасывает конверты и взламывает давно закрытые замки».

Неожиданно внимание Риса привлек штырь, неестественно торчащий из стены. В белых лучах электроосвещения этот штырь переливался мокрыми бордовыми каплями. Детектив аккуратно стер их пальцами.

«Свежая кровь», — заключил он и снова провалился в темноту на пару мгновений.

Каролина выбрала дальний левый угол, чтобы не отходить далеко от МакКаунти. Мигание света не особо раздражало ее, так как из-за плохого зрения она давно привыкла передвигаться в пространстве, не полагаясь лишь на глаза.

— Это кто-то из игроков, — бурчала себе под нос журналистка. — Или из организаторов. Кто-то специально демонстрирует, что система проекта дала сбой.

Женщина выискивала неиспорченные продукты, рассматривая полуразобранные полки и складывая в свою сумочку консервы, которые можно было съесть в холодном виде. Для себя она отметила, что в этой части магазина гнилью почти не пахло.

Вано убежал в самую глубь помещения, желая ненадолго остаться наедине с самим собой. Едва детектив исчез из поля зрения, Зайцев задымил очередной самокруткой. Его помутневшему рассудку нравились перебои электричества, из-за которых сильно рябило в глазах. Парень уже привык фокусировать взгляд всего на долю секунды, как фотоаппарат, поэтому вспышки ему абсолютно не мешали.

В его части супермаркета все было разбросано и разбито. Приходилось часто смотреть под ноги, чтобы не продырявить кроссовки битым стеклом и не измазаться в липких субстанциях.

«Нам должны дать подсказки, — думал Зайцев. — Нас ведь не просто так ждали здесь».

Внезапно сбоку что-то мелькнуло. Вано заметил это периферическим зрением и резко дернул головой в сторону загадочной фигуры. В проходе, между стеллажами с чипсами, стояла маленькая девочка. На вид она была возраста Алисы и примерно такого же роста. Она пристально глядела на парня неморгающим взором. Впрочем, как и Ваня на нее. Свет все мигал, но ребенок никуда не пропадал, как было положено галлюцинациям. Друг вынул изо рта самокрутку и осипшим голосом произнес:

— Кто ты?

Зайцеву на миг показалось, что его тело двигается само собой, подплывая к фигуре все ближе. Но вскоре он осознал, что это девочка приближается к нему, а сам он приклеился к полу, не в состоянии убежать, хотя он очень этого хотел. Упаковки с чипсами начали падать с полок, а на стеллажах появлялись глубокие царапины, издавая неприятный шаркающий звук.

Вано сглотнул и выронил сигарету.

— Что ты такое? — прохрипел парень, задыхаясь. Он был уверен, что незнакомка сдавливает ему горло, хотя она не дотрагивалась до него. — Отпусти меня, я ничего тебе не сделал.

Раздался короткий крик, за которым последовали множественные ругательства. Девочка и удушье тут же исчезли, и Ваня снова обрел способность передвигаться. Не теряя ни секунды, он побежал на голос, который его спас.

Когда я вошел в магазин, то сразу свернул направо к бутылкам с водой, потому что мне очень хотелось пить. От стресса в горле совсем пересохло, словно оно было набито песком.

Мне было страшно находиться в этом месте. Когда магазин на доли секунды погружался во мрак, я хотел кричать о помощи, забиться в угол или, наоборот, бежать куда подальше без оглядки. Но я старался держать себя в руках ради сестры. Я все время думал только о ней, и мне были безразличны дурацкие эксперименты, игры и прочая чушь, происходящая вокруг.

Я проходил вдоль витрин с напитками, изучая выцветшие этикетки, но внезапно поскользнулся и упал на плиточный пол, больно ударившись копчиком. Поднявшись и восстановив дыхание, я начал искать причину своего падения. Под ногами стелилась дорожка из чего-то вязкого и темного. Аккуратно двигаясь вдоль нее, я перебирал в уме вещества, которые могли бы оставить такой след. Но стоило мне завернуть за угол стеллажей с газировкой, мои догадки тут же перестали иметь какое-либо значение. В проходе лежало два трупа, и все, что я мог — это закричать. Мой крик выражал не только ужас. В нем также звучало разочарование или даже отчаяние из-за развернувшейся передо мной картины.

За моей спиной незаметно материализовался Вано.

— Вот это новость, — присвистнул он, осматривая изуродованные тела.

Каролина и Рис тоже быстро отреагировали на зов, и теперь все четверо сгрудились над растерзанными мужчинами, разглядывая их обезображенные лица.

— Похоже, их загрызли собаки, — предположила Фридман. — Такое уже практиковалось в Игре.

— Их кто-то сюда притащил, — заключил Зайцев, указывая на дорожку из крови, на которой я поскользнулся пару минут назад.

— Возможно, они были в нашей команде, — сказал МакКаунти и присел, чтобы обыскать трупы.

Неловким движением в сопровождении хлюпающих звуков от густой крови, он выудил из их верхней одежды два запятнанных конверта и документы.

— Российские паспорта, — фыркнул детектив и передал их мне.

— Ваню! Это... твой отец, — выдохнул я, не переставая пялиться на первую фотографию. Зайцев пошатнулся, и мне пришлось его придержать, чтобы он не упал.

— Мама осталась одна с двумя сыновьями, — бормотал друг, хватая ртом воздух. — Этого просто не может быть. Она сойдет с ума... моя бедная мама...

— Кто второй? — прошептала Каролина, подтолкнув меня в плечо.

Я открыл другой документ и тут же бросил его на пол к своему хозяину.

— Неважно, — резко ответил я. — Этот человек заслужил смерть.

— Не тебе решать, кто заслуживает смерти, — грозно отчеканил детектив. За свою карьеру он пользовался этой фразой не одну сотню раз. — Просто ответь на вопрос.

Я насупился и бросил презрительный взгляд на мертвого мужчину. Зайцев был все еще потрясен смертью отца, но он отчаянно старался держать себя в руках и цепляться за реальность. Он смотрел на меня с почти искренним интересом и тоже ожидал ответа.

— Это Виталик, — выдал я по-русски, обращаясь только к Ваню. — Они очень тесно общались с Ритой. Я даже подумал, что они встречаются за моей спиной.

Я сделал паузу, чтобы перевести дух.

— Пока однажды он ее изнасиловал, — сквозь зубы прошипел я и стремительным шагом пошел прочь из магазина.

Фридман понимала, о чем мы говорим. Она слушала мою речь с холодным любопытством, словно слушала сплетни бабок у подъезда. Когда я вышел, она медленно присела и двумя пальцами подняла паспорт из лужи крови, чтобы посмотреть фотографию.

— Я могу ошибаться, — вымолвила она. — Но этот молодой человек очень похож на одного из последних участников Игры.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись отчета №93.

«Сотрудники лаборатории до сих пор не могут определить, почему пересаженные репродуктивные органы функционируют только при контакте с биоматериалом выживших испытуемых. Изучение данного феномена ведется на базе опытов с объектом №7: все попытки зачатия от обычных людей оказались безрезультатными, в то время как единственный контакт со «сверхчеловеком» увенчался успехом.

Подтверждаю смерть трех единиц с низкими показателями выживаемости (№2, 6 и 8). Еще двое подопытных — №3 и 5 — также скончались, несмотря на положительную динамику в начале послеоперационного периода. Таким образом, по результатам пятого этапа трансплантации выжили три объекта. Номера 4 и 9 стабильны, им присвоен статус «сверхчеловек». Объект №1 содержится под усиленным контролем как особо опасный. Его физические и когнитивные показатели многократно превышают норму. Он отказывается от сотрудничества

и проявляет открытую агрессию к персоналу станции. Не вижу причин, по которым объект до сих пор не был ликвидирован.

Алиса не идет на контакт. Мне удалось заинтересовать ее перспективой получения аномальных способностей, но окончательного согласия на процедуру она не дала. Рассчитываю добиться результата к завтрашнему вечеру. Вероятность успеха операции оцениваю не выше 20%. В связи с этим я направила в отдел подбора запрос на поиск нового кандидата».

Примечание: «Как только Алису положат на операцию, я покончу с собой. Я не смогу жить с осознанием того, что отправила ребенка на верную гибель.

Чувствую, что Эмили подбирается ко мне все ближе. Она собирается уничтожить всю лабораторию, и мне кажется, я одна из первых в ее списке смертников. Знаю, что заслужила подобной участи, но я слишком труслива, чтобы принять ее.

Мне вовсе не стыдно за свой страх. Сегодня мы обнаружили мертвым Стива Коллинза. Он был очень сильным, настоящей грудой мышц, и одним из немногих в лаборатории, кто не верил в существование Эмили. И что с ним стало?

Рано утром он проверял состояние здоровья новых сверхлюдей. После осмотра экземпляры покинули кабинет Стива. Но спустя пару минут Коллинз услышал шуршание за своей спиной (наверняка он разбирал бумаги в тот момент, потому что нас заставляют заполнять невероятное количество документов). Он подумал, что один из объектов вернулся задать какой-то вопрос (они часто этим докучают).

— Что-то хотели? — не оглядываясь, побросил Стив.

Но ответа не последовало.

— Не стесняйтесь, — поторапливал доктор, по-прежнему не отрываясь от своих записей. Шуршание продолжалось.

Коллинз раздраженно обернулся и увидел *ее*. Она стояла в черном замызганном платье, уставившись на него своими угольными неморгающими глазами. Позже мы тоже наблюдали это по камерам видеонаблюдения.

Стив не сомневался, что перед ним находился сгусток колышущейся тьмы, сквозь которую проступал силуэт маленькой девочки, неуклюже переступающую с ноги на ногу. Доктор хотел бежать, но тело его не слушалось.

Вдруг в закрытом помещении неизвестно откуда поднялся ветер, раскидывая в разные стороны кропотливо сложенные бумаги. Волосы девочки тоже пришли в движение. Они извивались, как змеи, и становились длиннее и гуще.

Широко раскрытые глаза Стива начало жечь, и ему стоило бы моргнуть, только он не мог. Он был очарован лицом Эмили Блэк.

Девочка подобралась вплотную, и ее волосы начали обвивать шею доктора. Они окутывали Стива, забиваясь в рот, уши и глаза. Мужчина начал задыхаться.

Он медленно умирал, видя перед собой лишь озлобленное лицо сверхъестественного ребенка. И как только локоны начали выдавливать ему глазные яблоки, доктор последний раз дернулся и обмяк.

Мы нашли его мертвым и изуродованным, с черными волосами, торчащими из всех отверстий. Эта картина никогда не выйдет у меня из головы.

Поэтому я не стыжусь своего страха. По крайней мере, если я уйду сама, мои родные смогут похоронить меня в открытом гробу.

Доктор Элизабет Оунер.

Конец записи».

МОТЕЛЬ «БЕЛЫЕ НОЧИ»

Эдвард сидел в сыром подвале и крутил в руке белый незапечатанный конверт. Он счел нужным сделать такой самому себе, для поддержания формальности.

— А вот и снова я, — бубнил он себе под нос.

Он вспоминал, как несколько лет назад впервые оказался в этом подвале. Здесь он лишился руки и чуть не сошел с ума. Здесь он понял, что является частью чего-то грандиозного, чего-то важного, но самое главное он осознал только сейчас. Нужно остановить эксперимент.

Недавно он случайно подслушал разговор директора с одним из ученых исследовательской группы и узнал нечто страшное.

То, что они привыкли считать «сверхчеловеком», — это всего лишь более развитая среднестатистическая особь. Не более чем успешный атлет, созданный сложным и жестоким путем. Настоящий же результат эксперимента сидел в лаборатории взаперти, в красной зоне, под несколькими уровнями защиты, под постоянным наблюдением... В действительности, сверхчеловек — это зверь, который сначала уничтожит цивилизацию, а затем погибнет и сам. И будь то боги или не боги нового мира — никто не сможет его контролировать. Только если организаторы не собираются сами превратиться в животных.

«Людей пугают те, кто отличается от них, — убеждал директор. — Но мы не можем отрицать, что наше творение превосходит человека по всем параметрам. Мы к этому стремились и спустя долгие годы все-таки достигли цели. Поэтому я запрещаю останавливать эксперимент. Нам нужно больше подопытных, больше органов, больше результатов!»...

Эдвард сидел, поджав губы от злости и печали.

— А вот и снова я, — повторил он в пустоту. — Троянский конь, который разрушит вашу неидеальную систему. Возможно, антивирус быстро обнаружит меня, но к моменту, когда вы его запустите, будет уже слишком поздно. Я закрою проект «Эмили Блэк».

Глава 8

Я не сразу заметил, как наступил вечер. На небе начали появляться первые звезды, дорогу все труднее было разглядеть без света фар. Определенно, это был самый долгий день в моей жизни. За это время я успел увидеть рождение и смерть, испытать паническую атаку, потерять сестру, поковыряться в двух трупах знакомых людей. И, главное, осознать, что я втянут в нечто опасное и, скорее всего, на этом моя жизнь и закончится.

Мы с Ваном ехали молча, потому что нам не о чем было разговаривать. Он тоже понимал, что к понедельнику мы не вернемся, как обещали моей маме. Когда мы остановились на пыльной заправке и пересеклись с детективом и его попутчицей, то даже не удостоили друг друга взгляда, настолько все были погружены в свои мысли.

Я гадал, о чем думали Рис и Каролина. Наверняка они все еще расценивали наше путешествие как расследование. Возможно, считали себя слишком взрослыми, чтобы верить в сказки про страшные эксперименты. А я верил. Мою сестру похитили, и я был убежден, что не ради выкупа.

Мы все были до сих пор целы только потому, что нас готовили. Вели к чему-то более жесткому, чем испытания прошлых лет.

— Я кое-что видел, Кит, — прожужжало у меня в динамике, когда мы отъехали от бензоколонок.

Наша скорость была выше, чем прежде, но мне все равно казалось, что этого было недостаточно.

— Где? — устало спросил я.

— В супермаркете, — пояснил парень и сделал паузу, собираясь с духом. — Я на сто процентов уверен, что это не было галлюцинацией.

Я не раз слышал от Зайцева фразу «это не галлюцинация», и, как правило, это оказывалась именно она. Разум Вани настолько пропитался дурманом наркотика, что он уже не мог различать реальность и плоды своего воображения.

— Там была девочка, — продолжал друг. — Как Алиса, только... мрачная, что ли. Ее трудно описать.

— Что она делала?

— Это тоже трудно описать, — выдохнул Зайцев и замешкался, подбирая слова. — Приближалась ко мне. Она ни до чего не дотрагивалась, но вокруг нее все разлеталось и трескалось. Она не разговаривала, но смотрела мне прямо в глаза, и у меня сложилось четкое ощущение, что она собиралась меня убить.

— И что же ей помешало? — саркастично произнес я, подтрунивая над собеседником.

— Твой визг, — усмехнулся Ван, уколос меня в ответ.

Я резко подал влево, подрезая харлей друга.

— Ты конченный, — заключил я. — Хочу, чтобы до тебя дошло, насколько я серьезен. Твой отец погиб, а мать осталась одна с двумя маленькими детьми и чертовым наркоманом, который не может принести пользы ни ей, ни обществу. Вот такие дела.

Я говорил все это со злости, сильно перегибая палку, но не собирался просить прощения. Я желал, чтобы всем было так же плохо, как и мне.

— Давайте хоть радио включим, — пробормотала Каролина, уставшая от тишины, и нажала на кнопку магнитолы. Раздались треск и урчание.

— Включи лучше рацию, если тебе скучно, — махнул Рис. — Покрути настройки, может, наткнешься на пару веселых ребят, переговаривающихся в дороге.

Журналистка принялась крутить колесико старого радиопередатчика. По всей видимости, МакКаунти не менял его уже много лет. Он не из тех, кто покупает новое только потому, что вещь устарела.

Помехи стали громче, и Фридман поморщилась от неприятных звуков. На различных частотах периодически появлялись неразборчивые голоса, но тут же исчезали.

— Там была девочка, — внезапно довольно четко издала рация. — ...только мрачная, что ли.

— Опять русский! — гаркнул детектив. Ему уже порядком надоело слышать неродную речь и не понимать смысл разговоров.

— Кажется, это наши, — прошептала Каролина, внимательно прислушиваясь к диалогу.

— Что она делала? — продолжали вещать на линии.

— Засранцы, — хихикнул Рис. — И ведь ни словом не обмолвились, что у них в шлемах передатчики!

— Т-с-с! — шикнула женщина.

— У меня сложилось четкое ощущение, что она собиралась меня убить, — звучал голос Ваню.

— Они говорят о ребенке, — перевела Каролина.

— Об Алисе? — уточнил МакКаунти.

— Нет, о ком-то другом... — задумчиво произнесла журналистка. — Кто-то был с нами в магазине.

— Но я больше никого не видел!

— Может, я видела...

Каролина замолкла, перебирая в памяти последние несколько часов.

— Иван утверждает, что застал девочку в упор, а я, возможно, зацепила ее только мельком.

— Почему ты не сказала об этом сразу? — возмутился детектив.

— Я думала, что мне померещилось, ведь у меня не очень хорошее зрение. Но сейчас, когда парень заговорил об этом, я готова подтвердить его слова. Там действительно был кто-то помимо нас.

— И кто же, по-твоему, это был? — недоверчиво крикнул детектив.

Фридман тяжело вздохнула, но не ответила. На языке крутилось одно имя, но она не хотела произносить его, потому что стыдилась оказаться в дураках.

К счастью, спустя две минуты МакКаунти отвлекся на нечто более интересное и забыл о своем вопросе. На обочине, в свете фар проезжающих машин, на корточках сидел до боли знакомый человек — очень колоритный персонаж. Форд просигналил правым поворотником в знак остановки, и двум мотоциклистам пришлось сбавить скорость.

— Харлей создали не для того, чтобы тормозить, — огрызнулся Ваню, когда снял шлем.

Когда мы подошли к загадочному человеку, он поднялся. Всем стало очевидно, что он ждал именно нас.

— Эдвард! — ахнула Каролина, словно увидела призрак.

В ногах альбиноса валялась груда грязной одежды, от которой исходила невероятная вонь.

— Ты хочешь нам что-то поведать? — невозмутимо произнес МакКаунти.

— И очень много, — прохрипел тот и повернулся к нам с Ваню. — Во-первых, с вами мы еще не встречались, поэтому хочу представиться. Меня зовут Эдвард Лидер. Думаю, вы обо мне слышали.

Наверное, никто кроме меня не заметил, что Зайцев даже бровью не повел от неожиданной встречи. Он хмурился, просверливая альбиноса взглядом. А мне не пришлось долго перебирать в голове имена, чтобы вспомнить, кто такой Лидер. Когда мы навешали Мирославу

Вольную в психиатрической больнице, она решила, что к ней пришел именно он. И она расценивала его как врага.

— Во-вторых, — монотонно продолжил он. — Приветствую всех вас в моей команде.

Альбинос достал из нагрудного кармана рубашки сложенный вдвое конверт и продемонстрировал его нам.

— Ты что, отписал конверт сам себе? — усмехнулся детектив. — Думал, мы не поймем, что ты причастен ко всему этому дерьму?

— Напротив, я бы очень огорчился, если бы вы не поняли, — безэмоционально пробормотал Эдвард. — В Парадайз Вэллей мы едем не вместе, но обязательно встретимся там позже.

— Почему? — допрашивал МакКаунти.

— Мне надо работать, — пожал плечами Лидер. — Вы ведь уже заметили, что система эксперимента дала сбой? Это я постарался. Но еще не довел дело до конца.

— Зачем ты работаешь против своего начальства?

— А я мечтал услышать «спасибо», — улыбнулся альбинос растрескавшимся уголком губ. — Недавно мои догадки о целях эксперимента подтвердились. И теперь я считаю, что это безумие пора прекратить.

Эдвард покосился на Вану. Друг ни с того ни с сего занервничал.

— Объяснишь нам, наконец, что тут происходит? — жаловался Рис. — Мы как слепые котята.

— Да, конечно, — отозвался Эдвард. — Дело в том, что разработанная компанией концепция идеального мира содержит множество противоречий. Это привело к неоднозначности эксперимента. Изначально он был нацелен на воссоздание нового генотипа человека, по сути — следующей ступени эволюции. Эволюция сама по себе ассоциируется с положительным событием. Вы со мной согласны?

Мы дружно кивнули. На мгновение я испугался, что Лидер сейчас обставит все таким образом, что я соглашусь с точкой зрения организаторов и перейду на их сторону.

— Но дело в том, — продолжал альбинос, — что следующая ступень человеческой расы оказалась разрушительной. Конечной стадией циклического витка.

— А сейчас я перестаю понимать, — перебила Каролина, и все мысленно с ней согласилась.

— Существует предположение, что эволюция конечна, — терпеливо объяснял Лидер. — Оно является частным случаем гипотезы о цикличности жизнедеятельности. Когда эволюция подходит к своему пику, она приводит целый вид к вымиранию. Если повезет, вид начинает развиваться заново. В ходе эксперимента гипотеза подтвердилась.

— В смысле мы уже перешли на новую ступень эволюции? — озадаченно произнес я.

— Вы — нет, — ответил Эдвард и снова бросил на Зайцева многозначительный взгляд. Посмотрев на него пристально пару мгновений, он едва заметно покачал головой, будто параллельно с нами вел с собой внутренний спор.

— Нашим ученым удалось вывести несколько особей сверхчеловека и изучить их. Было выявлено, что в них заложен основной инстинкт — уничтожение предыдущей ступени эволюции, то есть нас с вами. Имитационные модели поведения показали, что когда сверхчеловек достигнет своей жизненной цели, то скоростно вымрет, так как не успеет размножиться и адаптироваться.

— Почему тогда эксперимент не прервали? — воскликнула Фридман.

— Директор не вполне согласен с этими исследованиями, — высокопарно произнес Лидер, подчеркивая свою неприязнь к новой политике компании.

— А как получают сверхлюди? — спросил я.

— Процесс полностью не описан, так как изучен не до конца, — после некоторых раздумий ответил Эдвард. — Фондом для нового генотипа является победитель в игре на выживание

и совесть. Иными словами, прошедший первый этап эксперимента. Он становится донором. Его органы пересаживают в других участников эксперимента. Это могут быть как тщательно подобранные кандидаты, так и другие победители.

После операции в организме подопытного начинаются метаморфозы. Человек меняется, перестраивается, стараясь пережить естественный отбор. Как правило, из девяти экземпляров остается от одного до трех. Обычно выжившие представляют собой генетически модифицированных людей с улучшенными показателями во всех областях деятельности и более продолжительной жизнью. Но иногда получаются сверхлюди... которых я вам уже описывал. Их содержат в специальной изолированной зоне. Они не нуждаются в общении, в какой-либо занятости, хобби. В них стерты все социальные свойства и заложены одни лишь инстинкты. И невероятная... невероятная сила и мыслительные способности.

Никто не знает, по какой причине победители влияют на эти модификации. Что-то в них меняется по прибытии в Парадайз Вэллей. Это до сих пор остается загадкой.

— Что же они не сбегут из своего изолятора, раз такие умные, — хмыкнул я.

У Ваню дернулся глаз. Наверное, он просто испугался.

— По всей видимости, кто-то сбежал, — альбинос пнул гнилую кучу под ногами, немного ее разворотив. И мы поняли, что этими тряпками когда-то был человек.

Я резко развернулся и вывернул содержимое своего желудка на дорогу, немного забрызгав колеса харлея.

— Разве это не часть испытания? — прокашлял МакКаунти, прикрыв рот платком. — Мы наткнулись еще на двоих в магазине.

— Испытания проводятся на специальных площадках, в мотелях, — объяснил Лидер. — Магазины и трасса безопасны.

Эдвард поковырял ботинком в груди человеческих останков и затем вытер грязь о пучок сухой травы.

— Вообще-то мне известно, что двоих выпустили на волю намеренно, — тихо продолжил альбинос.

У нас на лоб полезли глаза.

— Это были женщина и мужчина. Оба русские.

Эдди перевел едкий взгляд на меня.

— Хватит пялиться и молчать! — вскрикнул в негодовании я.

— Просто надеюсь, что ты хоть разок пораскинешь мозгами. Так принято в моей команде, — пожал плечами Лидер. — Мужчину звали Виталий. Я так понимаю, он уже убит. Он должен был быть вместе с нами, так как я обратился к нему за помощью.

Я закричал. У меня было такое ощущение, что я мчался на мотоцикле со сломанными тормозами.

— Женщину звали Маргаритой. Через нее я связался с вами, — Эд указал на нас с Ваню. — Они с Виталием были победителями с пересаженными органами. Предполагалось их социализировать и с помощью них попытаться зачать ребенка нового поколения.

И вот мой мыслимый мотоцикл на всех порах наткнулся на дерево. Как такая трагедия могла разворачиваться прямо у меня под носом, а я ничего не замечал?

— Но Рита не была агрессивной по отношению ко мне. Я имею в виду, она не пыталась меня убить. Какое-то время... — вяло возразил я.

— Она наверняка была алкоголичкой или наркоманкой, да?

— Нарко... в смысле? Как ты понял?

— Дурманы подавляют инстинкты любому существу, даже сверхчеловеку.

Из моих глаз хлынули слезы, и я не пытался их удержать. Моя девушка была наркоманкой-убийцей и вынашивала ребенка от наркомана-убийцы, и я собирался стать отцом существу, которое тоже было бы обречено стать убийцей. Это удар ниже пояса. Если бы мне сейчас

предложили таблетку, от которой можно просто лечь и умереть, я бы согласился. Но вместо нее мне пришлось принять тройную дозу успокоительного.

— В любом случае, это больше не имеет значения, — пробормотал я. — Рита тоже мертва.

— Жаль, — протянул Эдвард. — Я бы предпочел думать, что смерти на нашем пути это ее рук дело.

— Но причем тут маленькая Алиса? — подала голос Каролина.

— Скажу так: то, что ей всего лишь двенадцать, не означает, что ее нельзя резать.

— Я не могу больше слушать, у меня сейчас кровь из ушей польется! — завопил я и выбежал на дорогу. Меня с визгом объехала какая-то легковушка и быстро скрылась вдали, побоявшись связываться с ненормальным.

Каролина заботливо вывела меня обратно на обочину. Я не отдавал отчет своим действиям, да и действий никаких я совершать самостоятельно не мог. Разве что моргать.

— А что насчет Эмили Блэк? — выпытывал Ваню.

— Если ты о девочке, то она умерла больше ста лет назад, — непринужденно ответил Лидер. — Хотя в лаборатории ходят слухи о ее призраке. Сотрудники по-настоящему сходят с ума. Они утверждают, что видят мертвую девочку, которая убивает сотрудников станции один за другим. Но это всего лишь паранойя.

Я советую вам где-нибудь переночевать, чтобы потом без остановок двигаться в сторону Парадайз Вэллей. Буду ждать вас там. Чао.

С этими словами Эдвард подошел к краю дороги, где через считанные секунды его подобрал спортивный автомобиль.

— Мог ли Эдди ошибиться, — протянул МакКаунти. — Или кто-то недавно словил галлюцинацию в супермаркете? — он обращался к Ваню.

— Ах ты пес смердячий, — фыркнул тот. — Подслушивал личные разговоры!

Зайцев как ни в чем не бывало достал из внутреннего кармана своей куртки самокрутку и мерно закурил.

— Ты же сказал, что у тебя больше нет дури! — вскипел детектив.

— Вы в своем уме? — развел руками парень. — Поверили наркоману?

Рис был готов приложить Ваню на месте, но вовремя сдержался. В конце концов, сейчас это было не первостепенной задачей. Нужно было найти маленькую девочку и вызволить ее из лап сумасшедших ученых.

МакКаунти и Фридман уселись в фورد.

— Нужно взять его к себе, — кивнул детектив на меня, обращаясь к журналистке. — Он невменяем и вряд ли сможет управлять мотоциклом.

Та согласилась и помогла мне расположиться на заднем сидении.

— Может тогда поедем все вместе? — спросила она.

— Нет, Иван поедет отдельно. Не хватало торчков в моем автомобиле.

Друг расслабленно посмеялся и газанул на своем харлее.

— Не отставайте, детектив, — прокричал он и помчался вперед.

— Это был слишком долгий день, — устало вздохнул Рис и повернул ключ зажигания.

— Хорошо бы не последний, — неуместно пошутила Каролина.

— Хорошо бы, — согласился МакКаунти и поехал по следам Зайцева.

Старые тряпичные кресла. Маленькая дырочка на обшивке. Атлас дорог штата Эленойс. Замкнутое пространство. Окружающая меня обстановка постепенно приобретала четкие очертания. Я был в сознании, но не мог ясно мыслить и даже пошевелиться. Готов поспорить, что я уже несколько часов подряд смотрел в одну точку.

«Завтра воскресенье, — думал я. — Мама позвонит. Что ей сказать?» Я надеялся, что у меня получится убедительно соврать. Сказать, что у нас все хорошо и что очень люблю их с папой. Это вызвало бы подозрение — от меня редко добьешься подобных слов, — но я искренне хотел бы донести их до родителей. Никто не знал, увидимся ли мы снова.

— Где будем останавливаться? — голос Каролины доносился приглушенно, словно она говорила в пустую банку.

— В ближайшем мотеле, — предлагал МакКаунти. — Я про «нормальный» мотель, где поутру наша голова не будет лежать рядышком с телом.

— Я лучше останусь в машине, — призналась женщина. — Мало ли что. Хотя эксперимент деградирует, это не значит, что теперь вообще ничего не работает. Например...

Послышалось шуршание бумажных листов.

— Вот смотрите. Если я правильно рассчитала время, этой ночью должны были проходить испытание Иван со своим отцом. Правда, место, где оно должно было проходить, мы давно проехали. А в следующую локацию должны идти Никита и Брюс. Вдруг именно сейчас нас заставят участвовать?

— Мда, Никите не повезло, — протянул детектив и закашлялся. — Я имею в виду, что та вонючая куча на шоссе, вероятно, и есть Брюс. Парень остался без напарника и вряд ли сможет справиться с заданием в своем состоянии.

— Вообще-то кое-какие возможности у нас имеются, — заявила Фридман. — Как лидер, я имею право один раз отменить игроку испытание.

— Кто назначил тебя лидером? — с завистью бросил Рис.

— Тот, кто распределяет роли в Игре, — хмыкнула журналистка и помахала своим развернутым конвертом.

— А кто тогда я? — воскликнул МакКаунти. Он явно был не в курсе некоторых правил.

— Охранник, — пожала плечами Каролина.

— Доработаться до детектива, чтобы в итоге стать охранником, — обиделся Рис.

— Я бы сделала тебя лидером, если бы распределяла роли, — нежно произнесла Фридман и улыбнулась.

Она умела находить нужные слова.

— Ладно, — смягчился Рис. — Возвращаясь к нашей теме. Отмени испытание Никите, и дело с концом.

— Я бы уже это сделала, если бы не одно «но»... — протянула Каролина. — Я не уверена, но, кажется, я уже воспользовалась привелегией для себя.

— Когда успела?

— Помните мы разговаривали о девочке, которую я и Иван видели в супермаркете? Я испугалась, подумав, что для меня испытание уже началось. Согласно этой бумажке, я как раз должна была его проходить, но в другом месте, — сказала женщина и снова помахала конвертом. — Я испугалась и попросила отменить свое участие. Теперь не знаю, могу ли реализовать это право в пользу Никиты.

— Если правила вообще еще в силе, — хмуро дополнил МакКаунти.

— Можете оставить меня в мотеле, а сами спать в машине, — очень тихо вставил я.

— Наконец-то пришел в себя, — буркнул детектив.

— Что ты такое говоришь! — с укором произнесла Каролина. — Тебе еще сестру домой взять! Я знаю, что можно с этим сделать. Кто-то должен иметь возможность поменяться с другим игроком местами. Может, у тебя?

— Не знаю, я особо не вдавался в детали, — сухо ответил я. — Кажется, я банкир. Конверта с собой у меня нет, и толку от него мало. Он был пустым.

— Сейчас посмотрю. Кто-то посвятил этому игрищу целый сайт.

Журналистка ловко вытянула ноутбук из рюкзака, что покоился у нее в ногах, и застучала по клавишам.

В браузере высветилась уже знакомая веб-страница, на которой можно было получить информацию об эксперименте и пропавших без вести игроках. Каролина шелкала быстро, так как уже изучала этот сайт.

— Нам нужен персонаж «Первая помощь», — разочарованно прочитала она.

— Это не Ваню, — безразлично вымолвил я.

Радиопередатчик зашипел, и из динамика полились звуки неудачного пения.

— Ему неплохо без нас, — с насмешкой отметил МакКаунти.

— Иван! — оборвала Фридман популярную песню о несчастной любви. — Ты меня слышишь?

— Вы кричите так, что я услышал бы вас и без рации, — раздался в динамике механически искривленный голос.

— Извини, — с досадой вымолвила женщина и стала говорить тише. — Какая у тебя роль в игре?

— Секрет, — ответил друг.

— Ты не хочешь говорить?

— Роль у меня такая — секрет.

— И что подразумевал Эдвард? Какой секрет может быть у безмозглого торчка? — возмущился детектив.

— Я лучше, чем полицейский-неудачник, — гаркнул Зайцев.

Между парой разгорелась перепалка. Через слово слушая отборную брань, журналистка упорно крутила колесико компьютерной мыши. Вдруг ее взгляд зацепился за раздел, который она раньше не замечала. Он располагался рядом с баннером «Пропавшие без вести», и даже назывался так же, но вел к какой-то другой базе данных. Информация в разделе не имела отношения к Игре, тем не менее она находилась на сайте со скромной припиской в шапке страницы: «другие пропавшие в этот период времени». Здесь было опубликовано множество фотографий людей из разных стран, взятых из полицейской розыскной базы. Практически под всеми снимками не было подписей: ни года пропажи, ни имен, ни возрастов. И в этом массиве Каролина случайно наткнулась на человека, которого знала лично. Журналистка открыла рот, но от волнения не смогла подобрать слов. Она лишь махала руками, мешая Рису следить за дорогой.

— Это же... это же...

Ваню ехал на мотоцикле, придерживаясь скорости форда МакКаунти. Ему было жалко оставлять второй харлей посреди трассы, но у этого были свои плюсы. Пока с Никитой пропала связь, Зайцев мог обдумать ответы на те глупые вопросы, что скоро польются на него от друга.

Парень напевал ненавязчивую песенку, но она была лишь прикрытием внутреннего волнения.

«Слишком много смертей, — думал Зайцев. — Что-то не сходится. По условию задачи даны несколько убийц: Эмили, Рита и Виталик.

Эмили на самом деле не существует, но если предположить, что кто-то взял на себя эту роль, то он убивает исключительно сотрудников лаборатории и себе подобных.

Рита давно мертва.

Допустим, отца прикончил Виталик, а Виталика — псевдо-Эмили. Но есть еще один труп, о котором нам известно. По словам Эдварда, это был обычный участник. Следовательно, его убила не псевдо-Эмили. Тогда кто?»

Напрашивался очевидный ответ на этот вопрос: на свободе гуляет *еще один сверхчеловек*. «Можно предположить, что он далеко впереди нас, раз мы натыкаемся на его следы. Другой

вариант менее желателен: он *оставляет* эти следы для нас, скорее даже *именно для меня*. Заигрывает, демонстрирует свою силу. Придется защищаться».

Мотоцикл наткнулся на выбоину на дороге, и его тряхануло. Мысль тут же перебилась парой нецензурных слов и на время улетела из головы, сменившись на другую, не менее важную.

«Почему Эдвард не говорит напрямую о своих догадках? Конечно, он знает, кто я такой. Наверное, он считает, что мы играем с закрытыми картами, а все козыри у него. Мирослава описывала его как самовлюбленного умника, но я и не подозревал, что все настолько запущено. Он ставит себя выше сверхчеловека. Это его ошибка, и лучше бы ему не путаться под ногами, иначе я без колебаний разорву его на мелкие кусочки. Хотя, возможно, именно это и является причиной, почему он не выдает меня. Однозначно боится, что я занервничаю. Пожалуй, можно расслабиться на пару минуток и позлорадствовать».

Голос Каролины разрезал внутри шлема Ванин мысленный вакуум. Тот с раздражением вспомнил, что они с детективом нашли нужную радиоволну и не спешили сообщить об этом. Сколько они успели подслушать? Журналистка спросила о роли Зайцева в Игре, и он сухо ответил: «Секрет».

«Они задают столько вопросов, но все еще ни в чем меня не подозревают. Меня и так выделили из всей команды, сделав персонажем «секрет». Подставили меня. Но моя компания оказалась невнимательной. Надеюсь, они не раскроют меня до того, как мы попадем в лабораторию. Иначе мне придется их убить».

— Это же... — снова раздался в динамиках визгливый голос Каролины.

— Ваню, какого черта? — проорал я. — Тебя похищали?

— Разве что инопланетяне, — усмехнулся друг.

— Послушай, мы тебя ни в чем не обвиняем, — начала женщина.

— Нет, вообще-то обвиняем! — воскликнул Рис, перебивая спутницу. — Я давно заподозрил, что ты имеешь отношение к происходящему. Но тебя не за что схватить. Все сводится к тому, что ты долбаный торчок!

— Помолчите немного, детектив! — жестко отрезала Фридман.

Рис ошарашенно уставился на журналистку. Он не ожидал подобного отношения к своей персоне, особенно от безобидной Каролины.

— Бывший детектив, — подтрунивал Ваню, что чуть не спровоцировало у мужчины яростный припадок.

— Мы действительно не обвиняем тебя, Иван, — продолжала Каролина. — Я хочу поговорить с тобой не об эксперименте, а о тебе. У нас появилась информация, что несколько лет назад ты был похищен. Это правда?

Зайцев замолчал. Он-то знал правду, но не хотел делиться ею. Ведь две тысячи десятый год был переломным не только для него, но и для всей его семьи.

Тогда летом он ушел из дома на несколько дней, чтобы пожить у друзей и повеселиться. Это было нормально для семнадцатилетнего подростка. Но до друзей тогда доехать не удалось...

— Где я? — повторял в потолок Ваня.

— Речевой аппарат не нарушен, — говорил кто-то.

— Где я?

Все части тела, включая голову, были зафиксированы, и приходилось смотреть прямо перед собой в пустое и ярко освещенное пространство.

— *Наша гипотеза подтвердилась. Девяносто процентов подопытных подросткового возраста успешно перенесли операцию. Особо опасных экземпляров не выявлено.*

— Где я? — кричал Зайцев. — Мама! Я в больнице? Что произошло?

— *Объект номер шесть подает признаки волнения. Вколите ему успокоительное.*

— Не трогайте меня! Где я?

Мальчик слышал, как наполняется ипприц. Этот звук был таким же громким, как и жужжание ламп, шаги людей по кафелю, мерное урчание кондиционера... Казалось, Ваня слышал все — даже то, как прилипает пыль к работающему компьютеру и как она танцует в потоках воздуха.

Кто-то постучал по ипприцу и приготовился колоть Зайцеву вену.

— Я сказал: не трогайте меня!!!

Мальчик рванул с такой силой, что не выдержали сковывающие его кожаные ремни. Он освободился и побежал в неизвестном направлении, постоянно натываясь на стены маленького помещения из-за слепящего с непривычки света.

— Зовите охрану! Объект номер шесть нужно поместить в красную зону...

Вано опомнился.

— Не знаю, откуда у вас эта информация, — отрешенно пробормотал он. — Я мог надолго уйти из дома, но меня никогда не похищали. Кому я сдался?

— Никто и не настаивал, что это правда, — сказала Фридман, уже не по рации.

Я проглотил дозу лекарства, обнаружив, что в баночке осталась всего пара таблеток.

— Ты слишком опекаешь Ивана, — с претензией высказался МакКаунти. — Жалеешь его. Он этого не заслужил.

— Я понимаю, почему он тебе не нравится, Рис, — возразила журналистка. — Но то, что он употребляет наркотики, еще не делает его плохим человеком. Я уверена, что у него есть веская причина для этого.

Я нервно хихикнул. Как бы я ни возился с Зайцевым, сколько бы раз ни называл его своим другом, согласиться с Каролиной не мог. Было трудно признать, что он хороший человек, особенно после всего, через что нам обоим пришлось пройти.

— У меня чутье, — добавила женщина.

— Ладно. Я принимаю решение остановиться здесь, — твердо произнес Рис и свернул на узкую парковку какого-то мотеля. — Эдвард должен был позаботиться, чтобы нам не грозила опасность.

— Как скажете, сэр, — бросил я и вылез из машины.

Немного подумав, я подошел к Каролине и тихо произнес:

— Скажите, на всякий случай, что-нибудь, что могло бы мне помочь.

— Конечно, — растерянно вымолвила женщина и пробежалась по заметкам, сделанным прямо на ее конверте. — У тебя есть право на убийство любого человека.

Я кивнул и направился ко входу. Фридман крикнула мне вдогонку:

— Не волнуйся. Все будет хорошо!

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись отчета №100.

«Окончена работа с тринадцатой партией подопытных. Из них выявлено два сверхчеловека, опасных экземпляров не обнаружено. В ходе послеоперационного восстановления кандидатов на положительный результат было трое, но по итогам один из них скончался. Предположительно, его сердце не выдержало увеличенной нагрузки.

Внеочередной эксперимент по усовершенствованию Алисы перенесен на неопределенный срок из-за отсутствия на станции подходящих донорских органов.»

Примечание: Если бы меня предупредили о том, что здесь происходит, я бы никогда не подписала договор. Я проработала после института всего пять лет в малоизвестной лаборатории, где проводила исследования реакции крыс на новоизобретенные медикаменты. Тем не менее, в мой кабинет зашел богатый человек и предложил работу, о которой я и не мечтала. Сказал, что во мне есть огромный потенциал. И теперь я здесь, и уйти отсюда не могу. Нас,

новеньких, тут целая группа, и все поголовно захотели домой, когда узнали, что произошло с их предшественниками.

Взять хотя бы доктора Элизабет Оунер, которая занималась подготовкой Алисы к эксперименту. На самом деле, операцию отменили из-за смерти доктора. Умереть так, как она, я бы не пожелала никому.

Охранник, который относил директору запись с камеры наблюдения, рассказал, где и как произошла трагедия. Он говорил быстро и заикался от волнения — это было для него нехарактерно; когда-то он работал в психиатрической больнице и видел многое. Элизабет обедала за своим рабочим столом. Последние две недели она редко выходила за пределы кабинета из-за проделок Эмили Блэк. Внезапно на камерах появилось затемнение, какое свойственно только старым пленочным аппаратам, — цифровое изображение не могло быть подвергнуто таким искажениям. Это затемнение густой дымкой аккуратно обволакивало фигуру доктора, которая ничего не замечала и продолжала сосредоточенно есть. Вилка за вилкой отправлялась в рот все быстрее, пока движения Элизабет не стали дерганными и неестественными. Женщина, как одержимая, схватилась за горло и второй рукой продолжала запихивать себе в глотку еду. Ей словно было этого мало. Кусочки обеда вылетали изо рта, но доктор подбирала их с пола и снова пыталась проглотить. Так продолжалось около пять минут, и затем она резко замерла. Ладони Элизабет медленно скользнули вниз по шее к животу. Она опять взяла вилку, и молниеносными движениями проткнула себе брюшную стенку. Хлынула кровь, но ее это не беспокоило: она продолжала методично разрывать кожу, пока внутренности не показались наружу. Затем доктор сгребла остатки своего обеда и принялась начинять себя ими, как фаршированную индюшку...

Женщина все время повторяла: «Тебе до меня не добраться». Ее так и нашли, обедающей на своем рабочем месте в луже собственной крови.

Нет, это место не для меня. Лучше я буду работать в глуши за копейки, чем здесь. Я даже толком жить еще не начала: я ни разу не прыгала с парашютом, никогда не посещала другие страны, я вообще ничего не видела, кроме родного города и кучи учебников по медицине. Я уж точно не собираюсь умирать сейчас.

Теперь уже доктор Аннетта Бернар.
Конец записи».

КОМНАТА АЛИСЫ

Алиса сидела в углу белой комнаты, обняв колени, словно пыталась согреться. Но дрожала она вовсе не от холода, а от страха перед неизвестностью. Где я? Почему я здесь? Что от меня хотят? — все эти вопросы сводили девочку с ума.

Было очень тихо. За дверью не было слышно ни шагов, ни голосов. Лампы не гудели, бумаги не шуршали, и ничто не выдавало течения времени.

«Наверное, я сплю», — рассуждала Алиса. Чтобы окончательно не потерять рассудок, она каждые две секунды произносила «кап», имитируя звук падающих капель из подтекающего крана.

«Кап».

Доктор Элизабет обещала, что придет сегодня, но этого не произошло.

«Кап».

Алисе сложно было определить, на чьей стороне эта странная женщина, которая постоянно говорила о чем-то несуществующем.

«Кап».

Хотела ли Алиса стать супергероем? Едва ли. Папа-прагматик уже давно рассказал ей, что сказки о Деде Морозе, Зубной фее и всех супергероях — всего лишь выдумка. Он часто

приводил в пример людей, которые добились больших успехов как в работе, так и над собой, кровью и потом. «Они не обладали суперспособностями, — твердил он. — Они достигли всего без помощи подарков природы».

«Кап».

Папа. Мама. Они учили не слушаться чужих людей, ничего у них не брать и уж тем более не есть то, что они предлагают. Поэтому Алиса сидела в углу с пересохшими от обезвоживания губами и скрученным от голода желудком.

«Кап». Она не успела и рта открыть, чтобы произнести свое заветное слово — это сделал кто-то другой. Дверь в комнату отворилась, и в нее вошла девочка.

Силуэт неожиданной гостьи был грациозный, как у куклы. Когда девочка ходила, создавалось впечатление, будто она парила в воздухе.

— Меня зовут Иветт, — произнесла она. — Я пришла поиграть с тобой.

— Тебя тоже похитили? — неуверенно спросила Алиса.

Иветт медлила с ответом. Она внимательно осматривала заложницу, стараясь не упустить ни одной детали. Когда она увидела синяк на лодыжке, то невольно улыбнулась, ведь это именно она оставила его при самой первой встрече в душевой старого мотеля.

— Да, — протянула Иветт. — О моем исчезновении некому беспокоиться. Меня забрали из приюта.

— Здесь есть кто-нибудь еще?

— Много кого. Но таких, как мы с тобой, больше нет.

— А что в нас особенного?

— Мы — две маленькие девочки, которые могут творить великие дела.

— Но я ничего не умею, — поникла Алиса. — Во мне нет ничего особенного.

— Тебя собираются... усовершенствовать. Сначала ты уснешь, а когда откроешь глаза, то будешь совершенна. Ты сможешь делать так...

Иветт подпрыгнула на месте и кончиками пальцев дотянулась до потолка.

— И так...

Теперь девочка стукнула стену своим хрупким кулачком, и на ней образовалась внушительная вмятина.

— Но сила — это не главное в таких маленьких девочках, как мы с тобой. Главное находится здесь, — Иветт указала на свою голову. — Ты станешь настолько умной, что сможешь управлять целой планетой.

— Это поможет мне вернуться домой?

— Ты сможешь делать все, что захочешь, и даже вернуться домой.

— Тогда меня нужно как можно быстрее усовершенствовать!

Иветт грустно улыбнулась, и восторг Алисы мгновенно угас.

— Что-то не так?

— Мне одиноко. И мне некуда отсюда уйти.

— Тогда ты пойдешь вместе со мной, — твердо заявила Алиса. — Я покажу тебе свой дом. Будешь жить вместе со мной.

Девочки обнялись. В таком положении Алиса не могла видеть, как рот Иветт искривился в злобной ухмылке...

ЗАЛ СОВЕЩАНИЙ

— В нашей системе завелась крыса, — констатировал директор на совещании. — Это может нанести серьезный удар по эксперименту.

— Организационная модель выстраивалась лучшими управленцами со всего мира и безукоризненно проработала целых тринадцать лет. Кто допустил дыры в отлаженном процессе? — потребовал ответа руководитель финансового отдела. — Вопрос очень важен, ибо именно

моему отделу по большей степени придется все восстанавливать и откупаться от журналистов и от самого правительства!

— Да вы что? — отозвался руководитель по внутренним разработкам. — Вы откупитесь, чтобы спасти свою шкуру. А дальше? Наши технологии для первого этапа потерпели крах после того, как участники получили полную свободу действий и стали игнорировать испытания. Кто *их*будет восстанавливать?

— Технологии как были, так и есть, — парировал руководитель отдела психологической подготовки персонала и участников проекта. — А внушение ужаса и безысходности полностью лежит на наших плечах. Если к испытаниям станут относиться как к обычным аттракционам, мы лишимся материала, и эксперименту придет конец.

— Помолчите, — гаркнул директор и сурово осмотрел зал.

Каждый здесь сидящий не вполне осознавал, что произошло, зато отлично понимал, к чему оно ведет: к провалу многолетней усердной работы.

— Как вы могли заметить, среди нас присутствуют не все. Эдварда и Джулию я не пригласил.

Кто-то громко хмыкнул.

— Когда-то мы с вами решили, что они идут в ногу с нашими идеями и моральями. Мы считали их равными нам, заслуживающими звания богов нового поколения. Но, увы, не оценив нашей щедрости и лояльности, Эдвард и Джулия предали компанию, став причиной разрыва системы.

Все руководители недовольно переглянулись.

Это были люди высокой закалки. Их кожу покрывали жуткие шрамы, тела изуродовали увечья в виде отсутствующих пальцев, ушей и глаз, или конечности целиком. Для каждого из них это была скромная плата за их нынешнее положение и доходы. Весь руководительский состав принимал участие на самых первых испытаниях, когда проект еще был крошечным зародышем с огромным потенциалом. Они рискнули — и вышли победителями в новую жизнь, где их ожидало нечто большее, чем простое уважение и карьера. Они приобрели статус богов. Это стоило им жизней товарищей, семей, детей и утраченного бытового счастья. Эти люди стали частью эксперимента, и они ни за что не смогли бы пойти против него. Но Эдвард и Джулия смогли.

— Я собрал вас по одной простой причине, — громогласно заявил директор. — Я не знаю, как решить эту проблему.

— Необходимо устранить предателей, — раздался голос в зале.

— Это само собой разумеющееся. Но механизм разрушения уже запущен, и его не остановить подобным образом.

— Нужно откатиться к предыдущему году, когда все еще было в порядке. Исправить все допущенные ошибки. Текущих участников отправить в утиль.

— Не забывайте, что с нами играет Эдвард. У него превосходный интеллект. Более того, он лично участвовал во многих разработках и, следовательно, знает их слабые места, в отличие от нас.

— Значит, нужен кто-то умнее, чем он. Хитрее. Быстрее.

— И кто рискнет выступить против Лидера?

В зале воцарилась тишина. В течение десяти минут в помещении не раздавалось ни звука, пока женщина с бионическим протезом руки не подала голос. Ее томный взгляд не выдавал волны возбуждения, бушующей у нее внутри, а безобразный шрам поперек лица, разорвавший губы, скрывал зловещую улыбку.

— Мы попросим сверхчеловека нам помочь.

Коллеги подняли гул, осуждая женщину за подобные мысли. Выпускать заключенных из красной зоны без социальной адаптации было недопустимо, потому что на данный момент они представляли неоценимую угрозу обществу.

— Невозможно, — воскликнул один. — Мы еще не достигли конечных результатов, и нынешний сверхчеловек не отдает отчет своим действиям и не слушается нас.

— Мы не успеем изложить суть проблемы, как он разорвет нас на кусочки, — согласился второй.

— Тише, тише! — жестом приказал директор. — Меня также посещала мысль задействовать сверхчеловека, но я ждал, пока кто-нибудь из вас предложит это самостоятельно. Теперь, когда вы не можете прийти к единому мнению, я приму чью-либо сторону, и это станет решением стола директоров.

— Не совершите ошибку, — предупредил его коллега.

— Я никогда не совершаю ошибок, — очень низко прошипел директор. — Никогда.

ДАНТЕ

Он уже знал, что за ним идут. Он ждал этого десять лет. Еще мальчишкой его заперли в этой помойке, а теперь его выпустят на законных основаниях.

Данте засмеялся, показывая сломанной камере наблюдения свои очаровательные ямочки на щеках. Его длинные волосы переливались волнами при каждом движении, и создавалось впечатление, что они были частью тела — такие же управляемые, как и другие конечности. Данте был болезненно бледным блондином, как вампир, не видевший солнца. Он являлся первым созданным сверхчеловеком и единственным, кто ни разу не покидал пределы лаборатории.

Комнаты в красной зоне были под строгой защитой: за двумя проходами с ДНК-ключом, двумя стальными банковскими ставнями и двумя дверями со специальными ключ-картами с высоким уровнем доступа. Коридор перед красной зоной охранялся отрядом из спецподготовки — «неопасными» сверхлюдьми. Руководство знало, что они не остановят настоящих сверхлюдей. Зато они успеют предупредить о побеге — этого было достаточно.

Но руководство не знало, что из комнат были и другие выходы. Им бы хотелось знать, как, впрочем, и обо всем, что происходило внутри, но заключенные не давали такой возможности. Все видеокамеры выводились из строя жителями красной зоны сразу же после установки.

Данте любил слушать вечерами о том, как его соседи покидали свои комнаты и издевались над сотрудниками станции. Они устанавливали в слепой зоне небольшое сооружение, напоминающее выхлопную трубу автомобиля, и пускали черный дым — настолько плотный, что могли свободно перемещаться в его пределах, оставаясь незамеченными для камер наблюдения. Убивать лаборантов стало местным развлечением, и каждый следующий случай непременно должен был быть эффектнее предыдущего, иначе им было стыдно хвастаться перед сородичами. Работники, пораженные происходящим, переставали воспринимать это как реальность и сочиняли мистические истории про Эмили Блэк.

— Они настолько боятся призрака, что сходят с ума, — смеялся Амрит, индийский представитель высшей человеческой расы. — Некоторым стоит лишь пустить дым, так они кончают с собой. И, хочу я тебе сказать, делают это зрелищнее, чем если бы мы сами с ними расправились.

Амрит был огромным говорливым индусом, постоянно жующим жгучие закуски даже во время разговора. Он был добродушным, и это свойство делало его единственным, кто поддерживал контакт с Данте. Амрит делился с ним новостями из внешнего мира и даже подбивал парня ходить наружу вместе с ним, но тот не хотел, потому что был слишком привязан к этому месту.

— Зачем вы возвращаетесь, если вам так нравится на воле? — спрашивал Данте.

— Мы совершенные создания, и нам подвластны многие вещи. Порой сама природа уступает нам, разрешая нарушать свои законы, — отвечал индус. — Но в этом мало смысла. Компания уготовила для нас цель, что придает значимости нашему существованию. Лучше ее достигнуть, чтобы полноценно жить дальше.

Данте одобрительно кивал, хотя философские темы были ему по большей части непонятны. Ему претила сама мысль о том, что венец человеческого творения должен испытывать экзистенциальный кризис. В его голове постоянно роились мысли в хаотичном порядке. Стоило только зацепиться за одну идею, и она тут же воплощалась в жизнь. Из-за разнородности этих идей Данте порой вел себя как сумасшедший. «Бракованный», так он шутивно называл себя. Но больше никто не осмеливался выдумывать для него обидных эпитетов. Потому что знали, на что он был способен. Возможно, у Данте и не было смысла жизни, но, отчасти, благодаря этому, он был гораздо сильнее остальных.

— Почему ты не выходишь вместе с нами?

— Здесь мой дом. Я должен находиться рядом с отцом.

Наконец, он пришел. Директор вошел один, демонстрируя уверенность. Он знал, что Данте не причинит ему вреда. Во всяком случае, сначала выслушает просьбу, с которой к нему пришли. Хотя бы из любопытства.

Комната Данте была самой большой и хорошо обустроенной. Стеллажи с книгами тянулись вдоль двух противоположных стен, по середине располагались большая круглая кровать и рабочий стол. В отличие от этого, кухонный гарнитур был расставлен небрежно в самом углу: невзрачный холодильник, крошечный столик и простая табуретка. Данте считал, что еда значительна лишь для поддержания жизнедеятельности, во всем остальном она отнимает время, и не стоит уделять ей столько внимания, как делают это «обычные люди». Телевизора в комнате не было вовсе: Данте получал информацию из ежедневных газет и от других сверхлюдей.

Сейчас, когда вошел директор, Данте лежал на кровати, раскинув в разные стороны руки и ноги, и пялился в потолок.

— Что ты делаешь? — спросил мужчина просто потому, что нужно было с чего-то начинать диалог.

— Играю в человека да Винчи, — ответил парень и засмеялся во весь голос. Затем он резко вскочил и взглянул на гостя. — Что тебе надо?

— Зачем ты убил нового сверхчеловека? — бесцеремонно гаркнул директор. На самом деле его это не особо интересовало, но он должен был показать свое негодование, чтобы попытаться предотвратить подобные инциденты в дальнейшем.

— Он бы не влился в коллектив, — гримасничал Данте. — И вообще, в следующий раз сделайте партию женских особей. В мужской компании становится скучно.

— Как будто женщины тебя волнуют, — пробубнил директор.

Наступила пауза, он медлил. Мужчина взял табуретку и сел возле Данте, скрестив пальцы.

— Против меня пошел один умный человек. Он успел разрушить достаточно моих планов, чтобы я сумел его переиграть. Мне нужна твоя помощь в его устранении.

— Кто он? — с детской непосредственностью произнес Данте.

— Его зовут Эдвард Лидер.

— О, Эдди. Мне о нем известно.

Директор удивился, но лишних вопросов задавать не стал.

— Возможно, он умнее обычных людей, — рассуждал Данте, расхаживая по комнате кругами и театрально потирая подбородок. — Но любой из наших легко сможет с ним справиться. Почему ты просишь именно меня?

— Не стану скрывать. Я боюсь, что другие прикончат меня, не выслушав и слова.

— Вот как, — отрезал парень.

Когда он становился серьезным, его бледная фигура практически растворялась в электрическом свете. Он будто сливался с окружающей обстановкой, как хамелеон. Зато когда Данте веселился, потакая своим задорным мыслям, он четко выделялся в пространстве, привлекая к себе внимание.

— С чего ты взял, что яне убью тебя?

Директор встал и рассеянно поправил галстук, что выдало его нервозность. Он быстро вернул себе напущенное спокойствие и посмотрел Данте прямо в глаза.

— Только не говори, что ты так считаешь из-за моей привязанности к тебе, — фыркнул парень и снова залился нездоровым смехом.

— Я сделал тебя таким, какой ты есть, — тихо проговорил мужчина.

— Каким «таким»? Бракованным?

— Самым сильным и самым умным.

— Брось, когда ты положил меня на операцию, ты даже не надеялся, что я выживу. Мне же было всего десять лет!

— Но ты выжил! — повысил тон директор. — И доказал мне, чего ты достоин!

— Лично тебе я хотел доказать, чего я *недостоин*, папа, — злым шепотом произнес Данте. — Я *недостоин* такого родителя, как ты!

Внезапно полки у одной стены обрушились от единственного взмаха его руки. Директор приготовился нажать на кнопку вызова подкрепления, которую всегда предусмотрительно носил с собой в кармане брюк.

Но гнев Данте резко сменился на милость.

— Ладно! — весело воскликнул тот и запрыгал вокруг кровати. — Мне не нравится Эдди, и я готов за ним прибраться. Но тебе придется выполнить и мои требования.

— Что пожелаешь, — выдохнул директор. От напряжения на его лбу образовалась испарина.

Пара покинула пределы красной зоны. Директор заранее приказал всем сотрудникам запереться у себя в кабинетах, чтобы не провоцировать сверхчеловека на опасные маневры, поэтому сейчас в коридорах было пустынно. Данте прыгал вокруг своего отца, словно ему до сих пор было десять, и вдохновенно перечислял свои требования.

— Итак, сначала мне нужны мороженое и самокат...

Глава 9

— Мама? Папа?

Ваня барабанил в дверь, и та, наконец, отворилась. Мальчик обессилено упал на колени прямо на пороге.

— Господи, сыночек! — воскликнула мама и бросилась навстречу своему ребенку. Но отец остановил ее, призывая держаться подальше.

— Ты что, употребляешь наркотики? — низким басом спросил он.

— Нет, — едва ворочая языком, прогнусавил Зайцев. Он весь трясся, и было видно, как его скручивало от боли. — Я не знаю, что со мной, мам... мне очень плохо. Прошу помощи, я не могу больше этого терпеть!

Мальчик обхватил руками свои ребра и начал орать, словно они ломались одно за другим.

Мама плакала и пыталась пройти к сыну, но отец по-прежнему сдерживал ее.

— На что-то тяжелое подсел, — цедил сквозь зубы он. — Иди туда, где ты пропадал все это время!

Он слегка подтолкнул Ваню ногой, чтобы тот выкатился за лестничную площадку, и закрыл дверь на замок. Сын продолжал кричать:

— Мама, я прошу тебя! Я правда не наркоман! Меня похитили и делали со мной ужасные вещи... мне некуда идти! Мама, открой!

Мальчик почувствовал прилив сил и тут же воспользовался этим. Он поднялся на ноги и принялся дергать дверную ручку. После нескольких легких движений дверь сорвалась с петель. На Ваню ошарашенно таращились родители. Они его боялись. Отец держал в руках телефон — наверняка вызывал полицию.

«Правильно, что боятся», — подумал Зайцев.

Все естество мальчика жаждало разорвать на кусочки тех, кто повстречается на его пути. Он снова начал различать крошечные пылинки, слышать, как дышат прильнувшие к дверным глазкам соседи, физически ощущать пространство вокруг себя.

Ваня издал оглушительный вой и убежал прочь, чтобы забиться куда-нибудь подальше от внешнего мира. Он еще долго слышал плач своей мамы...

Вано проснулся. Его голова была ватной, а в горле пересохло. Он сел в кровати и посмотрел в окно. Была глубокая ночь, но парень понимал, что больше не уснет. Он поднялся с кровати и поплелся в общий холл мотеля с полузакрытыми глазами — кажется, там он видел кулер с прохладной водой.

Зайцев шел очень медленно, стараясь не скрипеть старым паркетом и не разбудить остальных. Отсутствие света еще сильнее дезориентировало парня. Он пару раз приложился лбом об угол стены, посчитав, что здесь должен быть проход. Добравшись все-таки до холла, Вано обнаружил, что кулера нет, и направился на улицу к холодильникам рядом с парковкой.

Свежий воздух немного привел Ваню в чувство. Он глубоко вдохнул, наслаждаясь приятным запахом влажной земли и бензина, и опустил несколько монет в автомат. Из него вывалилась полулитровая бутылка воды, и парень мгновенно опустошил ее. Ему хотелось еще, но мелочь закончилась. Грустно посмотрев на другую бутылку в холодильнике, он ударил кулаком по стеклу.

— Прочненькое, — пробормотал Зайцев, счищая с руки осколки. На коже не осталось ни единого пореза.

Выпив вторую полулитровку, Вано усмирил свою жажду. Пару минут он стоял у разбитого холодильника, чувствуя, как улетучивается из его организма психотропный яд. Это было

волшебное ощущение, но, к несчастью, оно означало, что настало время курить новую самокрутку.

Парень вынул из внутреннего кармана косухи пакетик с травой и папиросную бумагу. Сворачивать навесу было неудобно, но это был не достаточный повод возвращаться в душный мотель. Когда самокрутка была готова, он прикурил от зажигалки и вдруг краем глаза заметил движение за мусорными баками. Вынув папиросу изо рта, он сделал шаг вперед. Кто-то в темноте понял, что его обнаружили, и замер так, что его больше не было ни слышно, ни видно. Ваня прошел еще несколько шагов, рассчитывая выяснить, кто это. Незнакомец, пытаясь ретироваться, ползком двинулся в противоположную сторону и наткнулся на жестяную банку. Зайцев молниеносно обернулся и схватил его за шею.

На небе рассеялась плотная завеса туч, высвобождая лунный свет. Ваню смог разглядеть лицо пойманного человека, и от неожиданности он дернулся и отступил назад.

— Рита? — с искренним изумлением прохрипел он.

— Рита, — раздраженно отозвалась та. — Что вылупился, как будто впервые меня видишь? Вы же заметили меня еще в супермаркете.

— Так это была ты?

— Ну прости, что разочаровала.

Девушка выпрямилась и отряхнулась. Она выглядела изрядно худой и агрессивной, как голодная бездомная собачка, и это было все, что отличало ее от Риты, похороненной под бетонным основанием магазина в Москве.

— Какого черта ты здесь делаешь? — озадаченно произнес парень.

— Под землей мне не понравилось, — саркастично выдала та и после некоторой паузы добавила, гораздо тише: — Решила вернуться с того света, раз моя девочка находится в опасности.

— Рита, какая девочка? Мы тебя убили, понимаешь? Ты не дышала, и мы закатали тебя в асфальт, чтобы никому не причинять неудобств.

Ваню схватил девушку за локоть и подтянул к себе, тогда он смог получше ее разглядеть. Впалые щеки, темные круги под глазами, тонкая нездоровая кожа — такой ее не делал даже героин. Много болезней можно было бы придумать с подобными симптомами, но лишь одно выдавало верное предположение — взгляд. Бешеный взгляд сумасшедшей.

— Мой ребенок у них, — едва слышно прошептала Рита. Она смотрела на Зайцева так, будто он не понимал чего-то элементарного.

— Ты потеряла ребенка, Рит, — тихо сказал парень.

— Конечно, я ее потеряла. Точнее, *вы* потеряли, мою милую Лисочку. Я никогда вам этого не прощу. И, в отличие от вас, я собираюсь ее вернуть!

Ваню оцепенел.

— Ты спятила. Алиса не твоя дочь.

Девушка вырвалась из рук Зайцева и сделала несколько резких выпадов вперед. Ей удалось зацепить парня длинными ногтями и расцарапать щеку. В ответ Ваню вlepил ей оплеуху, и Рита упала на землю.

— Я не хочу с вами ссориться, — грозно шипела она. — Вы мне неинтересны. Мне нужна моя дочь, и я иду ее спасать. Не вставляйте у меня на пути и останетесь целы.

С этими словами девушка поднялась, села в пикап и скрылась в направлении Парадайс Вэллей.

Парень стоял на месте, все еще ошарашенный неожиданной встречей.

«Она рехнулась, — рассуждал он. — Но хочет спасти Алису, как и мы. Можно ли считать ее союзником?»

Одно было ясно: с травкой придется завязать. Если по улицам расхаживают сверхлюди, Ване придется быть во всеоружии. Он сделал несколько последних затяжек — этого должно было хватить до прибытия в пункт назначения.

Светало. Солнце выглядывало из-за горизонта, распространяя по улицам теплую оранжевую дымку. Зайцев решил, что пора возвращаться в мотель и будить остальных. Он обернулся к зданию, которое теперь осветилось утренними лучами, и окончательно обомлел.

— Это еще что за фигня?!

Каролина проснулась от того, что ее окатило из ведра ледяной водой. Точнее, так ей приснилось: на самом деле ей на лоб с потолка упало всего несколько капель. Женщина вскочила с кровати и отпрыгнула в противоположный угол комнаты. Без очков и с спросонья она видела перед собой только размытые пятна грязных оттенков, поэтому она не заметила препятствия на пути, споткнулась и упала. К счастью для журналистки, под ней оказалось что-то мягкое, и она ничем не ушиблась.

«Мягкое» заворчало, и Фридман в испуге бросилась бежать. Она ощупала стену перед собой и обнаружила какой-то рычаг. С воплями о помощи она распахнула дверь и выбежала сквозь нее, но снова наткнулась на препятствие: на этот раз хорошенько приложившись носом о нечто твердое и вертикальное, что наглухо загородило ей дорогу.

Рис встревожено открыл глаза, когда на него что-то опрокинулось. Он инстинктивно попытался смахнуть это с себя, но не успел: оно само вскочило и скрылось в неизвестном направлении. Детектив сел в постели и огляделся. Первое, что показалось ему странным, — это Каролина, истерично бьющаяся в ветхом шкафу. Видимо, именно она потревожила его сон. «Наверное, я просто позабыл, каково это — жить с женщиной», — подумал он, оставшись довольным собственной шуткой.

Окончательно пробудившись, МакКаунти заметил, что комната сильно изменилась, и только потом вспомнил, что они вообще ночевали порознь.

— Каролина, — позвал детектив. — Успокойся!

Услышав знакомый голос, Фридман действительно успокоилась и, потеряв глаза, тоже принялась осматриваться. Мужская рука услужливо протянула ей очки.

— Ничего не понимаю, — запинаясь, произнесла журналистка. — Как мы оказались в одной комнате?

— Поставлю вопрос шире: как мы вообще оказались в другой комнате? И что с твоим лицом?

Каролина подбежала к своей кровати и вынула из рюкзака маленькое зеркальце. Она увидела, как на ее коже подсыхало несколько тонких красных струек, оставшиеся от капелек, что разбудили ее десять минут назад.

— Ты ранена? — взволнованно произнес Рис.

Женщина внимательно оглядела свою постель. На одеяле зияло большое бордовое пятно, и такое же расплывалось по подушке и простыне, прямо под тем местом, откуда капало. Фридман указала на потолок.

— Что-то подтекает, — нервно сказала она.

— Похоже на кровь, — угрюмо констатировал детектив. — Скорее всего, нас запугивают.

— Мне бы хватило и того, что нас сюда каким-то образом перенесли.

— Нужно найти остальных.

Журналистка кивнула и направилась к выходу из комнаты, на этот раз к настоящему. Она открыла дверь и выглянула в коридор.

— Не хочешь, чтобы я пошел первым? — предложил Рис.

— Мне, конечно, страшно, но не настолько, чтобы перебить мое любопытство, — отозвалась Каролина и зашагала по коридору, стуча во все номера подряд. Она хотела сказать что-

то еще, но ее прервал голос Зайцева. Парень метался по холлу, бормоча себе под нос что-то неразборчивое.

— Я же видел там кулер, а здесь его нет, как так? Как так?

— Иван! — позвала его Фридман. — Ты не знаешь, что происходит?

Парень резко остановился и устемил соколиный взгляд на женщину. Теперь в голове все встало на свои места, нервы успокоились, разум прояснился — и одновременно обострились органы чувств.

— Где Кит? — пробасил он.

Каролина и Рис переглянулись. Они оба заметили, как сильно переменялось выражение лица Зайцева и даже его голос.

— Нас переместили в «нужный» мотель, — продолжал Ваня.

— В котором Никита должен проходить испытание, — с ужасом прошептала женщина, закончив предыдущую мысль.

В этот момент сверху послышался крик.

Фридман всерьез испугалась и задрожала. МакКаунти машинально потянулся за пазуху, где у него обычно находился пистолет. Только теперь его там не было. Зайцев помчался к лестнице, ведущей на второй этаж, словно в трансе повторяя имя друга.

Тяжелая металлическая дверь сразу бросилась в глаза. У нее не было ни ручек, ни рычагов — словом, ничего, что помогло бы ее отпереть. Все знали: она откроется автоматически только по завершении испытания.

— Он не выйдет, — тихо произнес Ваня, когда к нему подошли остальные. — У него нет партнера. Никите никто не сможет помочь.

Это было похоже на сон, но проснуться у меня не получалось.

Голова не соображала, а перед глазами все плавало в тумане. Я мог поклясться, что парю над землей. Но когда увидел под собой не свои ноги, понял, что меня несли.

Меня взгромоздили на плечо и куда-то очень быстро перемещали. Удивительно, как это было возможно при моем весе рослого парня с небольшим жирком на боках, честно возвращенным долгими сидениями на диване и поглощением вредной пищи.

Внезапно движение прекратилось, и меня принялись заталкивать в очень маленькое и душное помещение, по ощущениям похожее на вертикальную коробку. Спину обволокло нечто липкое и воняющее. Я не мог отбиваться от похитителя: тело отказывалось слушаться. «Наверное, меня накачали каким-то веществом», — подумал я и вспомнил Зайцева.

Знает ли он, что я пропал? Этот вопрос не давал мне покоя, ибо именно друг мог стать моим единственным спасением. Но я был более чем уверен, что сейчас он валялся без сознания в наркотическом дурмане, не ведая, что происходит вокруг, и его даже не пришлось усыплять для того, чтобы куда-нибудь перенести.

Лязг металлических петель перебил мои мысли. Теперь меня заперли в крошечной тьме без притока воздуха. Липкая субстанция завоняла еще сильнее, и мне едва удавалось бороться с рвотным позывом. Я почувствовал, как оцепенение улетучивалось из конечностей, и предпринял попытку пошевелиться. Сначала я отклонился от стены, к которой меня приставили. Раздался мерзкий хлюпающий звук. Затем я немного размял кисти и, когда собрался согнуть правую руку в локте, почувствовал, что она наткнулась на что-то острое. Я стал ощупывать пространство вокруг себя и вскоре сделал вывод, что находился в аналоге «железной девы»! Как только я это осознал, снаружи прозвучал щелчок, а за ним последовало гулкое тиканье.

Моему напарнику дали время, чтобы помочь мне выбраться отсюда. Но он был мертв! Я запаниковал и начал безудержно орать, молясь, чтобы меня кто-нибудь услышал.

— Они сделали это! Они заставили меня проходить испытание!

«Как мне быть?» — думал Ваню. Спасти друга означало раскрыть свою истинную сущность, к чему парень еще не был готов..

— Что они с ним делают? — со слезами на глазах спрашивала Каролина.

— Всегда можно что-нибудь придумать, — утверждал МакКаунти. — Можно взорвать стену. Осталось найти, из чего сделать взрывчатку.

— Железобетон, — отрезал Зайцев. — Эти двери нельзя открыть без управляющего компьютера. Господи, да что вы тут делаете? Вы, детектив, единственный, кто до сих пор не ознакомился с ситуацией вполне. И теперь, вместо того, чтобы обсуждать действительно важные проблемы, все должны объяснять вам элементарные вещи!

Мужчина хмуро взглянул на Фридман, ища в ней поддержки, но та не встала на его сторону.

— Прости, Рис, но он прав. Я дала тебе всю информацию о проекте и испытаниях, а ты попросту отказался ее изучать. Что с тобой?

— Я просто не верю в это, — пробурчал МакКаунти себе под нос.

— А я не верю в бога, но многое о нем знаю, как и любой среднестатистический человек, — фыркнул Ваню.

За дверью раздался очередной болезненный вой, несколько громче, чем прежде. От начала испытания прошло полминуты, и иглы «железной девы» уже касались моего тела. Я прижимал голову к стене, чтобы отсрочить момент, когда штыри коснутся лица. Это отчасти отвлекало меня от точечной боли по всему телу, которое постепенно становилось похожим на дуршлаг. Некоторые иглы были тонкие, почти как медицинские, и не оставляли видимых следов. Другие напоминали гвозди и в основном попадали в руки и ноги.

«Не хотят повредить жизненно важные органы», — возникла мысль, от которой меня всерьез начало лихорадить. Мне стоило принять ударную дозу своего лекарства, чтобы не спровоцировать вчерашний жуткий приступ, но в моем положении это было невозможно.

Кровь сочилась из ран, они становились все глубже. Приняв свою участь, я перестал дергаться. Мне оставалось только гадать, что я потеряю первым: рассудок или сознание...

Ваню стоял, облокотившись лбом о металлическую дверь, и слушал мои крики. Когда они почти стихли, он больше не мог держаться.

— Несите огнетушитель, — скомандовал он Рису. — А вы... что-нибудь большое и острое, — последнее было обращено к Каролине.

Зайцев назвал эти вещи наугад. Ему нужно было, чтобы парочка исчезла на несколько минут — это дало бы ему возможность без свидетелей применить сверхчеловеческие силы. МакКаунти и Фридман растерянно разбежались по этажу.

Удостоверившись, что его никто не видит, Ваню схватился за выступы камеры пыток и потянул. Вены на его висках и руках вздулись настолько, что, казалось, вот-вот лопнут, но парень этого не боялся. Две долгие секунды ничего не происходило. На третьей по стене пробежала дрожь, а вокруг дверного проема образовались трещины. Зайцев расшатывал преграду, как молочный зуб, усиливая размах рывков. Наконец, дверь с кусками железных прутьев вырвалась из стены. Парень дышал громко и часто, словно бык на ринге.

В комнате было темно, и лишь две лампочки направленно освещали главные в ней объекты: железную деву и терминал. На экране терминала шел отсчет времени, показывающий, сколько мне осталось жить. Также на нем отображался вопрос, ответив на который можно было освободить меня. Ваню из любопытства подошел к нему.

— «Имя твоего предателя», — прочитал он и усмехнулся.

Складывалось впечатление, что загадка должна была быть другой. А сейчас тот, кто пытается наладить систему, подает знаки, что ему известны некоторые секреты невольных участников Игры.

Из «железной девы» стали доноситься всхлипы. У меня не оставалось сил кричать, но и молчать я не мог, потому что некоторые штыри достигли костей, и я испытывал такую боль, от которой в иных ситуациях давно потерял бы сознание. Ваню не стал ждать и ввел в текстовое поле спасительный код: «Иван Зайцев».

Время остановилось, и я понял, что уже умер. Мне было грустно, потому что я не перестал чувствовать боль, и боялся, что моя душа будет скитаться в вечных страданиях. И еще — я не оправдал даже самых элементарных маминых надежд: не вернул домой Лисочку.

Вдруг вся боль сосредоточилась в легких. Я широко раскрыл глаза и схватился за горло, жадно глотая воздух. Передо мной на корточках сидел Ваню и щелкал пальцами прямо перед моим носом. Каролина и Рис столпились у входа и крайне удивленно оглядывались.

— Живой, — констатировал друг. — В отличие от нее.

Я проследил за взглядом Зайцева. Он смотрел на саркофаг, из которого я вывалился минутой раньше. На крышке была изображена женщина, скрестившая руки на груди, не желая никому отдавать свою душу. Это символизировало заточение кого-либо внутри стального гроба. Ее печальное лицо было прикрыто металлической пластиной на один глаз. Такую конструкцию сделали нарочно после того, как отлили сам саркофаг, так как исходный материал сильно отличался от материала пластины. К задней части «железной девы» приварили крыло летучей мыши, в попытке имитировать ангельское крыло.

Та, о ком только что говорил Ваню, находилась внутри «железной девы» вместе со мной. Это была обнаженная и обезображенная женщина: тело изрешечено, а глаза и рот проколоты. Липкая субстанция на моей одежде оказалась смесью ее крови и размозженной кожи. Труп этой несчастной меня в какой-то степени спас: он был насажен на иглы, которые торчали из задней стенки саркофага, и препятствовал тому, чтобы я на них напоролся. То есть я получал ранения только спереди. Возможно, это отсрочило мою гибель и позволило успеть вызволить меня из заключения.

— О боже! — воскликнула Каролина и спряталась за МакКаунти. Журналистка была абсолютно растеряна и напугана, отчего даже начала плакать, уткнувшись носом в спину детектива. Тот замешкался от смущения, но все же повернулся к Фридман и осторожно обнял ее, чтобы успокоить.

— Кто это? — спросил Рис, кивнув на труп из саркофага.

— Мне нужно кое-что проверить, — сказал Ваню и подошел ближе к необычному крылу.

Парень покрутил металлические косточки, где-то подергал, попытался на что-то нажать и в итоге выудил тоненькую палочку. Рассмотрев предмет поближе, я понял, что это мундштук.

— Моя догадка подтвердилась, — заявил Зайцев. — Это Джулия Вольная. Сестра Мировлады, одна из организаторов проекта «Эмили Блэк». Думаю, она была на нашей стороне.

— Все встало на свои места, — отозвался детектив. — Кто-то очень быстро отлаживает систему и расправляется с троянскими конями. Организаторы узнали, что среди них есть предатели, и теперь наказывают их. А нас вернули в рамки Игры, поэтому мы очутились здесь.

— Наконец-то начали думать, — бросил Ваню.

— Мне нужна помощь, — прокряхтел я, истекая кровью.

Требовались бинты и опора, потому что я не мог передвигаться самостоятельно. Зайцев помог мне встать и повел меня к нашим комнатам. Каролина с Рисом пропустили нас вперед и замкнули процессию. На выходе из камеры испытаний я не мог не обратить внимание на разбитый терминал и разваленную стену.

— Вы что, взорвали дверь?

— Да, Иван, мы взорвали дверь? — поддержал мой вопрос МакКаунти.

— Подарок от Эдварда, — запнувшись, ответил друг.

— А как вы меня вытащили? — не угоманивался я.

— Не мы, а он, — уточнил детектив и махнул в сторону Зайцева.

— Ты? — произнес я, не скрывая удивление.

Мне стало стыдно за то, что я думал о Ване, пока был заперт в «железной деде».

— Ты же мой единственный друг, забыл? — улыбнулся Ван.

«Я ему нужен, — подумал я. — Столько раз я отрекался от него, а он все равно меня спас. Мы действительно друзья?»

— А что нужно было сделать? — прошептала Фридман. — В смысле, в чем заключалось испытание?

— Предлагалось разгадать пароль, — сухо отозвался Зайцев.

— А какая подсказка?

— Не помню.

— Так не помнишь, что разбил терминал, чтобы мы не узнали? — съязвил МакКаунти. Он не верил ни единому слову парня.

— Я его не разбивал, — врал Ван. — От потолка отвалился кусок бетона и упал прямо на экран. После взрыва здесь все изрядно расшаталось, так что предлагаю как можно скорее забрать свои вещи и убираться отсюда.

В номерах нас ждал очередной сюрприз.

У каждого на кровати лежал новый конверт, с документами и дополнительным инвентарем. У меня был самый маленький набор предметов: письмо с правилами для персонажа «Банкир» и кредитная карточка. Ван предположил, что раз я уже прошел испытание, вспомогательные вещи мне не понадобятся.

У остальных было гораздо интереснее. Каролина при виде новой атрибутики зарыдала пуще прежнего и выбежала из комнаты. Рис взял на себя ответственность посмотреть, что внутри ее пакета. Оказалось, что журналистка осталась «Лидером», и в ее распоряжении были одни из самых важных для нас бумаги: названия мотелей и распределения номеров, имена пар, которые должны проходить испытания на определенных участках, общий перечень правил Игры и личные не скрытые правила каждого персонажа. В качестве дополнительного инвентаря у нее была лопата.

Персонаж МакКаунти тоже не изменился. Как «Охранник», он должен был нести вахту каждый раз, как мы совершаем вынужденную остановку. Детектив очень хотел, чтобы ему вручили пистолет, с которым он чувствовал бы себя гораздо увереннее, но его ожидания не оправдались, и в качестве игрового снаряжения ему досталась металлическая пластина, издали напоминавшая щит.

— Они бы мне еще иконку за пазуху положили, — недовольно пробурчал Рис.

Роль Вана сменилась на «Гида». В его пакете находилась карта Парадайз Вэллей, а на листке с правилами было написано: «Правила заблокированы». Кроме того, у него не было никаких вспомогательных предметов, и в испытании он должен был участвовать без помощника. МакКаунти смотрел на парня еще более подозрительно, чем раньше.

— Не стану скрывать, я считаю тебя не пострадавшим от эксперимента, а причастным к нему, — говорил он. — То, что происходит с тобой, либо спасает тебя, либо подставляет.

Друг лишь пожал плечами. Он тоже выражал свою неприязнь к детективу, но теперь избегал перепалок с ним.

Все заметили, что со сменой обстановки пропали все наши вещи, но никто не решился этого озвучивать. Мысли о тщетности сложившейся ситуации медленно оседали в наших головах.

В комнату вошла Каролина. У нее под глазами образовались мешки, все лицо покраснело и припухло от слез, но сейчас она взяла себя в руки. Она держала еще три пакета, таких же, как у нас.

— Я прошла по другим номерам и собрала вот это.

Она вывалила их на ближайшую кровать.

В чужих пакетах обнаружилась довольно большая аптечка. Ваню не стал терять времени и тут же принялся обрабатывать мои самые глубокие раны — благо, бинтов было предостаточно. Еще в аптечке нашлась баночка с моим лекарством.

— Очень вовремя, — искренне обрадовался Ваню. — Твои как раз закончились.

— У меня еще две таблетки, — поправил я.

— Уже нет, я скормил их тебе, когда вытащил из... ну ты знаешь. Похоже, у тебя снова был приступ.

Ваню продолжал удивлять меня. Я никогда не чувствовал с его стороны заботу или хотя бы что-то приближенное к ней, а сейчас он возился со мной, как с ребенком, и я откровенно не понимал, почему.

Зайцев умело перевязал меня, будто занимался подобными процедурами каждый день. Боль притупилась, хотя теперь у меня сильно кружилась голова, и я по-прежнему нуждался в помощи с передвижением.

Мы собрали вещи и поплелись на улицу. В холле за администраторским столом стояла приятная на вид женщина и, широко улыбаясь, провожала нас взглядом.

— Счастливого пути! — пожелала она.

Как бы приветливо она ни говорила, звучало это как «в последний путь».

Уже было светло. На парковке мы не обнаружили ни Ваниного харлея, ни старого форда МакКаунти, зато прямо перед крыльцом стоял белый подержанный фургончик марки «мерседес».

— Наш водитель мертв, — произнес Рис. — А я за руль не сяду. Мне нужно отдохнуть.

— Я сяду, — сказала Каролина. — Это поможет мне сосредоточиться.

Я в последний раз оглянулся на мотель и будто бы ощутил рядом с собой всех людей, которые смотрели на него, когда выбрались оттуда. Как ни странно, теперь я чувствовал себя гораздо спокойнее, чем прежде. Конечно, большую роль играла двойная доза успокоительного, что затолкал мне в глотку Ваню, но было кое-что еще. Я оказался частью системы, и мне больше не нужно было думать о чем-либо и волноваться, так как за меня уже все решили. У меня осталась только цель: вернуть домой Лисочку. И зная, что меня ведут именно к ней, я был уверен, что мои шансы достигнуть ее серьезно возросли.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись отчета №115

«Идет подготовка к операции по усовершенствованию Алисы. Она назначена на завтра.

Производится попытка по социализации сверхчеловека из красной зоны. Сверхчеловек идет на контакт довольно агрессивно, хотя не отказывается взаимодействовать с высшими звеньями нашей лаборатории: руководителями отделов и главными докторами. Остальных сотрудников не расценивает в качестве социальных единиц. Нахождение в одиночной камере красной зоны никак не сказалось на психике данного экземпляра. Есть предположение, что он мог общаться с заключенными, пользуясь сверхразвитыми чувствами, которые еще полноценно не изучены. Если же такой возможности не было, то можно сделать вывод, что сверхчеловек не нуждается в общении с себе подобными — и это может свести эксперимент на нет. Напоминаю, что целью эксперимента является создание нового эволюционного уровня развития человека, который будет самостоятельно размножаться и переселять планету.

О дальнейших наблюдениях сообщу в следующей записи»

Примечание: «После моей предыдущей записи Эмили никого не убила. Я становлюсь похожей на параноика, плохо сплю по ночам, иногда меня мучают слуховые галлюцинации. Я случайно услышала от руководства, что кто-то может помешать эксперименту, и тогда лабораторию придется закрыть. Я надеюсь, что это случится прежде, чем я погибну. Если бы «кто-то» попросил меня помочь ему разрушить это чертово место, я бы, не раздумывая, согласилась.

Алиса сама не своя. Раньше я думала, что ее операцию отложат в долгий ящик, но оказалось, что она уже завтра. Бедная девочка подошла ко мне и сказала, что согласна. Кто ее уговорил, если доктор Элизабет, работавшая над Алисой, мертва? Поведение девочки мне не понравилось. Когда мы с ней разговаривали, она показалась мне... пустой. Это самое подходящее слово. Она отвечала короткими предложениями, в которых нельзя было прочесть ее личное отношение к происходящему. Ее взгляд был направлен на меня, но готова поклясться, он был пуст и бессмыслен — как будто она не видит меня. Детский румянец сошел со щек, даже волосы перестали пушиться. Складывается ощущение, что Алиса страдает психическим расстройством.

И напоследок о сверхчеловеке, которого освободили недавно из красной зоны. О чем они вообще думали? Социализация выведенного вида? Лучше бы они выпустили пару тигров из зоопарка, и даже это было бы менее опасно.

Его зовут Данте. Он — первый экземпляр выведенного сверхчеловека. Возможно, я накручиваю себя, но как по мне, так он самый сильный из всех, что у нас есть. И, наверное, самый умный. Я много о нем читала, но никогда не видела, и уж точно не хочу когда-либо встречаться с ним. Говорят, он уже прикончил двух уборщиц, но ему все сходит с рук: убийство людей заложено в его инстинктах. И все-таки я склоняюсь к тому, что он сделал это не из инстинктов. Я считаю, что он таким образом прощупывает почву, знакомится с рамками дозволенного. Он слишком хитер, поэтому нельзя позволить ему оставаться вживых. Надеюсь, директору об этом известно.

Доктор Аннетта Бернар,
Конец записи.»

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

Данте сидел в кресле директора и отстукивал по столу ровный такт. Он был доволен нынешним положением дел. За последние десять лет парень очень много прочитал и изучил. Он мог бы с легкостью добиться всего, чего только может пожелать человек: докторских степеней, рекордов, Нобелевских премий. Но ему ничего из этого не требовалось. Его волновало лишь то, что происходило сейчас.

— Вот это веселье, — пробормотал он, просматривая видеокассеты из архивов лаборатории.

На некоторых были запечатлены операции по пересадке органов, включая самый первый опыт, в котором участвовал он сам. Тело десятилетнего мальчика лежало на столе неестественно неподвижно и напоминало вскрытую учебную лягушку с урока биологии. Ему замечали легкие.

Директор лично оперировал сына. В шапочке и медицинской маске его было трудно узнать, но Данте понимал, что это он. Во время процедур у мальчика несколько раз останавливалось сердце. В такие моменты ассистенты и медсестры тревожно таращились на отца, а тот лишь потел — от напряжения и усталости, но не от волнения.

«Он все равно умрет, — говорил директор. — Так пусть хоть принесет пользу. Во имя будущего мира!»

Данте улыбался болезненной улыбкой. Он знал, что когда-то был неизлечимо болен раком легких, но его мучило не это. Тогда он действительно хотел принести хоть какую-то пользу отцу, который постоянно порицал его за беспомощность и бесполезность. Мальчик бегал за ним хвостиком, стараясь выпросить хотя бы каплю внимания.

Забавно, но до перевоплощения Данте не помнил матери. Она умерла, когда ему было восемь, и это воспоминание почти стерлось из памяти. Но потом, когда Данте неожиданно для всех очнулся с новыми легкими, он вспомнил все — от своего первого крика до последней

минуты перед тем, как лечь под отцовский скальпель. Он вспомнил и то, как погибла мать. Папа часто избивал ее после того, как она родила больного сына. Ей доставалось и за то, что она возилась с ребенком, любила его и защищала перед тяжелым отцовским кулаком. Но однажды он ударил слишком сильно.

— Ты уже не кажешься таким крутым и грозным, — громко сказал Данте и бросил быстрый взгляд в дальний угол кабинета.

Там, рядом с разноцветным самокатом, лежал директор. Его тело было неуклюже свалено возле мусорного ведра, а голова вывернулась на сто восемьдесят градусов.

— Это тебе за маму, — произнес парень и скорчил гримасу детской обиды.

Теперь он включил недавние записи с камер наблюдения. Ему нравилось пересматривать, как Иветт расправлялась с сотрудниками лаборатории. Эта юная француженка явно знала толк в садизме.

— Мы могли бы стать отличной командой, — рассуждал Данте, кокетливо посмеиваясь между словами. — Жаль, что ты все время прячешься от нас. Но ничего, мне известно, где тебя искать.

Он вскочил на самокат и выехал в коридор. Напоследок Данте одарил отца пренебрежительным взглядом и захлопнул дверь.

Персонал лаборатории был осведомлен о том, что совет директоров решил выпустить одного их сверхлюдей из красной зоны. Поэтому никто не осмеливался без крайней нужды покидать свои кабинеты, даже на обед. Целый лабиринт пустынных коридоров оказался в полном распоряжении раззадоренного парня. Скользя по начищенным до блеска полам, он стучался в каждую дверь, которая попадалась на пути, и громко распевал:

— «И-и-иве-етт, где ты?

У сотрудников в такие моменты замирало сердце. Они боялись, что Данте ворвется к ним и убьет, даже не разобрав, кто перед ним. Но он этого не делал. Пугая несчастных лаборантов, он всего лишь забавлялся.

Комната Алисы находилась в другом крыле. Подъехав к нужной двери, Данте остановился и прижался к ней ухом. Внутри было тихо.

— Я знаю, что ты там, — зловеще прошептал сверхчеловек и тихо усмехнулся.

Данте открыл дверь пластиковой ключ-картой, которую предусмотрительно вытащил из пиджака отца. Она подходила ко всем помещениям в здании, даже в красной зоне.

Посреди комнаты стояла белокурая девочка. Ее милое лицо портили темные впадины под глазами и бледная, натянутая на выступающие скулы кожа. По ее глазам трудно было понять, что именно она чувствовала: страх, любопытство или полное безразличие. Рядом с ней стояла Иветт, и Алиса держала ее за руку.

— Ты уже познакомилась с нашей малышкой? — загадочно вымолвил Данте.

— Да, — ответила Лисочка.

Сверхчеловек подъехал ближе и попытался коснуться ее, но Иветт предупреждающе ударила его по руке.

— Я не понимаю, — растерянно пробубнил тот. — Почему ты привязалась к этой девочке?

— Она... теплая, — едва слышно ответила Иветт. — Она напоминает мне, что когда-то и я не была монстром. Возможно, она поможет мне вернуться к прежней жизни.

— Мы не монстры! — обиженно воскликнул Данте. — Мы новая ступень эволюции, наделенная высшим разумом и невероятной силой!

Глаза Лисочки вспыхнули ярким огоньком.

— Ты — супергерой? — восторженно прошептала девочка.

Данте опешил еще сильнее. Даже он понимал, что вряд ли подходил под описание положительных героев из комиксов.

— Скорее я суперзлодей, — подчеркнул он.

Алиса попятилась. Данте не сводил с нее глаз. Иветт заслонила девочку своим телом и воинственно шагнула вперед.

— Я не позволю тебе обидеть ее, — прогудела Иветт.

— Я не позволю тебе обидеть ее! — выкрикнула Алиса.

Данте резко развернулся и направился к выходу.

— Вы мне и не нужны, — ревностно прошипел он и, стоя на пороге, добавил: — Пока.

Парень скрылся за дверью. Он в ярости отшвырнул самокат и помчался по коридору, бубня себе поднос что-то про эволюцию.

Алиса и Иветт еще долго не двигались с места. Наконец Алиса решила выглянуть в коридор, чтобы убедиться, что странный человек ушел. Она увидела оставленный Данте самокат — необычной формы и вызывающе яркий. Но стоило девочке сделать шаг, чтобы забрать его, как стена напротив внезапно развалилась на груды камней и арматуры. Иветт успела заслонить Алису, чтобы та не поранилась.

В образовавшемся проломе показался разъяренный Данте. Он схватил самокат обеими руками и с криками «Не трогай, он мой!» убежал по направлению в другое крыло.

Ошарашенная Алиса от испуга начала икать.

— Зачем он вообще приходил? — простонала она.

— Он искал меня, — сказала Иветт.

— Почему?

— Я не знаю. Но что бы то ни было, ты изменила его намерения.

ПАРАДАЙЗ ВЭЛЛЕЙ, САЛУН

В салуне пахло затхлостью и табаком. Хотя он был пуст, скверный запах все равно ощущался отчетливо — настолько сильно им провоняла мебель.

Кроме Эдди, в салуне не было ни души. Он молча сидел напротив бармена, почти не шевелясь. Лишь редкий глоток из бокала напоминал, что парень жив. Бармен нервно протирает бокалы, подготавливая к вечеру. Он не хотел открывать свое заведение до положенного времени, и тем более пускать туда этого странного альбиноса. Но о Лидере в этой местности ходило множество слухов, и большинство из них были ужасными: что-то о мертвых девочках, психических расстройствах, кровожадных убийствах. Бармен никогда не верил сплетням, но лишних проблем он себе не хотел.

— Налей мне еще виски, — прохрипел Эдди.

Бармен неуверенно кивнул и сделал то, о чем его попросили.

— Ее убили, — пьяно бормотал альбинос по-русски. — Жестоко и нечестно. Джулию убили, как муху тапочкой. И даже не дали ей шанса на спасение.

Бармен не понимал и половины того, что говорил Лидер, а о чем идет речь — и подавно. Но Эдди и не нужен был собеседник, он разговаривал сам с собой. Оплакивая подругу, он пытался найти смысл ее скорострительной смерти, чтобы снять с себя вину за это.

— Директор нашел нас, и теперь хочет устранить. Но ведь мы свое дело уже сделали: система разрушена, проект «Эмили Блэк» деградирует и вскоре придет к закономерному концу. Предотвратить это практически невозможно, придется восстанавливать все с самого нуля. Директор не сможет себе такого позволить. Его ограниченный ум сосредоточится на мелких ошибках, а на это уйдет столько времени, что все, над чем он работал тринадцать лет, успеет рухнуть. Он ничего не сможет предпринять против сверхчеловека, которого я внедрил в игру.

Эдди сделал еще один глоток жгучего напитка и поперхнулся. Бармен переполошился.

— Все хорошо? — спросил он, заикнувшись.

— Нет! — воскликнул Лидер. — Что-то все равно идет не так!

Он прокашлялся и вернул пустой бокал на барный стол. Из внутреннего кармана жилетки он вынул большую плитку черного швейцарского шоколада и откусил от нее кусочек.

— Джулию могли убить просто так. Застрелить ее в любой момент. Директор мог вызвать ее в кабинет и сделать это собственноручно. Но все подстроили как испытание — которого не должно уже быть и в помине! Кто-то играет против меня, и у него хорошо это получается. Если все так пойдет и дальше, у меня не останется шансов на...

Альбинос встал из-за стола, не закончив предложение. Он оставил бармену внушительную пачку баксов в качестве компенсации за то, что пришлось потревожить его в такой час, и покинул салун.

Выйдя на улицу, Эдди посмотрел на небо. Темные тучи грозно сгущались, предвещая дождь.

— Такое чувство, что *они* даже погодой управляют, — процедил сквозь зубы Лидер и огляделся по сторонам. — Сегодня компанию ждать не придется. Я уверен, что для каждого из них мой оппонент подготовил отменное испытание. Надеюсь, что завтра они доберутся сюда живыми. А пока мне нужно нанести ответный удар.

Эдди встрепенулся, прикончил плитку шоколада и направился в сторону телефона, финальной точки первого этапа эксперимента. Он был там несколько лет назад, только в качестве призера, а не победителя. Вольная тогда хорошенько его потрепала и даже осмелилась выстрелить в него единственной имеющейся у нее пулей. К тому моменту Эдди уже разгадал загадку Парадайз Вэллей и хотел спасти их обоих, вернуться домой и забыть все, как страшный сон. Но Мирослава сошла с ума и решила, что Лидер пытался ее убить и стать победителем игр две тысячи одиннадцатого года.

Альбинос думал, что умер тогда. Пуля прошла совсем рядом с сердцем, но опытные хирурги лаборатории проекта «Эмили Блэк» совершили чудо и вытащили парня с того света. Конечно же, не просто так.

— *Большая часть первого этапа эксперимента — твоих рук дело, Эдди, — говорил директор. — Думаю, ты не раз слышал это, но я повторю: ты очень ценный кадр, и мне не хотелось бы тебя упускать. Поэтому я предлагаю тебе сделку: ты работаешь на нас, при этом можешь творить, что пожелаешь, в свое свободное время, и твое имя впредь никогда не будет светиться в федеральном розыске. Что скажешь?*

— *А что, если я откажусь?*

— *Ничего, — сказал директор и развел руками. — Ничего не изменится для тебя, Эдди. Ты просто продолжишь разлагаться в грязном домике в Парадайз Вэллей.*

Альбинос поморщился от неприятных воспоминаний.

— Директор абсолютно точно сдох, — заключил он. — Он уже давно не в состоянии сделать что-то самостоятельно, а лишь способен отдавать распоряжения. И он не осмелился бы расстраивать сверхчеловека из нынешней группы испытуемых своей бесполезной возней — попытками залатать пробелы, которые я устроил. Значит, этим занимается не он, и все, что мне нужно, это узнать, кто.

Лидер снял трубку со старого таксофона и набрал заветную комбинацию цифр, предназначенную победителю.

— Иди к черту, грязный извращенец, — вымолвил Эдди фальцетом, имитируя испуганный женский голосок.

— Прекращай этот каламбур, — откликнулись на другом конце провода. Затем послышался громкий смех.

— Кто ты? — с раздражением огрызнулся Лидер.

— Меня зовут Данте, — серьезно ответил собеседник, резко оборвав свой безумный гогот.

— А, это всего лишь ты, — отозвался Эдди, стараясь звучать равнодушно, хотя внутри него яростно боролись кипящая злость и ледяной страх.

— Я польщен, что ты обо мне знаешь, но на твоём месте я бы не стал пренебрегать осторожностью в общении со мной. Видишь ли, я ранимый.

— Педик что ли?

Связь резко оборвалась, и настала очередь Эдди смеяться. Но он смог выдать из себя лишь самодовольную ухмылку.

— Кажется, я в полной жопе, — пробубнил он себе под нос. — Но и из нее, как известно, есть выход...

Глава 10

Я начал замечать перемены и в себе, и в нашей компании.

Фургон ехал не торопясь. Старая обшивка тихо постукивала в некоторых местах, напоминая о том, сколько таких же, как мы, она успела повидать на пути в Парадайз Вэллей. Мы с Ваном устроились в салоне, а Рис сел на переднее сиденье рядом с Каролиной. Все молчали.

Я не сводил с друга глаз. Он открылся мне с другой стороны, и это приводило меня в замешательство: я не знал, как теперь к нему относиться. Сейчас он казался гораздо сильнее нас всех — сдержанный, храбрый, решительный. А мы втроем были подавлены собственным бессилием. Мы трусили и сомневались. А Ваня?..

— Почему ты так себя ведешь? — спросил я, не скрывая зависти. — Будто тебя и не застали врасплох.

— Может, потому что я наркоман? — отозвался Ваном и улыбнулся контрольной улыбкой.

— Я думаю, ты врешь мне, — признался я сухо. — Но я не могу на тебя злиться. Ты спас мне жизнь.

Снова повисло молчание.

— Знаешь, я ведь думал, что умер, — продолжил я, не в силах держать это чувство внутри.

— Прекрати пороть горячку! — выпалил друг и быстро осмотрел мои бинты. — Ты можешь делать что хочешь, но умереть у тебя не получится, будь уверен.

— Не понимаю, — я вздохнул. — Если бы я знал чуть больше, возможно, мне было бы легче.

Я заметил мучительный взгляд Зайцева и немного смягчился.

— Не рассказывай свой секрет. Ты уже доказал, что заслуживаешь доверия. Просто перемены в тебе оказались слишком радикальными, чтобы я мог сразу их принять. На самом деле ты мне нравишься таким.

— Каким «таким»? — пробормотал Ваня, и на его лице мелькнула легкая неприязнь, словно он был со мной не согласен.

— Уверенным, — пояснил я. — Ты стал сильнее и умнее. И, признаться, теперь я не понимаю, зачем я тебе нужен.

— В каком смысле «нужен»? Ты же мой друг.

— Не обижайся, но мы были из тех друзей, где один постоянно на дне, а другой — весь такой позитивный и перспективный. Я вытягивал тебя со дна. А теперь, получается, я маленькая плаксивая девочка.

— Не знаю, как насчет слез, но где-то ты явно подтекаешь, — добавил Ваном, указывая на сочащуюся из моих ран кровь.

Мы оба нервно рассмеялись.

— Ты не понимаешь, насколько важен для меня, — серьезно заговорил Зайцев. — До этого ты вел себя как размазня, потому что считал, что как бы ты ни дергался, тебя все равно убьют. Но сейчас я говорю тебе: что бы ты ни делал, ты не умрешь, пока жив я. Не рассуждай на эту тему, просто прими это как факт.

Я почувствовал перемены, происходящие во мне. Страх перед смертью, вцепившийся в меня в «железной деве», будто рукой сняло. Меня словно наделили безграничной силой, от которой в груди горело жизненное тепло.

«Я спасу Лисочку, — твердо решил я про себя. — Чего бы мне это ни стоило».

Перегородка между водителем и пассажирами в салоне отодвинулась, и парни отчетливо услышали недовольное пыхтение детектива МакКаунти.

— Что-то случилось? — неохотно поинтересовался Зайцев.

— Я только хотел сказать, что следующие несколько часов мы с Каролиной будем проходить испытания без вас, — заговорил мужчина. — Если уж мы все-таки в одной команде, то рассчитываем на вашу поддержку. Особенно на твою, Иван.

Лицо друга стало непроницаемым. Все давно знали о его отношении к Рису, поэтому никто не удивился следующим словам:

— Даже не знаю, детектив, — безразлично бросил он. — Я бы на вашем месте не полагался на «конченного наркомана». Кто знает, что он может выкинуть в самый неподходящий момент.

— Ваню! — воскликнул я. — Не слушайте его, он слегка расстроен. Конечно же, мы поможем вам, чем сможем.

— Честно говоря, я не вижу в вас особой ценности, — продолжал друг, разводя руками.

Повисло тяжелое молчание. В нашей команде нарастало напряжение. Было ясно, что мы разделились ровно пополам, но я не хотел, чтобы наши «лагеря» воевали. К удивлению, мое новое впечатление о Ваню не изменилось: он по-прежнему казался сильным и уверенным. Но после его слов я заметил кое-что еще. Это начинало походить на помешательство.

— В твоих рассуждениях нет ничего порочного, — подала голос Каролина, обращаясь к Ивану.

Журналистка крепче вцепилась в руль фургона, но нажать на газ не решалась. Она все еще была глубоко потрясена новостью о том, что ей придется проходить испытание, но старательно держала свои эмоции под контролем.

— В вашей сюжетной линии мы действительно выйдем ненужными, — продолжала она. — Не представляю, как мы можем оказаться полезными в спасении Алисы. Я даже считаю нас балластом: из-за того, что нам с Рисом придется задержаться на некоторое время в парочке мотелей, вы потеряете время. Но ты кое-что упустил, Иван. По правилам все участники Игры каким-то образом связаны между собой. Нас выбирают не случайно.

— Я ничего не упустил, — пробасил друг. Он слишком резко это сказал, и его реплика показалась слегка угрожающей.

— Все мы встречались с Мирославой Вольной. Она может быть связывающим звеном между нами, — предположил я.

Зайцев помотал головой.

— О нет, все гораздо тоньше. Связь между нашими парами заключается в общем знакомом — моем и мистера МакКаунти.

Ваню заискивающе улыбнулся. Детектив покраснел от злости, хотя не мог сформулировать истинную причину своей вспышки ярости.

— Я сомневаюсь, что у нас может быть что-то общее, — насколько мог вежливо выдавил он.

— Так и быть, я дам вам подсказку. Вы уже упоминали имя этого человека. Он послужил причиной вашей поездки в Парадайз Вэллей.

— П... Пол? Но как ты можешь быть с ним знаком?

Друг пожал плечами. Больше он ничего не сказал, лишь уставился в противоположную от него стену, задумчиво поглаживая себя по груди. Время от времени уголки его губ поднимались в кривой ухмылке. Я мог только гадать, о чем он думал.

«После того, что ты для меня сделал, Пол, мы стали очень близки. Спасибо тебе за новое сердце».

— Нам пришлось экстренно изменить план, поэтому мы еще не успели поставить вас в известность.

— Какие проблемы? Ты знаешь, я не люблю, когда что-либо происходит без моего ведома.

— Дело в том, что предварительная диагностика не выявила у объекта патологию сердца. Мы обнаружили ее случайно, когда начали проводить вскрытие грудной клетки. Сперва мы собирались трансплантировать ему легкие.

— Ясно. Сердце, так сердце. Продолжайте операцию, я больше не стану вас беспокоить. И проследите за анестезией: кажется, он начал приходить в себя...

«Господи, мы никому не нужны, — мысленно паниковала Фридман. — От нас с Рисом просто-напросто избавятся, как и от Джулии. И тогда начнутся настоящие разборки. В которых нам не будет места». Каролина косила взгляд на лопату, которую поставила между собой и МакКаунти. Женщина теперь не расставалась с ней, словно это был ее оберег.

— Каролина, успокойся, пожалуйста, — сказал Рис.

— Я спокойна, — сквозь зубы процедила журналистка.

— Может, тебе привязать эту лопату, раз ты так боишься, что она убежит? — детектив усмехнулся.

— Хорошая идея, — согласилась Фридман. — Посмотри, может, в бардачке завалилось что-нибудь вроде веревки. Проволока тоже сойдет.

— И степлер, — мрачно пробубнил МакКаунти. — Мне кажется, ты придаешь происходящему слишком большое значение.

— Я придаю большое значение своей жизни! — взорвалась журналистка, отчего фургон резко повело в сторону. — Мне, конечно, уже тридцать, и я до сих пор не замужем, и детей у меня нет, карьера стоит мертвым грузом на месте, но это не значит, что я поставила на себе крест! У меня еще все впереди.

— Конечно, впереди, — мягко проговорил детектив. — Как только мы покончим со всем этим дерьмом, я приглашу тебя на чашечку кофе.

Каролина покраснела как свекла. Она сдерживала себя из последних сил, чтобы не оглянуться на МакКаунти и не удостовериться в искренности его слов.

— А сейчас ты плавно свернешь налево и припаркуешься у мотеля, — закончил Рис все тем же мягким тоном.

Сердце женщины забилося с такой силой, что в ребрах стало больно. Она плавно нажала на тормоз, не спуская глаз с деревянного домика, предназначенного для ее истязания. Домик был настолько крошечным, что даже с натяжкой его нельзя было назвать мотелем. Он стоял на сваях и держался на одном честном слове. Зато вокруг него было предостаточно пустынной, пыльной земли.

— Это, должно быть, ошибка, — выдохнула Фридман.

— Судя по GPS, нет, — заключил детектив.

Двигатель заглох, и все вышли из автомобиля.

Я опирался на Вану, так как еще не мог стоять и ходить самостоятельно. Как только я перешел в вертикальное положение, бинты намokли кровью, но все решили пока не обращать на это внимания.

Мы неуверенно направились к домику. На нем не было никаких надписей и даже полноценной облицовки. Складывалось впечатление, что его наскоро сколотили просто для вида. Вся местность выглядела запущенной, безжизненной и пригодной только для свалки. Здесь не было никакой растительности, даже травы. Я был готов поспорить, что, уберем мы все лишние звуки, не услышали бы даже мух или сверчков.

К слову о посторонних звуках. Я обернулся на шоссе и удивился: оно оказалось таким же пустым, как и все вокруг.

— Вы заметили, что машины пропали? — спросил я.

— А? — МакКаунти оглянулся и проследил за моим взглядом. — Странно. Готов поклясться, что на дороге мы были не одни.

— Так и было, — подтвердила Каролина. — До определенного момента. Похоже, что дорогу перекрыли, чтобы изолировать нас.

К руке журналистки резинкой для волос была примотана лопата. Это выглядело довольно комично, хотя в свете последних событий никто не изъявлял желания над ней смеяться. Я задумался, как бы чувствовал себя на месте Каролины: не зная, что меня ждет, и с лопатой. Да, наверное, я бы примотал ее к себе семью цепями.

Мы двинулись дальше. Был полдень, солнце светило прямо над головой. Для меня все самое плохое всегда ассоциировалось с глубокой ночью: монстры, вылезающие из-под кровати; стихийные бедствия, застающие врасплох сонных людей... Поэтому сейчас яркий день сбивал меня с толку, разгоняя все тревоги о Каролине. Хотя, возможно, мне так же, как и Вану, стала безразлична ее жизнь?..

Нечто высокое беззвучно возникло у меня за спиной. Я заметил это по длинной тени, которая выползла из-под моих ног, перекрыв мою собственную. Не успел я отреагировать, как на мою голову опустилось что-то тяжелое, и я потерял сознание, повиснув на плече друга. Мак-Каунти и Фридман, как мешки с картошкой, свалились на землю. Зайцев вздохнул и обернулся в сторону напавшего на нас человека.

— Я так и думал, что он использует именно тебя, — отсутствующим тоном произнес Вану.

— Он не использовал, а попросил о помощи, — иронично поправил Данте. — Хотя какая разница, папа все равно уже мертв, и теперь я команду парадом!

Парень громко захохотал. Вану презрительно отвел от него взгляд и осторожно опустил меня на землю.

— Хренов психопат, лучше бы ты сдох на операционном столе, — пробормотал друг.

— А вот ты мне нравишься, — возразил Данте. — Мне будет очень грустно ломать тебе хребет, когда ты начнешь мешать устраивать испытание.

— Я не мешаю. Твори что хочешь, главное, его не трогай, — Зайцев указал на меня.

— Я его уже «потрогал», так себе занятие, — съязвил Данте и зашел в деревянный домик.

Оттуда он вытащил неотесанный ящик с человеческий рост и принялся укладывать в него Каролину. Заметив примотанную к ее руке лопату, он улыбнулся, как показалось, от наслаждения.

— Не понимаю, почему ты так печешься об этом придурке, — говорил Данте, занимаясь своими грязными делами.

— Во-первых, он не придурок, — отвечал Вану, пристально наблюдая за своим хорошим знакомым. Мысленно он хвалил себя за правильное решение больше не пьянеть, потому что если бы Данте напал, Вану не смог бы отбиться. — Если бы в его жизнь не вмешались мы — Рита, эксперимент и прочее дерьмо, — у него все было бы хорошо. Во-вторых, он напоминает мне, что я — тоже человек. Он позволяет мне смешиваться с толпой.

Данте разразился звонким смехом.

— Какой же ты человек? Ты — великолепное творение моего отца! Царствие ему Адское. Ты должен не смешиваться с толпой, а уничтожать ее! Это наше предназначение, помнишь? Мы — следующая ступень эволюции.

Зайцев улыбнулся, как улыбаются родители при виде глупой выходки своего маленького дитя.

— Кажется, я знаю то, чего не знаешь ты, Данте, — вымолвил друг. — Пораскинь мозгами. Посмотри в Книгу рекордов Гинесса: столько невероятных показателей человеческой силы, ума, выносливости. В ней записано очень много фамилий, и это лишь небольшая часть выдающихся людей. Тебе ни о чем это не говорит?

Данте начал краснеть. Он по-настоящему разозлился, так как понял, к чему ведет Вану, и ему это совершенно не нравилось.

— Додумался, наконец, — кивнул Зайцев. — Homo sapiens уже эволюционируют, и мы не вправе им мешать. Они будут гораздо лучше нас. Они будут гораздо умнее и сильнее. А мы с тобой, — Ваню сделал паузу, разглядывая свои слегка трясущиеся от перевозбуждения руки. — Мы с тобой монстры, созданные монстром.

— Это не так! — взорвался Данте. — Это неправда! У нас есть миссия, предназначение! Мы должны убить их всех, тупых и жалких тварей! Убить! Убить!

Сверхчеловек разъяренно топал ногами и размахивал руками в воздухе, как капризный ребенок. В одно мгновение он подлетел к Зайцеву и, схватив его за воротник, приподнял над землей, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Зачем ты здесь? — сурово прошипел Данте.

— Чтобы остановить этот кошмар, — ответил Ваню. — Прекратить издевательство над людьми. Порождение... — друг проследил за меняющимся выражением лица Данте при ненавистном ему слове. — ...монстров.

В следующую секунду Ваню на высокой скорости полетел через весь участок. В воздухе парень успел сгруппироваться так, чтобы приземлиться ровно на четыре конечности, как кошка. После успешно выполненного трюка и довольной ухмылки Зайцева Данте разозлился еще больше. Казалось, что пространство вокруг него буквально вибрировало.

Я начал приходить в себя. Глазам было очень сложно сфокусироваться, поэтому я предпочел пока их не открывать. По затылку растекалась боль. Данте заметил движение с моей стороны и молниеносно скрылся. Ваню так и остался стоять на четвереньках, делая вид, что тоже поднимается с земли. Я не придавал большого значения тому, что сейчас он был метрах в десяти от меня, хотя в момент, когда на нас напали, он был совсем рядом и поддерживал меня.

— Кит, — позвал он. — Кит, ты цел?

Я ощупал себя на всякий случай.

— Никаких изменений, — сыронизировал я. — Где остальные?

Я увидел впереди себя детектива МакКаунти, который до сих пор лежал неподвижно. Меня посетили самые плохие мысли на его счет. Я подполз к нему и, не зная, как проверить, жив ли он, подергал его за нос. Мужчина очнулся и возмущенно заворчал что-то невнятное.

Мы втроем оглядели весь участок и обыскали домик в поисках Каролины. Мое волнение проснулось. Помимо него я испытывал еще кое-что похуже: ощущение, будто я предал нашу спутницу. Я обещал ей, что мы о ней позаботимся, а теперь мы даже не знали, где она!

— Может, организаторы ее забрали? — выдвинул свою версию Ваню.

Возможно, я себя накручивал, но мне казалось, что друг хочет поскорее уехать отсюда, забыв о журналистке.

— Она им ни к чему, — возразил МакКаунти. — Она должна быть где-то здесь.

Впервые за нашу поездку моя голова начала складывать фрагменты общей мозаики. Меня будто озарило. Ответ на вопрос пришел мгновенно.

— Она под землей, — полушепотом заключил я. — У Каролины была лопата, значит, это было частью испытания. Плюс ее нет ни в доме, ни на территории. И еще...

Я развел руками, призывая обратить внимание на землю у нас под ногами. Весь участок был вспахан.

— Нам нужно ее откопать, — констатировал детектив. — Но где она зарыта?!

Каролина проснулась от удушья. Ей катастрофически не хватало воздуха, и от этого казалось, будто на нее давит тяжелый пресс. Легкие сковывала тупая боль, и женщина заходила в кашле.

Стояла кромешная тьма. Фрийдман принялась ощупывать пространство вокруг себя и вскоре поняла, что находится в ящике. «Гроб», в шутку подумала она и тут же сорвалась на истерику.

— Гроб! — выкрикнула она и затарабанила по крышке. Ее руки тут же покрылись многочисленными ссадинами, а в кожу впились занозы от неотесанного дерева.

Когда первая волна паники утихла, журналистка осознала, что кричать, находясь в двух-трех метрах под землей, было бесполезно. Она замолчала и тихонько заплакала, стараясь дышать медленно и неглубоко, чтобы не растратить жалкие остатки кислорода. Правой рукой она сжимала лопату, которую не могла поднять: высоты ящика не хватало. «Какая же я дура, — думала Фридман. — Трусливая дура. Даже если мужчины знают, где я, без лопаты они не успеют меня откопать». От безысходности журналистка решила мерно отстукивать по крышке своего гроба, пока у нее не кончатся силы.

— Мы не можем рыть все подряд, — возражал Ваню, наблюдая, как мы с Рисом елозим руками по земле. — Мы не откопаем ее одними пальцами. И потеряем драгоценное время.

— Не оставлять же ее здесь, — словно в бреду говорил МакКаунти. За последние дни он сильно привязался к своей попутчице.

— Это еще почему?

Я оторвался от своего действительно бессмысленного занятия и посмотрел другу прямо в глаза. Пожалуй, я еще никогда этого не делал.

— Мы здесь одни, Вань, — твердо ответил я. — Мы вчетвером и Эдди. Против целого штаба злодеев, понимаешь? Чтобы противостоять им, мы должны сплотиться и поддерживать друг друга. Если потеряется кто-то один, распадутся и остальные. Поэтому мы должны вытащить ее. Любыми способами.

Зайцев смотрел на меня отсутствующим взглядом. Он копался в себе, пытался что-то выудить из глубин своей души и показать, но, видимо, оно засело слишком глубоко. «Я часть социума, — убеждал он себя. — Я состою в обществе со схожими интересами. Мы идем вместе, рука об руку». На самом деле он так не считал. Парень чувствовал, как что-то внутри него шевелится, пытается вырваться, загореться. Это была его человеческая сущность. Но она была слишком мала и слаба, чтобы противостоять монстру, которого поселили в нем несколько лет назад.

На секунду я подумал, что раскусил Ваню. Мне показалось, что я нашел то, что он искал. Я понял, чем он стал так сильно отличаться от того Зайцева, которого я знал: раньше он мучился. Его разрывало на части от того, что собственная семья отказалась от него. Теперь точно так же он отказывался от одного из нас.

— Когда мы выберемся отсюда, — тихо заговорил я. — когда вернемся домой, мы все — ты, я, Каролина с Рисом — будем повязаны на всю жизнь. Мы уже не сможем исключить друг друга из своей судьбы. Мы будем одной семьей.

Бровь друга дернулась, и я убедился, что добрался до сути Ваниных терзаний.

— Нам нужно действовать быстро. Вряд ли туда вообще поступает воздух, — сказал Зайцев и подошел к крыльцу домика.

Оттуда он сделал три ровных шага влево и еще один наискосок. Двигался он с пугающей точностью, словно по линейке. Затем он опустился к земле и начал вслушиваться. Через пятнадцать секунд он кивнул, поднялся и обратился к нам с МакКаунти:

— Нужно копать здесь, — скомандовал друг.

Мы не задавали вопросов. Втроем мы принялись ковырять землю камнями и палками, как можно быстрее вырывая яму. У Ваню получалось лучше всех: он работал на высокой скорости. Мы с Рисом не задумывались о том, откуда у него столько сил. Мы вообще не подпускали к себе посторонних мыслей, чтобы не отвлекаться ни на секунду.

Тишина сводила Каролину с ума. Она пыталась услышать хотя бы шорох насекомых или песок, сыплющийся в щели между досками ее гроба. Но все было тщетно. Скорее всего, журналистке заложило уши из-за нехватки кислорода. Давление возрастало: невидимый пресс на груди становился все тяжелее с каждым вдохом.

Фридман уже не была уверена, открыты у нее глаза или закрыты. Одно она знала наверняка: у нее не осталось сил шевелиться или даже моргать. Она боялась упустить тот момент, когда перестанет дышать, — просто не заметить его и умереть с последней мыслью, которая наверняка окажется какой-нибудь глупостью.

Вот оно.

Легкие перестали принимать кислород. Но Каролина еще не умерла. На горло словно наступили шипованным ботинком. Женщина высунула язык, потому что ей казалось, что он распух и не помещается во рту. Давление извне переместилось внутрь тела, и теперь оно пыталось вытеснить внутренние органы наружу. Журналистка забилась в конвульсиях, невольно размахивая руками, ломая ногти о стенки ящика.

Наконец-то мы сделали это. Мы добрались до ящика достаточно быстро, учитывая, что он находился на глубине больше нашего роста. Я не отдавал отчета своим действиям: только наткнувшись на доски, я начал скрести их избитыми до крови пальцами. Ваню отодвинул меня и приподнял крышку. Следом за ней вышли гвозди, заколоченные с промежутком в два-три сантиметра. Мы с детективом не смогли бы сделать этого даже ломом.

Каролина была безобразна. Она лежала вся скрюченная, с окровавленными пальцами. Ее рот и глаза были в ужасе открыты. Женщина не дышала. Мы вытащили ее и положили на землю. МакКаунти рухнул рядом с ней на колени и принялся делать искусственное дыхание, отчаянно давя журналистке на грудь.

— Дыши, — бормотал он себе под нос.

Вдохнуть воздух в искаженный агонией рот было трудно, но детектив старался изо всех сил. Иногда мне казалось, что он сам вот-вот начнет задыхаться.

Мы с Ваню стояли в стороне и наблюдали. Внутри меня все сжалось от обиды, что и на сей раз я оказался бесполезным. Зайцев нервничал. Он был готов сорваться с места в любую секунду, чтобы что-то предпринять, но ждал. Он возлагал миссию по воскрешению Каролины на Риса.

Прошло уже много времени. С каждой секундой шансы на спасение Фридман таяли.

— Все, — прошептал друг. — Прошло семь минут.

Сразу после этих слов тело Каролины затряслось. Рис отпрянул, а журналистка начала громко кричать. Она жадно глотала ртом воздух, и по выражению ее лица было видно, как больно ей это дается. Затем она перевернулась и встала на четвереньки. Внутри нее все горело, словно она дышала не кислородом, а огнем. Голова сильно кружилась, так сильно, что невозможно было долго держать глаза открытыми. Женщину начало рвать.

Ваню побежал к фургону за водой. Я придерживал волосы журналистки, а детектив удерживал ее саму, чтобы она снова не упала.

— Как тебя зовут? — обеспокоено поинтересовался он.

Известно, что после продолжительной остановки сердца мозг может серьезно пострадать.

— Каролина, — сквозь слезы ответила женщина.

— Ты помнишь, где ты сейчас находишься?

Фридман издала истошный вой. Стало ясно, что она отлично помнила, где находится. Зайцев подоспел с бутылкой воды и бережно поднес горлышко к губам Каролины. Несколько глотков помогли ей немного успокоиться, и тогда мы все направились к машине. Рис нес журналистку на руках, а друг помогал мне, хотя я упорно пытался передвигаться сам.

— Муравей, — внезапно произнесла Фридман возле фургона. — Муравей потерялся.

— Этого и следовало ожидать, — кивнул Ваню. — Она теперь не в себе.

— Муравей не слышит своих братьев! — возмущенно воскликнула Каролина.

— Просто помогите ей залезть в машину, — пробормотал МакКаунти.

Я устроился с журналисткой в кузове, потому что нам с ней больше всех нужно было место, чтобы прилечь, и принялся неумело перевязывать ее руки. Зайцев захлопнул за нами дверь и направился к переднему сиденью. Его перехватил Рис.

— Я не случайно заслужил звание детектива, — начал он.

— И не случайно его лишился, — съязвил друг.

— Такой умный, а шутишь все еще на уровне школьника.

— К чему вы клоните?

— Я понял, кто ты. Точнее, *что* ты такое. Стоило лучше это скрывать.

Друг приблизился к МакКаунти, чтобы их разговор не долетел до наших с Каролиной ушей.

— Если бы я лучше скрывал, вы бы все уже передохли, — с угрозой ответил Ваню.

— Не пытайся меня запугать. У меня таких, как ты, был вагон и маленькая тележка. Не сверхлюдей, конечно, но я говорю о твоей натуре. Натуре убийцы.

— Я не убийца, — сквозь зубы процедил Зайцев. Он выходил из себя.

— Мы это наверняка не знаем. Зато слова Эдварда не поддаются сомнению: сверхлюди убивают обычных людей, это их инстинкты.

— И что дальше? Хотите всем рассказать? Вы этим ничего не добьетесь.

— Я хочу рассказать Никите. Не знаю почему, но заметно, как ты печешься об этом парне. Если он узнает, что ты обманывал его, он расстроится и перестанет с тобой общаться.

— Не томите, МакКаунти. Что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы *ты* был моим инструментом на испытании, а не та бесполезная железка, которую мне любезно предоставили организаторы.

Зайцев молча кивнул. Рис сел за руль и завел автомобиль.

День приближался к концу. Мы надеялись управиться с дорогой до вечера, но теперь солнце стремительно уплывало за горизонт, предоставляя нам очередную бессонную ночь. До следующего мотеля было всего полчаса.

— *Нам нужно разойтись и больше никогда не встречаться.*

— *Нет, теперь нас двоих будет вечно связывать тайна. Мы убили человека, Кит. Нам нельзя разделяться, чтобы в случае чего, согласовать показания.*

Теперь мы всегда будем вместе.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Запись №122

«Я пишу не для доклада. Не могу составить план работы с образцами на следующий год: работа в специальном отделе подбора кандидатов остановилась. Говорят, их распустили, но неужели это возможно? Разве что проект действительно собираются закрыть. Я была бы счастлива, если бы это оказалось правдой. Тем не менее, это звучит невероятно, и потому среди лаборантов ходят слухи, что все эти люди мертвы. Что было бы неудивительно на фоне последних событий, потому что убийства возобновились — и уже в крупных масштабах. Сегодня утром уборщица обнаружила всех наших ассистентов мертвыми. Они находились в комнате отдыха, где обычно проводили обеденный перерыв. Комната довольно просторная и легко вмещает все семнадцать человек.

Мою ассистентку Нади нашли частично в ее вещевом шкафчике. Кто-то запихнул ее туда, ломая кости, чтобы тело стало как можно компактнее. Но полностью она все равно не поместилась, поэтому ей оторвали ногу. На такое способно лишь существо с огромной силой. Нади еще отрезало несколько пальцев на руке, когда существо закрывало дверцу шкафчика.

Остальные тела были не в лучшем состоянии. Два обугленных ассистента валялись рядом с плитой. Еще несколько лежали неподалеку. Скорее всего, произошла утечка газа, и когда кто-то зажег конфорку, случился взрыв. Тем, кто пострадал меньше, не повезло. Их добились

куда более жестокими методами. Кому-то выдавили глаза, кому-то вскрыли грудную клетку. Зрелище было настолько ужасным, что уборщицу увезли на каталке в реанимацию — врачи пытались запустить ее сердце заново.

Трупы убрали, пол и стены протерли, но комнату все равно заперли на ключ: туда было невозможно войти. Там воняло разложением, словно вынесли не всех погибших. Кровь до конца не отмылась, и после нее остались грязные разводы.

Теперь я уверена, что убийство совершил сверхчеловек. Недавно я изучила работы своих предшественников, и многое прояснилось. Я узнала об опасных объектах, которых держали в специальной зоне, а когда выяснилось, что директор выпустил одного из них, цепочка событий сложилась в единое, разумное объяснение.

Никакого призрака не существует, и на самом деле мы имеем дело с чем-то куда более опасным, чем могли предположить. Сверхчеловек — созданный нами и до конца не изученный тип. Никто по-настоящему не знает, на что он способен.

Мы заперты в лаборатории, глубоко под землей. У нас ограничено количество продовольствия, а подача воды прекратилась несколько дней назад. Если мы не умрем от голода и обезвоживания, то погибнем от рук монстров.

Мы нуждаемся в помощи.

Доктор Аннетта Бернар,
Конец записи».

ПАРАДАЙЗ ВЭЛЛЕЙ, ЦЕРКОВЬ

Сквозь витражи, изображавшие молящихся ангелов, нежно лился свет полной луны, отбрасывая на пол разноцветные лучи. Многочисленные свечи хорошо освещали помещение церкви, но также сгущали темноту, забившуюся в углах. Скамьи были ровно расставлены, ожидая прихожан. Большое золотое распятие возвышалось точно посередине иконостаса. Тишину не смели нарушать даже мотыльки, слетевшиеся на огонь.

Эдвард стоял на коленях в проходе между рядами скамей. Приклоняясь, он читал молитву об упокоении усопших. Он просил у Господа прощения за то, что не похоронил Джулию должным образом, и просил пустить ее в рай. Он простоял так уже несколько часов. Ноги давно затекли, но Лидер и не думал останавливаться, пока не почувствует на душе облегчение.

— Как это низко, — эхом разнеслось по церкви. — Поклоняться статуэтке, имея такой внушительный разум. Видимо, не настолько ты умен, как заявляешь.

Эдди не отрывался от своего занятия.

— Обрати же на меня внимание! — потребовал Данте, встав у альбиноса за спиной. — Можешь исповедаться мне, я хотя бы живой!

— Ты тупее этого куска золота, — прошипел Лидер и открыл глаза. — Плевать мне, сколько книжек ты перечитал и насколько хороша твоя память. Ты все еще маленький невоспитанный ребенок, не знающий толка в жизни. Если ты еще не в курсе, я собираюсь закрыть проект и уничтожить вашу расу. Встанешь у меня на пути — умрешь!

— Заткнись! — Данте пнул Эдварда, и тот упал лицом в пол. — Нашу расу ничто не уничтожит! Мы превосходим вас по всем параметрам, значит, мы победители, априори! Я уже тысячу раз мог тебя убить! Ты знаешь, почему я этого не сделал?

— Потому что я единственный, кто с тобой возится, — прокричал Эдди и приподнялся на одной руке.

Щеки Данте гневно запылали. Он развернул альбиноса носком своего берцового ботинка и, схватив его за горло, оторвал от земли.

— Ты сам вызвался в кандидаты, — низко прогудел Данте. — Поэтому ты будешь проходить испытание. И оно начнется прямо сейчас!

Сверхчеловек швырнул Лидера к распятию. Он двигался очень быстро, и буквально за минуту вонзил колья в четыре конечности Эдварда. Тот кричал от боли, остро пронесшейся по его телу.

Те немногие, кто знал, что Эдди страдает алгофобией — боязнью боли, — уже были мертвы. Тело альбиноса парализовал страх, что в любую секунду ему сделают еще больнее. Зрачки расширились, разум затуманился. Лидер был не в состоянии думать, как выбраться из этой ловушки.

В это время Данте вытащил припрятанную среди скамей канистру с бензином и обильно облил Эдди, также пролив мокрую дорожку к подсвечнику. Оттуда он снял одну тонкую свечу и установил на конец бензиновой дорожки.

— Скоро свеча догорит, — радостно запел Данте. — Когда огонь приблизится к бензину, он вспыхнет. И ты вспыхнешь, как... свечка! — сверхчеловек неестественно рассмеялся. — Чтобы выбраться, тебе нужно преодолеть боль и освободиться от кольев. У тебя есть небольшое преимущество, ведь у тебя всего одна рука! Желаю удачи!

Данте в хорошем настроении покинул церковь. У выхода он очень тихо произнес всего одну фразу, но в мертвой тишине она прозвучала как гром среди ясного неба:

— Один — ноль в мою пользу.

Было очень тихо. Лишь изредка по церкви разносились всхлипы распятого альбиноса. Из ран на ладонях и ступнях на пол капала багровая кровь. Роковая свеча стремительно догорала.

Эдвард пребывал в состоянии. Его глаза широко раскрылись в безмолвном ужасе, изо рта стекала слюна. Он не мог пошевелиться: ледяной страх сковал все его тело.

Запах бензина бил в нос. Рассудок помутнел от токсичных испарений, голова кружилась. Это немного приглушало страх и притупляло боль, но разум то и дело распадался на обрывки воспоминаний, не связанных между собой.

Эдди резко рванул правой ногой. Кол прошел сквозь ступню, оставив после себя рваную дыру. Лидер издал жалобный вой, словно раненое животное, попавшее в капкан. Из глаз брызнули слезы, но теперь они скорее выражали злость, чем страх или боль. Когда одна нога освободилась, вес сместился вниз, и это плохо сказалось на руке, на которой Эдвард теперь фактически висел. Он чувствовал, как кол разрывает кисть, и понимал, что руку нужно освободить как можно скорее, если он не хочет лишиться ее.

Лидер сделал три резких выдоха и дернул рукой. Новая волна боли пронзила его, ударив током по всем нервам. На этот раз прием не сработал: этот кол был длинным, и просто так с него было не соскочить. Альбинос понимал: если бы не пары бензина, прожигающие ему мозг, он бы уже потерял сознание, и все бы закончилось. Но этого не произошло, и теперь Эдди предстояло пережить очередное мучение, которое из-за его фобии было для него хуже, чем прямой выстрел в голову.

«Нужно соскальзывать медленно», — решил Лидер, потому что еще один рывок мог оставить его без кисти. Он принялся стягивал ладонь с кола, слушая хлюпающие звуки вытекающей крови и рвущихся сухожилий. Пришлось с силой стиснуть зубы, чтобы случайно не прикусить язык.

Рука освободилась, и Эдди рухнул на пол. Намокшая бензином челка упала на глаза, и они защипали, временно лишив молодого человека зрения. Лидер заметался в агонии, закрыв лицо израненной ладонью.

— Тварь! — изрыгал проклятия он. — Я найду тебя и прикончу!

Кровь из раны попала в горло, и Эдвард поперхнулся.

Дверь в церковь тихонько приоткрылась. В щель просунулась аккуратная женская голова. Она увидела человека, прибитого одной ногой к распятию, катающегося в луже крови и чего-то еще, и сразу все поняла. На цыпочках она проскользнула мимо рядов скамеек и последовала

по радужной бензиновой дорожке, чтобы определить, к какой свече он ведет. Альбинос не замечал чужого присутствия.

Ей было все равно на его судьбу, тем более что она прервалась бы меньше, чем через минуту. Но мученик был ей знаком, и он мог бы ей помочь. Она присела и дотронулась до его плеча тонкими пальцами.

— Ты не знаешь, где Алиса? — твердым, беспристрастным голосом спросила она.

Эдди убрал с лица ладонь и прищурился. Он не мог понять, реальна ли склонившаяся над ним девушка или нет.

— Алиса, — требовательно повторила она.

— Знаю, — прокричал Лидер. Он мог держать глаза открытыми только секунду, поэтому приходилось часто моргать.

Женщина кивнула, облизала большой и указательный пальцы и притушила догорающую свечу. Эдди с облегчением выдохнул и позволил себе отключиться на несколько минут.

Когда он очнулся, они с девушкой были уже на улице. Ступни и ладонь альбиноса были замотаны в какие-то тряпки, протез левой руки отсутствовал. Девушка предложила воды, чтобы смочить горло и промыть глаза.

— Кто ты? — поинтересовался Лидер.

— Меня зовут Рита.

— Ах, сверхчеловек...

Девушка настороженно оглянулась по сторонам и молча кивнула.

— Я тебя долго искал после нашей первой встречи, Рита, — усмехнулся Эдвард. — Но мне сказали, что ты мертва.

— Им показалось, — жестко отрезала та. — Ты сказал, что знаешь, где Алиса. Отвечай.

— Она в лаборатории, под землей. Ты наверняка помнишь, где это, верно? Ее держат в сто двадцатой комнате, в правом крыле. Тебе следует поторопиться, ей скоро будут проводить операцию.

Рита снова кивнула и резко поднялась.

— Спасибо за... — начал Эдди, но девушки уже и след простыл. — помощь, — пробубнил он себе под нос.

Альбинос с усилием поднялся с земли, отряхнулся и направился к ближайшему жилому дому, чтобы принять душ. Голова гудела после опьянения большим количеством токсинов. Передвигаться было тяжело, поэтому пришлось подобрать палку для опоры. Рука будет очень долго заживать. Но вместо отчаяния на лице у Лидера появилась кривая ухмылка.

— Данте открыл счет в нашей маленькой войне. Настало время для ответного удара.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Данте радостно направлялся в красную зону, чтобы встретиться со своим соседом Амритом. Индус обещал ждать его в комнате и послушать, как Данте прекрасно справляется со своими обязанностями, связанными с восстановлением системы эксперимента.

В красной зоне уже не осталось охраны. На двух внешних уровнях были разбросаны трупы несовершеннолетних сверхлюдей, которые так и не смогли противостоять распущенным опасным особям. Все двери были открыты, поскольку в них все равно не было никакого толку.

Комната Данте оказалась пуста, и его настроение резко ухудшилось. Еще никогда не случалось такого, чтобы Амрит опаздывал. Данте насторожился и направился к соседу сам.

Дверь в спальню индуса была притворена. Из нее в коридор просачивался тонкий металлический запах крови, который могли различить лишь существа с тонким обонянием. Данте вошел внутрь. В ней не было кровати, зато повсюду на полу были разбросаны подушки. Мертвое тело Амрита валялось поверх них. В его широком лбу зияло маленькое пулевое отверстие. Лицо индуса выражало удивление.

Данте смерил соседа презрительным взглядом и пошел в противоположную сторону, откуда, должно быть, произошел выстрел. У стены стоял холодильник, внутри которого оказался нехитрый механизм, спускавший курок девятимиллиметрового пистолета при открытии дверцы. На полке лежала сложенная пополам записка. Она предназначалась Данте.

Сверхчеловек брезгливо расправил ее двумя пальцами и прочитал: «Не такие уж вы и особенные. Счет: 1:1».

Данте в ярости опрокинул холодильник и принялся крушить все вокруг. Не пощадил он и труп бывшего соседа, несколько раз сильно пнул его ногой.

— Какая тупая смерть! — разъяренно орал он. — Как ты мог так меня подставить, Амрит?! Теперь я выгляжу полным идиотом!

На крик сбежалось несколько сверхлюдей. Они выстроились в ряд, осторожно наблюдая за тем, как Данте вымещает злость на всем, что попадалось ему под руку.

— Вы — сборище неудачников! — заявил он. — Если кто-нибудь из вас посмеет сдохнуть от рук человека, особенно этого высокомерного ублюдка Эдварда, я лично позабочусь о том, чтобы полегли и все остальные! Всем ясно?!

Озадаченная толпа из пяти сверхчеловек хором кивнула. Все они ненавидели Данте в те моменты, когда он считал себя выше остальных, но не признавать, что он действительно умнее их, было бы нечестно. Конечно, они могли бы сплотиться и прикончить выскочку, но сверхлюдей и так пока было слишком мало, чтобы устраивать внутренние войны.

— Где козявка Иветт?! — продолжал вопить Данте. — Я не стану повторять дважды!

— Забудь про нее, — спокойно ответил испанец Гойо. — Она у себя на уме, ее и так почти не видно. Пусть занимается своими делами.

Данте немного успокоился.

— Просто передайте ей, — выдохнул он. — Ее это тоже касается.

Парень стремительно покинул индийские хоромы и заперся в своей комнате.

— Нам что, теперь это убирать?

— Да пофигу. Просто закройте дверь, чтобы не воняло.

ОТДЕЛ КАДРОВ

На столе руководителя отдела по отбору кандидатов на первый этап эксперимента лежал подписанный директором приказ: он велел немедленно уволить весь отдел с хорошим денежным поощрением и рекомендациями. Руководитель без промедления исполнил приказ и теперь, радостный, собирал свои вещи, чтобы поскорее покинуть ставший ненавистным кабинет и отправиться домой. Ему было все равно, что без него и его подчиненных ход эксперимента приостановится — на этапе отбора непосредственных кандидатов для усовершенствования. Он не держался за свою должность в свете последних событий: смерти сотрудников, психических отклонений... Нет, лучше он поедет домой, к жене и детям, которые так давно его ждут.

Вещи были собраны, и бывший руководитель, посвистывая, уже собирался выйти из кабинета. Дверь резко распахнулась и с такой силой ударила его, что мужчина отлетел и упал на пол. В помещение ворвался длинноволосый парень, поднял руководителя за ворот и угрожающе прижал к стене.

— Это что еще за хрень? — шипел Данте, злобно сощутив глаза. — Настало время составлять план по подбору кандидатов на следующий год, а работа стоит!

— Д-директор, — заикаясь, распинался бывший руководитель отдела. — На столе лежит его приказ о распуске отдела.

Данте свернул мужчине шею и принялся копаться в бумагах, разбросанных по рабочему столу. Руководитель не собрал их, оставив для своего последователя. Приказ лежал сверху, датированный предыдущим днем.

— Подделка, — процедил Данте. Он знал это наверняка, так как его отца вот уже несколько дней не было в живых, он лично об этом позаботился.

Кое-что еще привлекло взгляд парня. Среди деловых бумаг лежала неаккуратная заметка, написанная от руки. Она гласила: «2:1 в мою пользу».

Данте смял ее, не издав ни звука.

— Ты разозлил меня, Эдди, — низко произнес он. — Я больше не стану тебя жалеть.

ОПЕРАЦИОННАЯ

— Мы подписываем этой девочке смертный приговор, — тяжело вздыхал хирург, подготавливая Алису к операции. Она уже находилась под действием общей анестезии.

— Не мы, а начальство, — возразил ассистент. — Мы всего лишь исполнители.

— То есть, ты бы оправдал Гимmlера, потому что он всего лишь исполнял приказ? — прошипел хирург. — Ты понимаешь, что помимо того, что у бедного ребенка и так мало шансов пережить тяжелую операцию по пересадке органов, у нас еще и органов нормальных не осталось! Нам ее прислали внепланово, и все, что мы можем ей пересадить, это, пожалуй, почку, роговицы и... И все!

— У нас есть еще печень, — перебила медсестра.

— Нет, — отрезал хирург. — Эта печень не подходит по группе крови. Произойдет отторжение, и девочка умрет.

— На холодильнике написано, что подходит, — не отставала медсестра.

— Да что вы путаете! — вспыхнул хирург. — У Алисы кровь второй группы с положительным резус фактором, а печень...

Хирург выхватил у медсестры контейнер с органом, чтобы лично указать на подпись. Но на ярлыке было написано, что печень принадлежит победителю 2010 года и подходит для первой группы крови с отрицательным резус-фактором.

— Не может быть, — пробубнил хирург. — Я сам смотрел сегодня утром. Было написано «I-», а теперь...

Ассистент глянул хирургу через плечо.

— «II+», — прочитал он. — Похоже, вы ошиблись. Такое случается из-за перенапряжения.

— Я хирург с пятнадцатилетним стажем. У меня не бывает настолько нелепых ошибок!

— Успокойтесь, док! Давайте просто пересадим ребенку печень и забудем обо всем этом как о страшном сне.

Хирург и ассистент разошлись. Медсестра осталась стоять на месте, поглаживая контейнер. Под маской не было видно ее злобной улыбки, а под длинными штанами платформу на сорок сантиметров — примерно такой была разница в росте между Иветт и несчастной медсестрой, которую девочка убила в раздевалке и заняла ее место в операционной.

— Скоро я займу и твое место, Алиса, — мурлыкала Иветт. — У меня будет семья. Дом. У меня будет мама...

Глава 11

Была уже глубокая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.